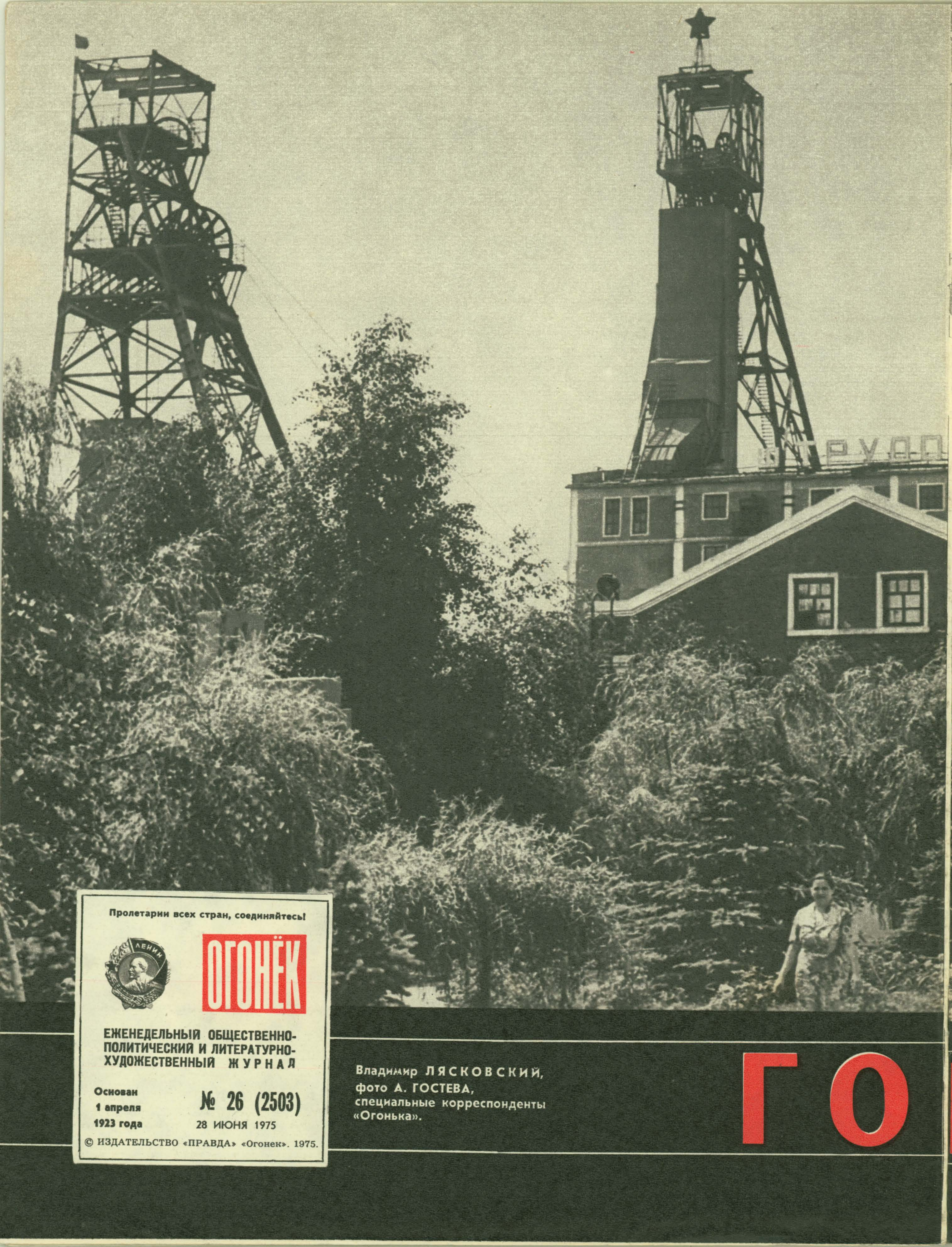

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

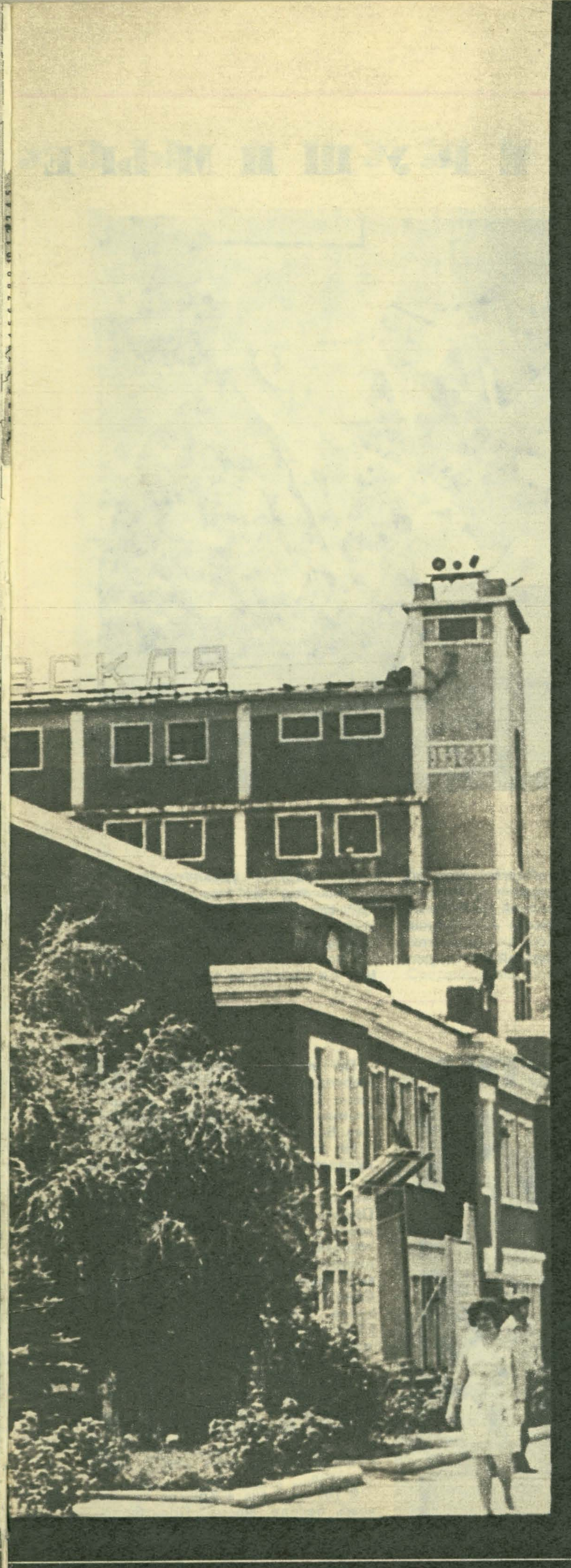
Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2503)

28 ИЮНЯ 1975

Владимир ЛЯСКОВСКИЙ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька».

ГО

РИЗОНТЫ

См. стр. 6—7

НЕРУШИМЫЕ

17 июня в Москве по приглашению ЦК КПСС находился с дружеским визитом Первый секретарь ЦК СЕПГ товарищ Эрих Хонеккер.

Состоялась встреча товарищей Л. И. Брежнева и Э. Хонеккера.

Были обсуждены кардинальные вопросы дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях.

С глубоким удовлетворением отмечалось, что между СССР и ГДР сложились и крепнут нерасторжимые узы, охватывающие все сферы жизни общества.

На снимке: во время беседы.

В ИНТЕРЕСАХ СОТРУДНИЧЕСТВА

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР в Советском Союзе находятся с официальным визитом король бельгийцев Бодуэн и королева Фабиола.

На аэродроме, украшенном государственными флагами Бельгии и Советского Союза, у трапа самолета высоких гостей встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и другие официальные лица.

23 июня в Кремле состоялась встреча Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с королем Бодуэном, которого сопровождали премьер-министр Бельгии Л. Тиндеманс и министр иностранных дел Р. Ван Элсланд.

В тот же день в Кремле состоялась беседа члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с премьер-министром Бельгии Л. Тиндемансом и министром иностранных дел Р. Ван Элсландом.

На снимке: встреча на аэродроме.

Фото А. Гостева

УЗЫ ДРУЖБЫ

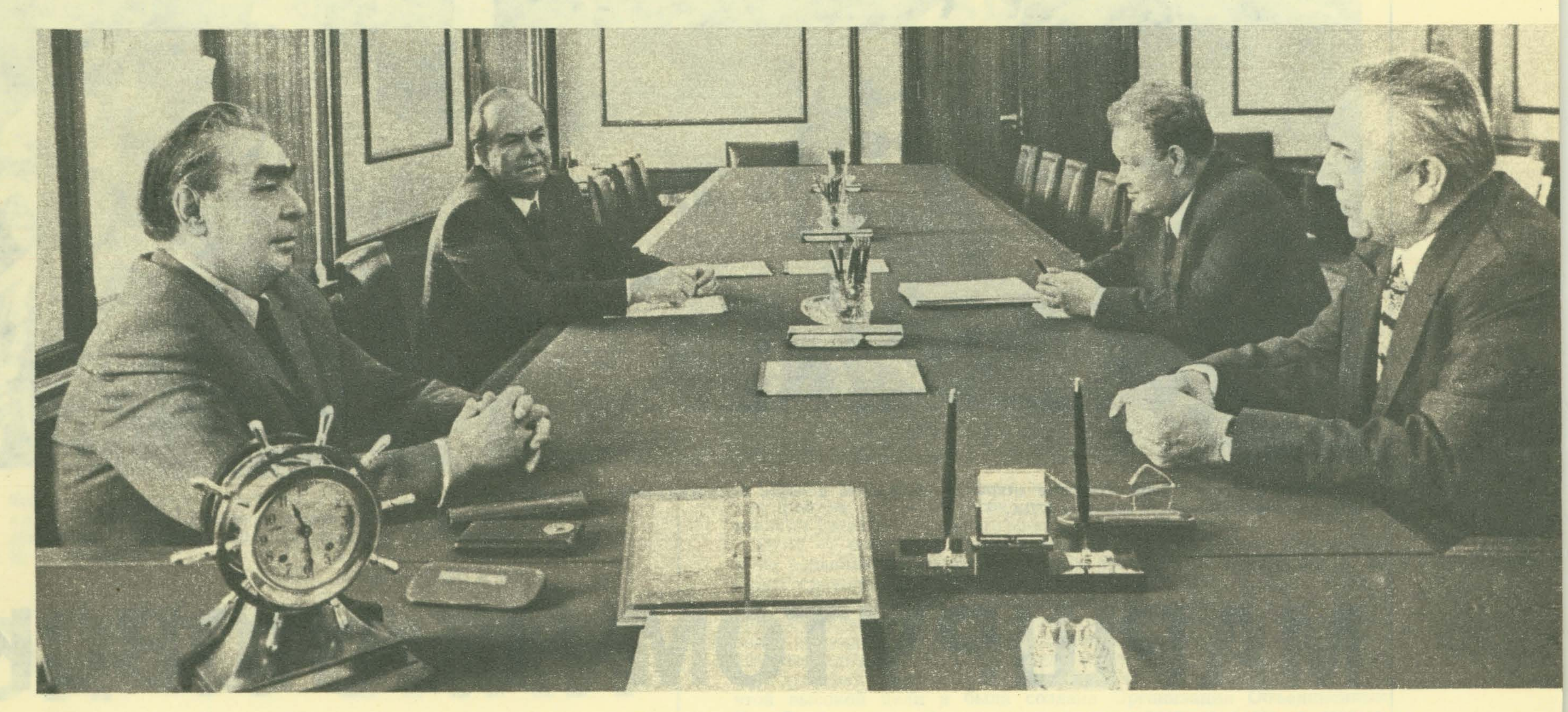

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

23 июня в Москве по приглашению ЦК КПСС находился с дружеским визитом Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Эдвард Герек. В тот же день состоялась встреча товарищей Л. И. Брежнева и Э. Герека.

Руководители братских партий обменялись информацией о подготовке XXV съезда КПСС и VII съезда ПОРП, о ходе выполнения планов развития экономики и культуры двух стран.

Состоялся обстоятельный обмен мнениями по актуальным проблемам мировой политики.

Советский Союз и Польская Народная Республика будут и впредь, последовательно координируя свои действия и выступая в тесном сплочении с социалистическими государствами, со всеми силами мира и прогресса, вести борьбу за дело социализма, за избавление человечества от опасности войны, за свободу народов.

На снимке: во время встречи.

ВЕЧНО БУДЕТ СЛАВЕН

Парад Победы! Светлым праздником стал ты для народов нашей страны, для миллионов людей во всем мире.

Тридцать лет прошло с того парада, но мы помним его до мельчайших подробностей, а для тех, кто не был его современником, он сохранен навеки в лентах кинохроники, кадрах фоторепортеров, в полотнах художников, на страницах книг. И вечно будет славен советский солдат, принесший мир народам планеты нашей!

Фото С. Гурария

Ванкувер, 21 июня. Торжественное открытие монумента в честь беспосадочного перелета из Москвы через Северный полюс в США.

МАРШРУТОМ ЧКАЛОВСК

Этот рейс выполнялся вне расписания. Стартовав утром 18 июня в Шереметьеве, самолет Аэрофлота ИЛ-62м вечером того же дня совершил посадку в аэропорту американского города Сиэтла. Находившиеся на борту лайнера члены экипажа легендарного АНТ-25, совершившего в июне 1937 года беспримерный перелет через Северный полюс в Америку, Герои Советского Союза Г. Ф. Байдуков, А. В. Беляков и сын руководителя перелета В. П. Чкалова — Игорь Валерьевич направлялись в город Ванкувер на торжества по случаю открытия монумента в честь славных советских летчиков. Этот акт — еще одно свидетельство дальнейшего улучшения советско-американских отношений.

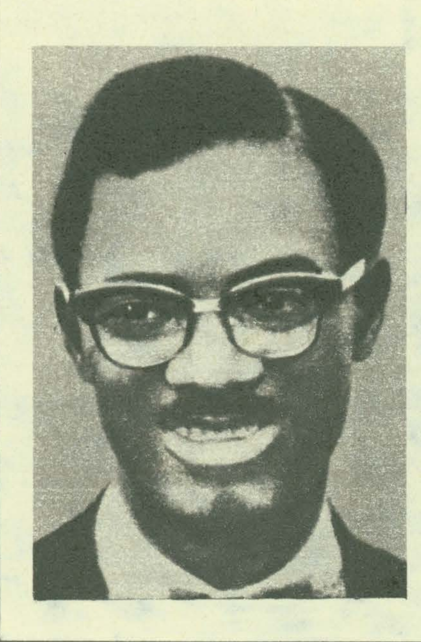
Сделать мир таким, чтобы в нем мирно сотрудничало не только нынешнее поколение американцев и советских людей — эта тема была главной на торжественном открытии мемориального комплекса в Ванкувере. На гранитном постаменте установлен обелиск, в центре которого — бронзовый барельеф с изображением самолета АНТ-25, летящего над Северным полюсом. На другой стороне обелиска — выдержки на русском и английском языках из сообщений газет «Правда» и «Известия» о полете чкаловцев...

Этот памятник уникален не только тем, что он первый в США, посвященный подвигу советских людей. Чкаловский мемориал замечателен и тем, что создан по инициативе самих ванкуверцев, на

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Б. ПИЛЯЦКИН

ВЕРНЫЙ СЫН АФРИКИ

Это было на одной из залитых щедрым африканским солнцем площадей Киншасы — столицы Республики Заир. Вокруг мраморного пьедестала выстроились солдаты президентской гвардии, замер оркестр. В присутствии сотен людей состоялась торжественная церемония закладки памятника Патрису Лумумбе.

Да, проходят годы, но не меркнет имя первого премьер-министра Республики Конго (так называлась эта страна до того, как она приняла древнее африканское имя — Заир). Лумумбу помнят не только соотечественники, его чтит не только Африка. Он принадлежит всему человечеству. Потому что прекрасная жизнь и мученическая гибель Патриса навсегда остались олицетворением верности идеалам свободы, решимости бороться за правое дело, бесстрашия перед лицом коварного и могущественного врага.

Вернемся к дням пятнадцатилетней давности, в знойный июнь 1960 года, когда в конголезском небе под гром салюта впервые взвились национальные стяги свободы. Империалистические «опекуны» ожидали, что Патрис Лумумба на праздновании независимости Республики Конго будет благодарить их за «благодеяния», оказанные его стране. Но «именинная» речь не прозвучала. Она и не могла прозвучать: скромный почтовый служащий, который волей народа поднялся к штурвалу государственного корабля, чтобы вести его неизведанной дорогой независимости, был истинным революционером — рыцарем чести, не умевшим и не желавшим лицемерить.

И он бросил в лицо господам, собравшимся в салоне для знатных особ, свои знаменитые слова: «Ни один житель Конго никогда не забудет, что независимость завоевана нами в борьбе, борьбе повседневной, упорной, трудной. В борьбе, где нас не останавливали ни лишения, ни страдания, ни огромные жертвы, ни кровь, пролитая нашими народами... Наши раны еще слишком свежи, слишком болезненны, чтобы мы могли сразу о них забыть».

На календаре стояло «30 июня». Ровно через 11 дней Чомбе поднял мятеж в «медной» Катанге, которую бельгийская «Юнион миньер» считала своей неоспоримой вотчиной. Началась открытая война империалистических монополий и стоявших за ними западных держав против конголезской республики и ее законного правительства во главе с Патрисом Лумумбой.

Силы были явно неравны. Новая Африка еще только становилась на ноги, у нее недоставало ни

Вашингтон, 23 июня. На встрече в Белом доме. Справа налево: А. В. Беляков, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, президент США Дж. Форд, Г. Ф. Байдуков, И. В. Чкалов.

Телефото ТАСС и АП.

ОЙ ТРОЙКИ

их добровольные пожертвования. «Для памятника советским летчикам,— подчеркнул Джон Вранизан, вице-президент компании «Мур», участвовавшей в сооружении монумента,— люди отдавали средства с готовностью, несмотря на экономические трудности».

Жители маленького Ванкувера сделали большое и благородное дело. «Расчистить заносы «холодной войны» нелегко и непросто,— сказал Р. Гренджер, комиссар графства Кларк, в котором находится Ванкувер.— Одним махом с этим не справиться. Противники разрядки не сдают своих позиций без боя. Но те, кто выступает за улучшение отношений, имеют под собой крепкую базу».

опыта, ни средств, чтобы противостоять тщательно спланированному и организованному заговору. Но она знала, что на ее стороне симпатии и моральная поддержка всего прогрессивного человечества, что миллионы людей планеты подняли свой голос в защиту молодой независимой страны. «Что в Конго?», «Выстоит ли?», «Как там Патрис?» — эти мысли каждодневно будоражили сердца, вселяли надежду, тревогу и снова надежду, гордость за стойкость и мужество патриотов, ненависть и презрение к их врагам.

Потом наступила развязка. Враги конголезского народа, арестовавшие Лумумбу, отправили его вместе с двумя боевыми соратниками — Окито и Мполо — в мятежную Катангу, где, согласно заранее расписанному сценарию, Чомбе и его приближенные должны были довершить остальное. В седьмом часу вечера 17 января 1961 года на аэродроме в Элизабетвиле (ныне Лубумбаши) приземлился самолет ДС-4. Трех пленников, избитых и изувеченных, с завязанными глазами, руками, скрученными сзади, выволокли по трапу и бросили в военный автомобиль. Зловещий кортеж на огромной скорости помчался на окраину города к уединенному домику, где уже поджидали наемные палачи.

...Время все поставило на свои места. Убившие Лумумбу выброшены на обочину истории. А домик, где в ту страшную январскую ночь оборвалась жизнь Патриса Лумумбы, по решению правительства Заира стал национальной святыней. О Лумумбе написаны книги и сложены стихи. Тысячи молодых людей окончили университет в Москве, который носит его имя. В самом Заире в прошлом году спущен на воду пароход «Лумумба». В разных странах, на разных континентах есть площади и улицы с табличками «Патрис Лумумба».

В эти дни Лумумбе исполнилось бы 50. Будь он жив, он стал бы современником рождения многих новых независимых государств Африки, крушения португальской колониальной империи, агонии последних расистских режимов на континенте. Лумумбы нет с нами, но он по-прежнему в первой шеренге борцов за священное дело свободы народов, такой же молодой, одухотворенный, устремленный вперед.

УСТАВ ООН: ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Наш взгляд

Сергей ВИШНЕВСКИЙ

Язык международных договоров обычно сух и немногословен. Но есть документ, величественные строки которого запоминаются на всю жизнь. Всякий раз, когда я вхожу в стеклянный небоскреб Организации Объединенных Наций на Ист-Ривер, эти слова вновь приходят на ум:

«МЫ, НАРОДЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЕ РЕШИМОСТИ избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе...»

Так начинается Устав ООН, тридцать лет назад возвестивший рождение международной организации, призванной укреплять мир и безопасность народов. Представители 50 государств подписали его 26 июня 1945 года в Доме ветеранов белокаменного Сан-Франциско.

Сегодня жизненность этого документа убедительно подтверждена тем фактом, что о согласии с целями и принципами Устава ООН заявили уже 138 государств мира.

ООН — ровесница великой Победы над фашизмом. Подготовка к ее созданию развернулась еще в ту грозную годину, когда на полях сражений второй мировой войны грохотали орудия. Боевое сотрудничество стран антигитлеровской коалиции подтвердило практическую возможность и необходимость мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В огне войны выкристаллизовывалось понимание жизненной потребности совместных действий государств во имя обеспечения всеобщего мира. Для этой высокой цели и была создана Организация Объединенных Наций — инструмент упрочения международного мира и сотрудничества.

Активнейшее участие в выработке документа приняли делегации Советского Союза, Белорусской и Украинской ССР, и этим в огромной мере объясняется то, что Устав пронизан идеей мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам.

За три десятилетия Устав ООН выдержал испытание временем. И именно тогда, когда ООН до конца руководствовалась его высокими принципами, она вносила подлинно конструктивный вклад в укрепление мира на земле, в развитие международного сотрудничества, в ликвидацию позорной колониальной системы империализма.

Мне не раз приходилось освещать работу различных органов ООН. В залах здания на Ист-Ривер я неоднократно мог убедиться в том, каким высоким авторитетом пользуется миролюбивая социалистическая дипломатия среди подавляющего числа делегатов. И это понятно, ибо на каждой из состоявшихся 29 сессий Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз выдвигал ценные инициативы, служащие интересам всеобщего мира. Многие советские предложения воплотились в важные решения организации. Только в последние годы по инициативе СССР были приняты резолюции Ассамблеи о созыве Всемирной конференции по разоружению, о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия и ряд других. Как и повсюду, в стенах ООН Советский Союз ведет активную борьбу за реализацию Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС. Практические результаты этой борьбы налицо.

Были в тридцатилетней истории ООН и мрачные периоды, когда западные дипломаты нагнетали в стенах организации атмосферу «холодной войны», штамповали с помощью «машины голосования» решения, идущие во вред миру. Ареной напряженной дипломатической борьбы здание ООН нередко бывает и сейчас, однако в целом климат в организации резко изменился. Атмосфера там стала более деловой и конструктивной. Инициатива прочно принадлежит странам социалистического содружества, молодым независимым государствам Азии, Африки и Латинской Америки. По мере углубления процесса разрядки напряженности учащаются случаи, когда представители социалистических и капиталистических стран (например, СССР и США) выступают с совместными предложениями, отвечающими интересам всех народов.

«В ООН дуют ветры перемен», — констатирует американский еженедельник «Ньюсуик». Конечно, далеко не всем по душе такие перемены. В определенных кругах США, Израиля и некоторых других государств раздаются озлобленные выкрики о «тирании большинства» в ООН, призывы к пересмотру Устава и т. п. Систематически стремятся срывать работу ООН и дипломаты из Пекина. Однако поборникам напряженности все труднее идти против усиливающегося здорового течения в ООН.

Организация Объединенных Наций может и должна быть все более эффективным инструментом укрепления мира и сотрудничества — к этому призывают благородные принципы Устава ООН, вдохновляющие все миролюбивое человечество.

ГОРИЗОНТЫ

См. 2-ю стр. обложки

«Новое поколение советских тружеников высоко несет знамя, поднятое героями первых пятилеток.

Разве не об этом говорит, например, замечательное движение передовиков шахтерского труда—движение за добычу из одного механизированного очистного забоя тысячи и более тонн угля в сутки».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.

Натурные съемки художественного кинофильма «Каждый день жизни» Одесская киностудия вела на донецкой шахте «Трудовская». Режиссер и кинооператор не скрывали своего удовольствия: попали на самую современную шахту, давно снискавшую себе прочную репутацию правофланговой. Им представилась добротная «натура»: в лавах не просто комбайны новейших систем, но целые механизированные комплексы, позволяющие коллективу выдавать на-гора́ рекордную добычу угля. Все здесь просилось в кадр: и живописный поселок с опрятными домиками, и внушительное здание административно-бытового комбината, окрашенное в розоватый цвет, и пламенеющий среди сиреневатых терриконов броский транспарант: «У нас каждый в ответе за работу своей шахты». При этом новичкам непременно пояснят, что в конце этого лозунга стоит не восклицательный знак, а точка: мол, это не призыв, а констатация факта, это уже стало нормой, привычкой, буднями.

Облюбовал кинооператор и нарядную: для каждого участка — свой зал с полированной мебелью, в вазонах — цветы, стены отливают голубизной, затейливая мозаика из разноцветных камней и пестрого пластика в коридорах и фойе.

В ламповой дышится легко, полной грудью, в аквариумах резвятся золотистые рыбки, а в клетках, словно на конкурсе, состязаются голосистые канарейки.

Режиссер пригласил группу молодых симпатичных шахтеров сняться в кинофильме. И вот нежданно-негаданно киноактером сделался секретарь комитета комсомола шахты Саша Шкиндер — сейчас его уже величают Александром Васильевичем,— непоседливый, острый на язык, чуточку вспыльчивый и непосредственный в выражении своих чувств. Внук забойщика, сын крепильщика, Саша Шкиндер подростком поступил сюда учеником электрослесаря, рвался в штрек и в лаву, но его туда не пускали — годами еще не вышел. Позже паренек окончил Донецкий политехнический институт, стал инженером и комсомольским вожаком на шахте.

Однако новоиспеченный киноактер неожиданно заартачился, когда познакомился со сценарием будущего фильма.

— Не буду сниматься! — наотрез отказался он.

— Почему? — спросили у него.

— Не тот директор, совсем не тот. Откуда такого сухаря откопали, перспектива у него с комариный нос. Да разве наш Антипов пойдет на конфликт с бригадиром по пустякам?

— Позволь, Саша,— растолковывал ему секретарь парткома Валерьян Сергеевич Толмачев.— При чем тут Антипов? Ведь фильм-то не про нас?

— Но снимается картина на «Трудовской»? Кто же в Донбассе не знает нашу шахту!

— Чудак,— усмехнулся секретарь парткома.— Фильм-то художественный, а не документальный. Спасибо надо сказать киностудии, что взялись за шахтерскую тему. Они у нас только натуру, Саша, снимают. На-ту-ру. Понял? Штрек им наш понравился, подземный трамвай. Режиссер все вздыхает: «Ах, боже мой, как в метро!» И в столовой грот с фонтанчиком... Ну, и пускай себе снимают на здоровье...

Но Саша продолжал доказывать, что директор шахты в фильме непременно должен быть «таким, как наш Антипов». Может, это вызывало ироническую улыбку у режиссера, но в словах комсомольского вожака был свой резон.

— Мы всю биографию Антипова знаем,— твердил он.— Поверьте, для кино это находка. Одиннадцать лет Антипов на «Трудовской». Героя Труда получил. Кандидатом технических наук стал тут, на шахте.

Он перечислял, загибая пальцы: Антипов и заслуженный шахтер УССР, и член Донецкого горкома партии, и член Комитета по государственным премиям республики в области науки и техники.

Саша не терял надежды, что режиссер все же уступит, внесет исправления. Он подыскивал самые убедительные аргументы:

— На какой шахте вы найдете два спортивных комплекса? Чьи боксеры самые сильные? Наш крепильщик Владислав Засыпко—чемпион Европы! Любят спорт на шахте? Любят! А от кого эта любовь идет? От ди-рек-то-ра. Антипов сам был боксером и чемпионом области в среднем весе. И голубей водит — это для вашего кинофильма изюминка!

Никак не хотел Саша смириться с конфликтом, предложенным сценаристом: бригадир-новатор борется за то, чтобы лаву разрабатывать дальше, а директор-консерватор ратует за то, чтобы лаву закрыть и таким образом избавиться от лишних хлопот. Саше доподлинно известно, что с бригадирами у Антипова самый тесный контакт, это его опора. Чего стоит один Иван Стрельченко!

— А наш главный инженер? — доказывал Саша.— Аркадий Владимирович Ачинович. Кто дал бой за новый комплекс «Титан-1»? Главный инженер Ачинович. «Титан» механизировал нам забутовку породы, ускорил проходку вентиляционного штрека, двадцать четыре человека высвободил...

Когда Антипов пришел на шахту директором и предложил избавиться от устаревшей техники, не все были согласны. Ему возразили: мол, не по-хозяйски разбрасываться комбайнами «Горняк» и «Донбасс». Антипов, подумав, ответил:

— Согласен с вами, что комбайну «Донбасс» надо низко поклониться. Машина умная, выносливая, практичная. Но эти комбайны сыграли свою роль. А мы должны увеличить нагрузку на лаву. Старый рецепт «уголь любой ценой» решительно отвергаем. Мы за эффективность производства, за концентрацию горных работ. Это веление времени. Я сегодня говорил с бригадиром Стрельченко. По его скромным подсчетам, можно увеличить добычу на восемьсот—девятьсот тонн.

— В месяц?

— За сутки,— сказал Антипов.— И я верю Стрельченко. Таким, как Стрельченко, нельзя не верить. Вы послушайте этого бригадира, он двумя руками голосует за конвейерный транспорт. Давайте, говорит, нам поскорей узкозахватные машины, оснастите забои изгибающимся конвейерами, и мы изменим нарезку лав...

Руководители шахты души не чаяли в «тельняшках»— так на шахте называли группу моряков, приехавших сюда после демобилизации с кораблей Черноморского флота. А верховодил «тельняшками» энергичный, волевой и веселый моряк Иван Стрельченко. Был Стрельченко проходчиком, рабочим очистного забоя, бригадиром, машинистом угольного комбайна, потом возглавил сквозную комплексную суточную бригаду. У него под началом 150 человек. Это бригадир высокого класса, который умело маневрирует звеньями, техникой. Это шахтер, который все время тянется к знаниям. Он студент-заочник. Ему приписывают многие начинания, но Стрельченко, когда заходит речь о них, обязательно внесет поправку: «Это мы вместе с директором обмозговали». Или: «Это идея главного инженера, а я лишь применил на практике».

В музее истории шахты делам Стрельченко отведена солидная экспозиция. Центральное место в этой экспозиции — телеграмма Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева: поздравление с рекордом. А рядом — сувениры, подаренные бригадиру шахтерами Чехословакии, Польши, ГДР, Франции, Бельгии, две бурки — от горняков Грузии и Киргизии. Выставлен здесь и его комбайн, поднятый на-гора́, комбайн, на котором Стрельченко добыл без ремонта 1 200 тысяч тонн угля.

От озорной «тельняшки» остались, пожалуй, задор, неугомонность, любовь к шутке.

Иван Иванович Стрельченко, по сути дела, политический и государственный деятель. Он Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции. Он член ЦК КП Украины, член обкома партии, депутат Верховного Совета СССР трех созывов.

Видимо, не случайно Саша Шкиндер, ссылаясь на дружбу директора шахты и знатного бригадира, темпераментно доказывал режиссеру:

— Разве вы не чувствуете, какие горизонты штурмует наш Стрельченко? Был у нас в гостях летчик-космонавт Георгий Тимофеевич Береговой. Он лаву Стрельченко называл космической. Вот по каким горизонтам шагают на шахте.

Такие, как Стрельченко, как ветераны труда Анатолий Гапоненко, Иван Задорожный, Иван Татару, Василий Калашник,— главные консультанты руководителей шахты. Идет ли речь об открытии техническом или об открытии судьбы человеческой.

Бывший крепильщик Леонид Шафорост окончил философский факультет Ленинградского университета, защитил диплом на тему «Технический прогресс и психология человека». Заколебался Шафорост, приуныл: найдется ли ему дело на шахте?

— Выше голову, философ! — подбодрил его Антипов.— Займешь должность инженера-социолога?

— Но у нас нет такой должности.

— Вчера не было,— ответил директор,— а завтра будет. Теперь надо уметь управлять не только геологией, но и психологией. Верно?

Не обошлось без подковырок: руководители шахты гоняются за модой. Но вскоре скептики прикусили языки и перестали судачить: социологические исследования, проведенные Шафоростом, ощутимо стали влиять на производительность труда, на общественную жизнь коллектива, на всестороннее развитие шахтерской личности. Партком утвердил «План социального развития коллектива на 1971—1975 годы». Внушительный том на сто страниц! Словно в зеркале, эта книга отображает все, чем живет, чему радуется «Трудовская», в ней затронуты самые трепетные проблемы, очерчены перспективы производственного и нравственного характера.

— Анкеты социолога открыли глаза на многое,— заметил секретарь парткома Валерьян Сергеевич Толмачев.— Доказано и практическое значение социального опроса. Шутка ли, четыреста предложений по самым неотложным проблемам добавилось к планам администрации, парткома, шахткома, комитета комсомола.

Анкеты дают пищу для раздумий. На вопрос «Что вам нравится в вашей работе?» три четверти шахтеров ответили: «Сплоченность и дружба». Или: «Какие качества горного мастера вы считаете главными?» Шахтеры выразили свои мысли кратко, ясно и полно: «Справедливость. Требовательность. Хорошее знание производства».

Директор по-своему комментирует эти анкеты:

— Есть отдача — стало быть, не зря насыщали лавы техникой.

За четыре года производительность труда здесь выросла на 13,1 процента. Это техника, возросшее мастерство, качество работ.

На шахте разработан целый кодекс моральных и материальных стимулов в борьбе за трудовую дисциплину.

Досталось как-то Саше Шкиндеру от директора. Насупив брови, он сказал:

— Скуповато, Саша, получается. Невеселая картина: в техникумах — сто шестьдесят три человека, в институтах — шестьдесят один. Пойми, для «Трудовской» это крайне мало. Ведь у нас целый батальон инженеров. Пусть каждый возьмет на буксир заочника. Наставничество надо понимать шире: производство плюс учеба, плюс быт и мораль.

...В кинотеатре шел просмотр фильма «Каждый день жизни». Наверно, больше всех волновался Саша. Кто-то толкал его в спину, а по рядам несся шепот:

— Гляди, братцы, наш комсорг...

Фильм был встречен доброжелательно. Шахтеры сердечно поблагодарили коллектив Одесской киностудии, создавший эту картину. Однако Саша не преминул заметить режиссеру:

— Вы бы лучше показали наших людей, показали их горизонты, уверен, что картина получилась бы острее, интереснее. Один Стрельченко чего стоит! Наш Иван Иванович Стрельченко, как никто другой, чувствует эти самые горизонты жизни...

И он снова стал увлеченно рассказывать о тех, которым знаменитый бригадир помог «открыть личные горизонты».

Давно ли, скажем, Виталий Свистун был рабочим очистного забоя в этой бригаде? Но талант паренька первым приметил бригадир. Внимательно и заботливо пестовал он его. Сейчас Виталий Свистун сам бригадирствует, успешно освоил сложнейший механизированный комплекс, уверенно вышел в ряды «тысячников». Свистун был искренне растроган, когда Иван Иванович сказал ему: «Бери, Виталий, моего звеньевого Колю Ганолина, это будет твоя правая рука». «А как же вы, Иван Иванович?»— смутился Свистун. «Да мы не дремали, Виталий. Выросла смена, поднажмем, сам знаешь, как выручают друзей шахтеры...»

И Стрельченко, не привыкший бросать слов на ветер, заявил в парткоме, что у него в бригаде выросла плеяда «настоящих гвардейцев», которых пора «двигать на новые высоты»,— В. Криволапов, Г. Боженко, М. Довженко, Л. Кондрашов...

В правоте слов бригадира я убедился, когда снова побывал на «Трудовской».

По-прежнему здесь лидерствует И. И. Стрельченко — он один из инициаторов движения за добычу из одного механизированного очистного забоя тысячи и более тонн угля в сутки. 22 февраля прославленный шахтер уже выполнил пятилетку. Заместитель секретаря парткома шахты Александр Васильевич Шкиндер не без гордости сказал мне, что в честь предстоящего XXV съезда КПСС бригада Виталия Свистуна соревнуется с бригадой Ивана Стрельченко. Читатель удивится: не опечатка ли — в начале очерка Саша Шкиндер назывался секретарем комитета комсомола? Совершенно верно. Что ж, и перед ним раскрылись горизонты: коммунисты избрали его заместителем секретаря партийного комитета.

Произошли здесь перемены и в руководстве шахты: директором «Трудовской» стал главный инженер Аркадий Владимирович Ачинович, а Владислава Андреевича Антипова назначили членом коллегии Министерства угольной промышленности УССР.

Когда этот очерк готовился к печати, я позвонил на «Трудовскую», поинтересовался, как идут дела. Аркадий Владимирович энергично ответил мне:

— Как говорит наш Стрельченко, «с гвардейским размахом». Коллектив «Трудовской» встал на предсъездовскую вахту. Люди готовы ознаменовать XXV съезд КПСС новыми рекордами по добыче угля...

Новые рекорды, новые горизонты!

Шахтеры из бригады И. И. Стрельченко.

ИСКУСНИК «В ДЕЛЕ ЖИВОПИСЦА»

Ник. КРУЖКОВ

«Чудный город Миргород! — писал Николай Васильевич Гоголь.— Каких в нем нет строений! И под соломенною, и под очеретяною, даже под деревянною крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь!»

В Миргороде в 1757 году и родился художник, славно трудившийся на рубеже XVIII—XIX веков, Владимир Лукич Боровиковский, замечательный портретист, прославивший своими картинами Россию. В знаменитой на весь свет Третьяковской галерее есть зал, целиком отведенный его работам. И ежедневно толпы людей приходят сюда любоваться ими. Слава, продленная на века!

Боровиковские, или, как их называли в городе, Боровики, не были похожи на своих соседей типа Перерепенка и Довгочхуна, так живописно изображенных Гоголем,— они были людьми другого склада. Считались дворянами, вышли из мелкой казачьей старшины, приравненной впоследствии к русскому дворянству, но жили трудом рук своих: и отец, и дяди, и три младших брата, и сам Владимир Лукич на всю округу слыли добрыми иконописцами, а иконы в ту далекую пору были товаром ходким. Понаторели они, изображая и бога Саваофа, и Христа, распятого на Голгофе, и богоматерь во всех ее ипостасях, и святых различных рангов,— рисовали Боровики славно, потребителям нравилось. Владимир Лукич попутно десять лет отслужил в Миргородском полку, имено попутно, не покидая родного города, не участвуя в военных походах, и, выйдя в отставку с малым чином поручика, вернулся к своему мастерству. Поручик-иконописец — это было явлением не частым!

Так бы, наверное, и протекла в миргородской тиши жизнь Владимира Лукича, если бы не произошло одно чрезвычайное обстоятельство, в корне изменившее его судьбу. В 1787 году Екатерина II предприняла путешествие в недавно покоренный Крым. По пути следования «великолепной Северной Семирамиды», как именовали Екатерину придворные поэты, воздвигались всякие парадные сооружения — арки, временные «путевые» дворцы и даже декоративные деревни, которые впоследствии стали именоваться потемкинскими, по имени всесильного фаворита Екатерины Потемкина-Таврического — главного организатора и вдохновителя путешествия.

Кто привлек тридцатилетнего миргородца к выполнению оформительских заказов, сказать трудно. Можно лишь предположить, что это сделал киевский предводитель дворянства поэт Василий Васильевич Капнист, который знал художника и по Миргороду и по Киеву. И вот скромный миргородец стал автором картин, украсивших «путевой» дворец в Кременчуге, где остановилась царица. На одной из картин художник изобразил Екатерину в виде богини мудрости Минервы в окружении семи греческих мудрецов, благоговейно слушающих объяснение екатерининского «Наказа», известного в истории своей бесплодностью, а на другой — Петра Первого, распахивающего землю; за Петром следовала Екатерина, бросающая семена, за Екатериной в виде крылатых гениев, боронящих почву, два ее внука — Константин и Александр. Сыну Екатерины Павлу, будущему императору, художник места на картине не отвел, проявив тем большую дипломатичность: было известно, что императрица терпеть не может своего сына. Екатерине пышная аллегоричность картин Боровиковского понравилась. Легкая снисходительная улыбка была ему наградой.

Картины эти не сохранились, как не сохранился и «путевой» дворец, но очевидцы и современники знаменательного путешествия все это запомнили.

Улыбка императрицы стоила дорого: через год Владимир Лукич был вызван и приехал в С.-Петербург. Покровителем молодого мастера оказался один из просвещеннейших людей своего времени, Н. А. Львов, который путешествовал вместе с Екатериной в ее свите.

Простился художник со своим поэтическим Миргородом, с родными и близкими и, как оказалось, навсегда. Живя в Петербурге, взбираясь все выше и выше по лестнице признания и славы, Владимир Лукич очень тосковал по родной Украине с ее пышной красотой. Он писал своим близким: «...постараюсь посетить Миргород и останусь остаток дней жизни провождать вместе с вами и всеми родными и приятелями». В 1797 году художник сообщает своему брату: «Кончивши мои обязанности... сердечно желаю остаток дней препроводить с вами и всеми родными нашими». В 1804 году он пишет в Миргород: «Я представляю себе, что вы уже состарились. Мне уже сорок седьмой год в течении. Сколько-то вам — не знаю. Хотел бы знать. Будущее неизвестно. Увидимся ли...» Любил художник встречать у себя дома земляков, петь под старинные дедовские гусли украинские песни и очень тосковал по родине — желание «провести остаток дней» в Миргороде так и осталось неосуществленным.

Через Москву — в Санкт-Петербург! Сохранилась запись приезжающих: «1788 года декабря 16 числа. Приехали в город... из Миргородка порутчик Володимир Боровиков. И стал в Каретной части на постоялом дворе». К осени 1789 года он переселился в Почтовый стан, окончательно став петербуржцем. В исповедных ведомостях Исаакиевского собора за 1791 год значится проживающий в доме Почтамта «поручик в деле живописца Владимир Лукин». В 1795 году в письме к родным Боровиковский сообщает, что живет он «в доме его высокородия и кавалера Львова, в почтовом стану».

Так вот кто протянул руку художнику и извлек его из миргородской тиши в шумную, многолюдную столицу, где ему предстояло добыть себе всероссийскую славу и признание, стать первоклассным мастером. Он же, Львов, несомненно, ввел художника в круг богатой клиентуры, жаждавшей своего портретного увековечения. Он же познакомил его с писателями, поэтами, художниками, посещавшими его просвещенный и хлебосольный дом. Известно, что молодому мастеру оказывали содействие и помощь маститый Левицкий и австрийский портретист Лампи, приглашенный в ту пору в Петербург. Уезжая из столицы на родину, Лампи оставил Боровиковскому свою мастерскую, что, очевидно, свидетельствует о близких отношениях, существовавших между ними.

«Поручик в деле живописца» Владимир Лукич Боровиковский был, судя по всему, человеком общительным, привлекательным, контактным, как теперь говорят. Остался его портрет кисти художника Бугаевского-Благодарного. Высокий лоб, сдержанная, приятная улыбка, смуглое лицо южанина, красивого рисунка брови, широкая рука неутомимого мастера — на нем лежали типичные приметы мужественной украинской красоты. Но главным, конечно, что более всего привлекало людей к Боровиковскому, был его яркий талант.

Творческий путь Владимира Лукича в Петербурге не был тернистым, как это случалось со многими художниками, скорее можно считать, что судьба усыпала его розами. Не имея академического образования, он уже в 1795 году получил звание академика, а в 1802 году — советника Академии художеств. Работал он не покладая рук. В письме к родным сообщал: «Я занят трудами моими непрерывно. Мне потерять час, ей-ей, составляет великое в занятиях моих расстройство». Он живописал царедворцев, генералов, отцов церкви, членов императорской фамилии и, наконец, удостоился великой чести — создать портрет императрицы Екатерины II. Разумеется, он делал портреты высокопоставленных лиц во вкусе того времени — в пышной одежде, со всеми регалиями и атрибутами звания, но при этом художник оставался правдивым и честным в своей портретуре, не приукрашивал персоны, чем грешили, как известно, многие. Всевластную «матушку Екатерину» он изобразил в скромном платье, прогуливающейся по аллеям Царскосельского парка в сопровождении собачки. Думается, впрочем, что художник стремился угодить повелительнице, любившей в часы благорасположения скромно именовать себя «казанской помещицей».

От персон высокопоставленных Владимир Лукич не без удовольствия переходил к изображению людей простых, что было по тем временам великой новостью. Слова Карамзина, настойчиво утверждавшего, что и «крестьянки чувствовать умеют», нашли горячий отзвук в сердце художника. Известен его портрет очаровательных девушек Лизыньки и Дашиньки, дворовых Львова, полюбившихся своим господам искусством плясать и танцевать. Очень хороша на картине Боровиковского торжковская крестьянка Христинья — кормилица в доме Львовых, ее приветливое, доброе, слегка смущенное лицо, нарядная крестьянская одежда, достойная осанка составляют приметы женщины из народа,

В. Боровиковский. 1757—1825. ПОРТРЕТ М. И. ЛОПУХИНОЙ. 1797.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Боровиковский. ПОРТРЕТ Г. Р. ДЕРЖАВИНА. 1795.

Государственная Третьяковская галерея.

вызывающей к себе чувство уважения. Впоследствии Боровиковский еще раз обратился к «народной» теме, изобразив старика крестьянина, греющего руки у огня. Все это было неслыханной новостью. Как? Рисовать мужиков? Зачем же, когда существуют благородные люди?

Венецианов еще не созрел как художник — он жил у Боровиковского, был одним из его учеников и воспитанников, и Боровиковский возлагал на него большие надежды, которые, как известно, полностью оправдались — Венецианов стал певцом народной темы в искусстве.

Когда вы в зале Третьяковской галереи знакомитесь с портретурой Боровиковского, особенно с женскими его портретами, вам невольно бросается в глаза сходство поз, общая для всех мягкость, одухотворенность и романтичность. Чтобы понять, почему это произошло, надо пристальней вглядеться в то время, когда создавал свои картины Владимир Лукич Боровиковский.

Только что было подавлено мощное крестьянское восстание на юго-востоке России, потрясшее основы дворянской империи. Одно имя Пугачева, даже после того, как скатилась с плеч его буйная голова, приводило в трепет высшие сословия государства. Западные ветры доносили в Россию горячее дыхание французской революции. Пробуждалась человеческая мысль, возникали стремления к переменам, назревал общественный протест против уродств деспотического государственного строя. Люди разных убеждений и разных методов действия сливали свои чувства в единую бурную волну. Новиков и Радищев, Державин и Карамзин — каждый по-своему формировали общественную мысль. Заговорили о человеческих чувствах, о праве человека улучшать жизнь, если она нехороша. Сторонники новых взглядов считали несправедливым, когда жизненные блага достаются лишь верхушке общества. Многие просвещенные и богатые люди отказывались от придворной карьеры и службы, уходили в деревню, ближе к чистой природе, к простым народным нравам. Поэт Василий Капнист из своего имения Обуховки писал Державину: «Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Съискиваю свое истинное счастье в уединении, в содружестве Сашеньки и воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей». Над «Бедной Лизой» Карамзина умиленно рыдала вся читающая Россия. Сентиментализм завоевал передовые позиции в русской литературе.

Поселившись в доме у Львова, просвещенного человека, разделявшего новые идеи, рождавшиеся в обществе, Владимир Лукич вращался в кругу литераторов и художников, где влияние этих идей было особенно сильным. По-видимому, и самому художнику новое направление в литературе и искусстве пришлось по сердцу.

Вот почему женские — особенно женские — портреты Боровиковского так сходственны между собой. Переданная кистью мастера теплота, идилличность, общность чувств порождают у зрителя это восприятие.

В Третьяковской галерее в зале Боровиковского есть портрет М. И. Лопухиной, пожалуй, самое блестящее произведение художника. Мы видим молодую женщину удивительной и трогательной красоты — черты недавнего детства еще не сошли с ее лица, полные чуть припухшие губы придают ей живое, несколько капризное выражение, поворот головы дает возможность постичь изящество натуры, взгляд больших глаз свидетельствует о сердечности и нежности этой молодой русской женщины, именно русской — художник ненавязчиво, но очень точно отразил в картине ее национальные черты.

Много лет спустя поэт Я. Полонский посвятил портрету Лопухиной трогательное стихотворение:

«Она давно прошла, и нет уже тех глаз
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви, и мысли — тень печали,
Но красоту ее Боровиковский спас.
Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать».

Женские портреты Владимира Лукича Боровиковского наполнены очаровательным переливом цветов — серебристого, голубого, жемчужного, палевого. Все эти тона призваны подчеркнуть нежность женской души. Этой же цели служит фон картин — тенистый сад, кусты роз. Единство приемов в изображении натуры не мешало художнику добиваться портретного сходства с оригиналом.

Не следует думать, что в своей склонности к сентиментализму художник был постоянен. Почти все его мужские портреты свидетельствуют об обратном. Вельмож он писал по канону XVIII века: «Каждый должен быть одет по чиностоянию своему»,— но при этом всегда старался почувствовать и выразить характер. Исключения не сделал даже для Державина, с которым был на дружеской ноге. Поэт изображен в парадном камзоле, со звездой на груди, величественным и важным. Художник тщательно выписал лицо поэта — открытый взгляд, приветливая улыбка, в глазах — ум и доброта: видим мы на портрете не чопорность, а вдохновенность.

Зато работая над портретом А. Куракина, художник действовал вполне в духе времени. Князь изображен в обстановке необычайной пышности. Одежда — в золоте и бриллиантах, грудь — в орденах и лентах, великолепная мантия с мальтийским крестом небрежно брошена на кресло, фон — Михайловский замок — резиденция императора Павла, в любимцах которого состоял Куракин, бюст безумного императора в углу картины. Подобная пышность не была выдумкой художника — гордец и богач Куракин любил роскошь, за что и прозван был современниками павлином. Впрочем, при этом он был дельным дипломатом.

Изображая вельмож в их роскошной одежде, художник получил возможность широко развернуть гамму красок, соединяя их в яркие сочетания. Творческая фантазия мастера находила себе обильную пищу. С великой тщательностью и точностью он выписывал детали картины, все было для него важно: бриллиантовая пуговица на камзоле, пряжка на башмаке, солнечный луч, играющий на поверхности стола. Недаром в таком почтении у историков портреты Боровиковского — по ним можно получить верное представление о давно ушедшей эпохе.

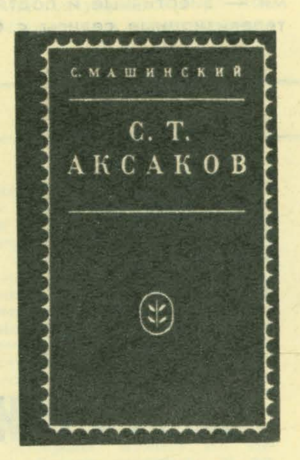
Текло время, на смену сентиментализму шел романтизм с его приподнятостью, склонностью к классике. Владимир Лукич отдал должное и этому течению: его более поздние работы носят в себе явственные черты романтического направления в искусстве.

Боровиковский любил молодежь, он объединил вокруг себя группу учеников и воспитанников, в числе их были Бугаевский-Благодарный и Венецианов.

До революции много работ художника находилось в частных собраниях. Изучение его творчества было крайне затруднено. В настоящее время они почти полностью соединились под сенью Третьяковской галереи и Русского музея в Ленинграде.

Художник умер 150 лет тому назад. Творческое наследство, оставленное им, иконописцем из Миргорода, поручиком «в деле живописца», так значительно и так прекрасно, что потомки до сих пор с наслаждением любуются плодами его таланта. Имя Владимира Лукича Боровиковского вошло в созвездие лучших художников России.

КНИГА ОБ АКСАКОВЕ

Сергей Тимофеевич Аксаков. Великолепный мастер прозы, автор непревзойденных книг о родной природе, прекрасных автобиографических произведений — «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», чуткий театральный критик, тонкий, наблюдательный, своеобразный художник — таким предстает со страниц монографии С. Машинского образ одного из замечательных русских писателей.

В работе известного советского литературоведа привлекает многое — и обращение автора к неизвестным архивным документам, к ставшим библиографической редкостью периодическим изданиям; и широкий, свободный разговор о творчестве Аксакова в соотнесении со сложными процессами, происходившими в русской литературе середины XIX века; и внимание к биографии писателя, питающей конкретным жизненным материалом литературоведческое исследование; и строгий, ясный стиль изложения.

Особое значение, на наш взгляд, имеет глава «В кругу славянофилов». Вопрос о славянофильстве Аксакова-отца занимал многих. На фоне сложных проблем, характеризующих славянофильство в целом, С. Машинский пишет о точках соприкосновения С. Т. Аксакова с представителями этого движения и причинах расхождения, обусловленного его более широкими жизненными интересами и более раскованной эстетической позицией. Будучи далеким от философской платформы славянофилов, Аксаков ценил в них уважение к национальным традициям, обычаям, русской старине. В оценке же многих литературных произведений и творчества отдельных писателей Аксаков часто не сходился со славянофилами, в частности, со своими сыновьями Константином и Иваном. На примере отношения семьи Аксакова к творчеству И. С. Тургенева это убедительно показано в книге.

Значительное внимание уделяет исследователь охотничьему циклу Аксакова, явлению уникальному не только в русской, но и мировой литературе, обогатившему, по словам Тургенева, «общую нашу словесность».

В книге подробно и объективно рассказывается о сложных отношениях Аксакова с Белинским и Гоголем, не замалчивается и некоторая зыбкость его позиций. Но вся жизнь и творчество писателя дают право автору монографии утверждать: «Аксаков разумел свой гражданский писательский долг по-иному, чем, скажем, Некрасов или Щедрин, но высота его моральных принципов, безупречная правдивость и прямота, душевное здоровье — эти личные качества Аксакова снискали ему всеобщую любовь и уважение среди всех честных людей России».

Остается добавить, что книга С. Машинского и на сегодня остается единственной монографией об Аксакове.

В. ЕНИШЕРЛОВ

С. Машинский. С. Т. Аксаков. Издание второе, дополненное. М., «Художественная литература». 1973. 576 стр.

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

ТЫСЯЧА КОС

Космонавты выполняют медицинские эксперименты. Снято с экрана телевизора.

Фото В. Клинченко (ТАСС).

Каждый вечер, увидев на экране телевизора бегущую заставку программы «Время», мы невольно мысленно обращаемся к полету станции «Салют-4». Как там они в космосе, Петр Климук и Виталий Севастьянов? Здоровы ли? Хорошо ли идут дела в их космическом доме?

Словно прочтя наши мысли, диктор спешит сообщить последние известия из Центра управления полетом. Наконец в кадре они сами — энергичные и подтянутые. Как правило, телевизионные сеансы с борта станции передаются на Землю в середине или конце рабочего дня экипажа. Но ни разу не заметна была в их поведении усталость или апатия. Совсем наоборот, Петр Климук и Виталий Севастьянов в коротком телерепортаже находят возможность интересно, а подчас и с юмором рассказать о своих делах, как бы приобщая землян к необычным условиям жизни в космосе.

А жизнь и работа космонавтов в мире невесомости идут пятую неделю. А каждые сутки — кроме сна, содержат тысячу рабочих минут. И ни одна из них не потрачена впустую, потому что любая деятельность космонавта — это эксперимент, это новый результат, новые знания и опыт. Независимо от того, завтракает экипаж или ведет съемку Солнца, «бегает» по движущейся дорожке или ухаживает за ростками лука. Именно поэтому рабочий день экипажа вдвое «длиннее» нашего земного, восьмичасового.

Не удивительно, что к концу дня усталость дает о себе знать, несмотря на кажущуюся легкость невесомости. Недавно в очередном телевизионном свидании с Землей Виталий Иванович признался, как вечером он «разминался, разминался на велоэргометре, а потом немного расслабился и через минуту заснул тут же, на снаряде».

Ну, а днем космонавтам спать не приходится. Судите сами, в течение суток экипаж находится на связи с Центром управления в ходе восьми-девяти витков вокруг Земли. То есть каждые полтора часа в течение пятнадцати — двадцати минут космонавты передают руководителям полета новую информацию, получают оперативные уточнения по программе текущего дня, обмениваются со специалистами мнениями по проведению экспериментов.

В целом рабочий день подчинен неукоснительному распорядку, независимо от характера проводимых исследований. Утром — зарядка продолжительностью до получаса. Свободные упражнения командир и бортинженер чередуют с нагрузкой эспандером, по очереди несколько минут отводят «бегущей дорожке» и космическому велосипеду — велоэргометру.

Затем завтрак, включающий, к примеру, антрекот, ветчину или сосиски-малютки с бородинским хлебом, кофе со сливками, тугоплавкий шоколад.

Дважды в день, в утренние и вечерние часы, Климук и Севастьянов по часу-полтора занимаются интенсивными физическими упражнениями. Опыт космических полетов показывает, что при длительной невесомости человеческий организм может претерпевать значительные изменения — образование детренированности мышечного аппарата, из-

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ

«Из лаборатории — в цех» — так называется наша новая рубрика. Название это чисто условное. В цех — значит не только на завод, но и на стройку, на ферму, в клинику, в учебную аудиторию, на рудник.

ОМСК

Спутник шахтера

Во все времена не было ничего более страшного для шахтеров, чем подземный взрыв метана. Выделяясь из трещин и пустот в угле, этот газ, не имеющий ни цвета, ни запаха, образует с воздухом взрывчатую смесь. Выработка шахты превращается в «пушку» огромной разрушительной силы.

К каким только ухищрениям не прибегали в старину шахтеры, чтобы защитить себя от метана. Даже брали с собой в шахту клетки с канарейками — гибель птицы, более чувствительной к недостатку кислорода, возвещала о смертельной опасности и для человека.

Намного обезопасят труд шахтеров новые переносные автоматические анализаторы метана. Серийное производство усовершенствованной конструкции таких анализаторов начнется в этом году в Омске.

Горняки Донбасса, которым еще при испытаниях понравился этот удобный прибор, дали ему название — «Спутник шахтера». Множество человеческих жизней спас портативный сигнализатор. Весит он около одного килограмма, носят его обычно на ремне, перекинутом через плечо. Когда концентрация метана в забое становится опасной, на датчике такого персонального стража начинает мигать яркая лампочка и одновременно раздается звуковой сигнал.

«Спутник шахтера» — результат творческого содружества специалистов Института горного дела имени А. А. Скочинского, института «Гипроуглеавтоматизация» и конструкторского бюро омского завода «Электроточприбор».

С. ВЛАСОВ

ЛЕНИНГРАД

Пленка держит гору

Строители Байкало-Амурской магистрали готовятся к соору-

МИЧЕСКИХ МИНУТ

менения в сердечно-сосудистой системе, костной ткани, крови.

Уберечь космонавтов от вредного влияния условий космического полета призваны специальные приспособления на станции «Салют-4»: комплексный физический тренажер, велоэргометр, нагрузочные и вакуумные костюмы.

Экипаж первой экспедиции значительное время уделял научным экспериментам, даже за счет необходимых занятий физическими упражнениями. И поэтому космонавты несколько потеряли в весе: А. Губарев — около двух с половиной килограммов, а Г. Гречко — четыре с половиной килограмма.

Ввиду этого в программу второй экспедиции внесены коррективы, гарантирующие полноценное использование спортивного времени. Наверное, не случайно Петр и Виталий частенько показывают друг друга в телерепортажах на спортивных снарядах, чтоб успокоить специалистов по медицине. Снаряды построены таким образом, что позволяют нагружать все мышцы тела. Амортизаторы «бегущей дорожки», прикрепленные к поясу космонавта, прижимают его к полу с силой в пятьдесят килограммов. Как-то во время телесеанса Петр Климук показывал ходьбу по ней, одновременно также растягивал руками тугие эспандеры и был, по словам бортинженера, «весь в поту». Космонавты по рекомендациям медиков стараются проходить в день по «дорожке» около шести тысяч шагов.

Арсенал нагрузочных средств включает специальные костюмы со звучными названиями «Пингвин» и «Атлет», которые Петр и Виталий постоянно носят. Упругие элементы этих костюмов стягивают, стараются согнуть тело космонавта, и естественная ответная реакция поддерживает мышцы в напряжении. Желаемый эффект достигается в данном случае как бы автоматически без постоянного контроля со стороны.

Испытали космонавты также новый метод тренировки мышц — электростимуляцию. По словам Петра Климука, электрические импульсы сжимают тело, а затем мышцы разжимаются. Очень приятное ощущение.

Все эти меры предпринимаются для того, чтобы успешно была выполнена программа работ и космонавту легче было вернуться к обычным земным условиям.

А о Земле космонавты думают очень часто. И не только потому, что скучают по ней, по родным и друзьям. Очень много работ на станции связано с изучением нашей планеты.

Среди космонавтов, всех без исключения, восторженно рассказывающих о Земле, Виталий Севастьянов, пожалуй, самый преданный поклонник ее красот. Когда удается в сеансе связи посмотреть в иллюминатор, Виталий непременно поделится своими впечатлениями. Недавно, пролетая над Европой, космонавты воспользовались редким случаем понаблюдать за всем материком сразу. «Вся Европа нам видна, видно часть Балтийского моря и Черное море»,— с упоением рассказывал бортинженер.

Экипаж орбитальной станции много времени отводит, как и в первой экспедиции, фотографированию и спектрозональной съемке земной поверхности в интересах народного хозяйства. В печати уже сообщалось, что обработка материалов съемок, выполненных прошлым летом космонавтами П. Р. Поповичем и Ю. П. Артюхиным, дала очень ценные результаты.

Геологическое дешифрование космических снимков полуостровов Мангышлак и Бузачи позволило выявить 67 структур, которые весьма перспективны для разведки запасов нефти.

На основе снимков, сделанных с борта станции «Салют-3», был составлен прогноз запасов пресных и слабоминерализованных грунтовых вод, залегающих на небольшой глубине. Величина их оценивается примерно в 4 тысячи миллионов кубометров.

Но фотографирование выбранных районов из космоса — дело далеко не простое. Ведь первым условием для съемки должно быть чистое небо, конечно, при взгляде с Земли. Нынешнее лето может служить примером этих трудностей, когда погода меняется непрерывно. Только настроишь аппаратуру, а над выбранным местом на следующем витке уже висит циклон.

Экипажу «Салюта-4» в этом плане дана большая самостоятельность. Четверо суток станция летала вокруг Земли в режиме постоянной ориентации приборами в сторону планеты. Виток за витком по ходу трассы Климук и Севастьянов выбирали от Черного моря до Курильских островов открытые, свободные от облачности районы. Украина и Поволжье, Туркмения и Казахстан, Памир и Сибирь запечатлены на сотнях кадров. Успешно продолжены съемки районов вдоль Байкало-Амурской магистрали. Кстати сказать, фотографирование этих мест с борта станции «Салют-3» дало важные для проектирования и строительства железной дороги сведения о сейсмичности восточной части трассы БАМ, которые оперативно используются при решении вопросов строительства.

Не меньшее удовольствие, чем от красочных картин Земли, получают космонавты от чисто земных работ в их космическом «огороде» — системе «Оазис». Во время первой экспедиции бортинженеру Георгию Гречко пришлось проявить немало смекалки, чтобы довести эксперимент по выращиванию гороха до нужного результата. Тогда всего лишь три семечка из тридцати шести дали всходы, и из них выросли растения.

Невелик опыт космической агротехники, но именно неудача помогла открыть ее тайны. Оказывается, корень проросшего семени должен обязательно «смотреть» в землю, а росток — направляться навстречу свету.

Эти условия во второй экспедиции были соблюдены, и теперь на станции с каждым днем растут и растут дружные стрелки гороха и двух луковиц. Они очень скрашивают редкие минуты досуга космонавтов.

Космические будни экипажа орбитальной станции нелегки. Трудны они строгим распорядком и дисциплиной членов экипажа, обилием ярких впечатлений извне и неизменностью быта на станции, ежечасным радиообщением с Землей и невозможностью видеть лица друзей.

Но эти трудные будни скрашены высокими целями космического труда и успешным его ходом на борту станции «Салют-4». Именно поэтому космические будни Петра Климука и Виталия Севастьянова стали для них и для всех, кто создал станцию и управляет ее полетом, настоящим космическим праздником.

жению самого длинного в нашей стране Северо-Муйского тоннеля. Его протяженность — более 15 километров.

Климат района, где будет пробит этот уникальный тоннель, резко континентальный, со скачками температур от минус шестидесяти до плюс сорока. Проходя участки хребта, строителям придется вторгнуться в зоны вечномерзлых грунтов. Но самое неприятное, что горный массив здесь насыщен подземными водами. Вода — коварный враг строителей — имеет свойство просачиваться в малейшие трещины, разъедая свод тоннеля.

Ученые, сотрудники кафедры «Тоннели и метрополитены» Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, предложили на обводненных участках тоннелей использовать новый тип облицовки. Бетон наносится на скальную поверхность под большим давлением, и получается тонкая, но плотная облицовка без пор и трещин.

В лаборатории той же кафедры родилась новая полимерная мастика. Покрывая тонкой пленкой свод тоннеля, она надежно защищает его от проникновения воды и воздуха.

Раньше ученые считали, что чем толще облицовка, тем прочнее тоннельная конструкция. Однако в ходе лабораторных исследований Сибирского отделения Центрального научно-исследовательского института транспортного строительства удалось определить зависимость между толщиной бетона и температурными напряжениями в нем. Впервые в стране исследователи сделали вывод, что в районах с большими перепадами положительных и отрицательных температур трещины появляются быстрее именно в толстом слое бетона.

Сегодня чаще всего строители тоннелей предпочитают чугунную обделку, швы между тюбингами которой зачеканены свинцом. Но, как установили сибирские ученые, в суровых условиях БАМа такая обделка не будет надежной — резкие температурные перепады нарушают металлическую чеканку, через швы проникает вода.

По рекомендации ученых при обделке концевых участков тоннеля для чеканки швов между чугунными тюбингами вместо свинца будет использоваться также полимерная пленка или расширяющийся цемент.

В. КРАМОВА

ЯКУТСК

Ледовый кипятильник

Где брать воду для сибирских городов и поселков?

Оказывается, ее можно добывать здесь из-под земли. Причем артезианская вода этих районов часто бывает пригодна для питья без всякой предварительной обработки. Но добраться до воды через сотни метров земли, скованной вечной мерзлотой,— еще полдела. А вот как предохранить ледяную скважину от замерзания?

Ученые Института физико-технических проблем Севера Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР разработали систему электрообогрева артезианских скважин. Если вам когда-нибудь приходилось заваривать чай в стакане с помощью миниатюрного кипятильника, который нужно на несколько минут опустить в воду, чтобы она закипела, то вы без труда поймете принцип действия нового прибора.

В ледовый стакан скважины вставляют длинный изолированный кабель, по которому идет электрический ток и греет воду. Теперь она не замерзнет и при 100-градусном холоде. Включение и отключение обогрева происходит автоматически в зависимости от температуры в скважине.

С. МИХАЙЛОВ

29 ИЮНЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

НЕТ ЗАКОНА СИ

1

5

2

3

4

Б. ЛАБУТИН
Фото Г. РОЗОВА.

Танцует вьетнамская девушка. Поет парень из далекой африканской страны. И это не за тысячи километров — в одном из вузов Москвы. Мы уже привыкли видеть их на улицах наших городов — посланцев молодежи разных стран, которые приехали в СССР учиться. Они вернутся домой и увезут вместе с дипломом адреса новых друзей. Они уезжают и оставляют нам свои песни (фото 1, 5).

Отправляются по летним адресам интернациональные строительные отряды. По путевкам «Спутника» пересекают границы тысячи молодых туристов. Принимают гостей международные молодежные лагеря, где на разных языках звучат слова: «мир», «молодость», «дружба».

Широки интернациональные связи советской молодежи. В будни и праздники рядом с ней — миллионы ее сверстников по всей земле. Их горячую поддержку чувствовал народ Вьетнама с первых дней своей борьбы, увенчавшейся долгожданной победой. Голос их солидарности слышат патриоты Чили. Судьбы планеты тревожат ее молодое поколение. Стремление сделать мир сообразно самым высоким идеалам объединяет юношей и девушек разных стран.

Нынешней весной Москва стала столицей нового форума юных. Эстафету мира и дружбы принесли сюда посланцы студенчества социалистических стран. Встречи в Москве... Они незабываемы и для этих ребят, с которыми беседует академик И. П. Алимарин (фото 2), и для студентки из Люблина Гражины Мазурек (фото 3).

Интернационализм для молодежи социалистических стран — это прежде всего конкрет-

6

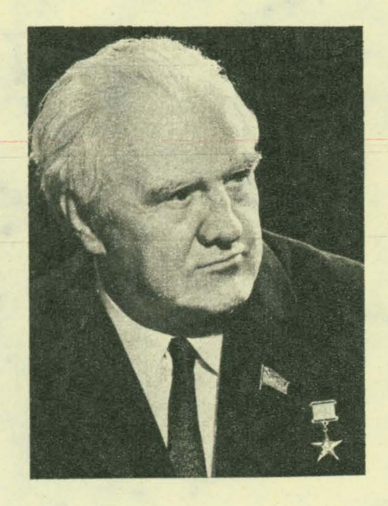
ЛЬНЕЕ

ные дела. Педро Васкес, студент университета провинции Орьенте (фото 4), учится на факультете механизации сельскохозяйственных работ и считает, что первый советско-кубинский комбайн КТП-1 для уборки сахарного тростника намного повысит продуктивность сафры. А эта встреча — будущих геологов из Москвы и Варшавы (фото 6) — наверно, повторится еще не раз: может быть, в сибирской тайге, где будет заложен новый совместный объект, или в Гоби, которая открывает свои кладовые геологам из социалистических стран, а может, в Антарктиде, где успешно работали вместе польские и советские исследователи. Ребята из ГДР поют песню о «трассе дружбы» — так называют газопровод Оренбург—Западная граница СССР (фото 7). Отряд Союза свободной немецкой молодежи уже осваивает свой участок будущей трассы. К первопроходцам присоединятся посланцы других стран, и по магистрали, сложенной их руками, газ пойдет в европейские социалистические страны.

Мы живем по законам интернационализма, по законам, завещанным нашими дедами, освященным кровью наших отцов. Нет ничего сильнее этого братства — так говорит молодежь одной шестой части Земли.

7

Николай
ТИХОНОВ

ВО ИМЯ МИРА!

Они идут по майскому, зеленому Минску — участники международной встречи сторонников мира, посвященной 30-летию Победы над фашизмом во второй мировой войне. Их много, приехавших со всех концов Советской земли и из-за рубежа, и они все разные. И, глядя на шумные жизнерадостные улицы и площади столицы Белоруссии, на широкие проспекты, на новые дома с большими светлыми окнами, на движение пешеходов и машин, на сады и парки, где цветут яблони и вишни, сирень и черемуха, где сияют крошечные пирамидки каштановых свечей, каждый невольно вспоминает, что город этот рожден как бы заново. Вспоминая это, хмурится и голландец, перед которым встает разбомбленный Роттердам, и норвежец, сражавшийся в горящем Нарвике, и англичанин, бывший мэр города Ковентри, видевший, как в клубах огня и дыма рушились вековые здания прославленного города. А рядом с ними — русские, украинцы, белорусы — участники войны, чья грудь украшена боевыми наградами, и славные партизаны, и герои Сопротивления, представители всех народов Советского Союза. Иные из них сражались на белорусской земле и сейчас не могут преодолеть неизбежные воспоминания о далеких уже днях войны. Иные давно стали борцами за мир, героями трудовых подвигов. И когда эти люди самых разных возрастов встречаются с минчанами на предприятиях, в учебных заведениях, на митингах, ими владеет общее чувство братства, единства. И горечь печальных воспоминаний озаряется светом дружбы и радости людей, хорошо понимающих друг друга, будто это встречаются старые друзья.

Почему же делегаты от тридцати пяти стран, от больших и малых государств прибыли в эти дни именно в Белоруссию и прибыли в дни, когда все передовое человечество отмечало юбилей великой Победы народов над фашизмом? Потому что эта международная встреча борцов за мир именно в Белоруссии имела особое значение. Она вызвала особую, сердечную взволнованность, настроила умы на высокое раздумье. Белоруссия, земля героев и мучеников, предстала перед этими пилигримами, пожелавшими прикоснуться к живому биению истории, землей великого сопротивления захватчику, который не смог никакими угрозами и ужасами заставить людей признать себя побежденными черной силой фашизма. Нечеловеческие страдания и горе вынес народ Белоруссии в годы войны. Каждый четвертый ее житель погиб, не дождался Победы. И все же Победа была завоевана. Пройдут века, но никогда не померкнет бессмертный подвиг тех, кто в годы второй мировой войны спас человечество от ига фашизма.

День Победы над фашизмом народы отметили в тридцатый раз. Все прогрессивное человечество праздновало этот день всемирной радости. Он широко отмечался и в Советской стране. В памяти народов сохранится торжественное собрание в Кремле, глубокая речь Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

В Обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к народам, парламентам и правительствам сказаны взволнованные слова:

«Победа в этой величайшей из войн над фашизмом и милитаризмом стала важным рубежом в судьбах человечества.

В памяти свободолюбивых народов она на века оставила глубокое чувство гордости и скорби.

Гордости — потому, что тогда были повержены силы, которые несли рабство целым народам под черным знаменем фашизма, расизма и шовинизма.

Скорби — потому, что победа неимоверно дорого обошлась. Она была оплачена жизнью десятков миллионов мужчин, женщин и детей, колоссальными разрушениями, разорением многих государств».

Опыт былого сотрудничества СССР, США, Великобритании и других стран приобретает особое значение в наши дни, когда отодвинута угроза термоядерной войны, когда происходит поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Очевидна необходимость широкого сотрудничества государств с различными социально-политическими системами, сотрудничества, направленного на предотвращение войны и укрепление мира.

В авангарде борьбы общественных сил земли идут участники движения сторонников мира. Они прекрасно понимают, что достигнутые успехи не должны порождать настроения благодушия и самоуспокоенности. И с высокой трибуны международной встречи сторонников мира прозвучали речи, в которых отразилась мера их огромной ответственности за судьбы человечества и понимание задач ближайшего будущего. Первым выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров, Герой Советского Союза, командир отряда, комиссар партизанской бригады, первый секретарь подпольного обкома комсомола в годы Великой Отечественной войны. Он ярко рассказал о том, как трехсотсемидесятитысячная армия народных мстителей боролась с оккупантами, нанося им чувствительные удары, как семидесятитысячная армия подпольщиков в городах и селах действовала совместно с партизанами.

Всем, кто был на этой волнующей встрече, запомнятся слова, полные глубокой веры в победу светлого, разумного, гуманного над теми, кто еще пытается нагнать тучи над нашей планетой, запомнятся речи генерального секретаря Всемирного Совета Мира Ромеша Чандра («Минск укрепляет нашу веру в то, что человечество восторжествует над самым ужасным, что может быть на земле,— фашизмом и войной...»); секретаря Международной демократической федерации женщин, члена ЦК Компартии Чили Хуалиетты Кампусано («На белорусской земле мы хотим поблагодарить советский народ, правительство СССР — за его моральную и материальную поддержку,— вновь показавшего всему миру свою заботу о судьбах человечества»); руководителя польской делегации, заместителя председателя Государственного совета ПНР Юзефа Озга-Михальского («Пусть развивается международная солидарность! С этими лозунгами мы идем сегодня в самый справедливый бой — в бой за мир, за международную безопасность и сотрудничество!»); руководителя французской делегации, участника французского движения Сопротивления, бывшего (во время оккупации) мэра Гренобля Раймона Перинетти («Пусть война станет уделом прошлого!»).

...После жизнерадостного Минска явилась Хатынь. Она явилась среди зеленеющих полян, окаймленная густыми лесами, в молчании мемориала, заставляющая гневно сжимать кулаки, трепетать сердца, застывать в раздумье. Могильная тишина прерывалась вскриками колоколов, звучавших в разных местах этого мертвого поля. Казалось, что это стоны самой земли, вырывающиеся с несдерживаемой и беспощадной болью. Из стены на нас смотрели решетки со страшными цифрами — число жертв гитлеровских лагерей смерти, лагерей, которые в годы оккупации исчислялись здесь десятками.

Но вот огромная каменная крыша как бы переломилась над землей. Это крыша сарая, куда были загнаны палачами жители несчастного селения Хатынь. Загнаны и заживо сожжены.

К центру этого кладбища ведут ступени, и на площадке возвышается фигура старика, несущего на руках труп мальчика. Это опаленный огнем Хатыни кузнец Каминский несет хоронить сына Адама. Под звоны хатынских колоколов поднимается стена памяти,— она напоминает о сотнях деревень, сожженных так же, как Хатынь. Белоруссия за годы оккупации потеряла 2 миллиона 230 тысяч человек. Вечный огонь Хатыни горит над прахом павших в боях, расстрелянных и сожженных жертв нацизма.

Три березы стоят над полированными поверхностями черного куба. Над четвертым углублением нет дерева — есть негасимое пламя, символ того, что каждый четвертый белорус погиб в пору войны.

Звучат голоса вечности, колокола стонут над Хатынью. И люди в молчании обходят священные могилы. Люди из 35 стран вспоминают свои пепелища, свои жертвы и склоняют головы перед этими молчаливыми и вместе с тем кричащими памятниками минувшего, незабываемого.

Хатынь — предупреждение и вечное напоминание. Памятник сопротивления и презрения к врагу и к смерти.

И опять вокруг лежит зеленая, майская Белоруссия со своими лесами и полями, живописными деревнями, тихими речками и звонкими родниками. И возникает, как из тумана времени, другой памятник народного подвига — Брест, крепостные стены, разбитые снарядами, иссеченные пулями, ударами мин.

И опять взволнованно бьются сердца людей, и вдруг среди множества стоящих тут опускается на колени человек — это один из защитников легендарной крепости...

После Хатыни и Бреста участники Международной встречи вернулись в Минск, полные неизгладимых впечатлений. Они взяли лопаты и в зеленом городе-герое заложили Аллею Мира, которая будет расти год от года и напоминать минчанам о том, что в мае 1975 года — года Победы — приезжали сюда люди со всех материков, приезжали, чтобы подтвердить свое стремление к единству и братству в борьбе за дальнейшее укрепление мира на земле!

Людмила ШАМЕНКОВА

ПУСКАЙ СПЕШАТ ВЕТРА

СПОР

Выставляя округлость плеча,
Как весомую выпуклость рифа,
Он ворочал рулем «Москвича»
И ругал невесомые рифмы.
И, рассеянно взглядом скользя
По дымящимся грудам градирен,
Что дышали, угрюмо сопя,
Спертым воздухом влажных
гладилен,
Он спросил: «В чем же соль этих
строк,
Извините за резкость вопроса?..»
И презрительно сузил зрачок
Этот спорщик с лицом камнетеса.
Я сказала, несмело вздохнув:
«Может, груб, обратите вниманье,
Низкорослый, худой стеклодув,
Но сосуд — это форма дыханья.
Как же можно бранить ремесло,
Чья отрада — паденья и взлеты?
Неужели за легкостью слов
Не видна одержимость работы?
Жест души, подвиг сердца — итог
Многотрудных раздумий и боли...»
Так пыталась я первый урок
Преподать выразителю воли.

СТАРИК, СЧИТАЮЩИЙ ДЕНЬГИ

Старик пришел за молоком,
Он в блюдце кассы мелочь сыплет,
Считает сдачу шепотком,
И медь к его ладоням липнет.

В соседнем доме он живет,
Там у него — подобье кельи,
Где экономно он ведет
Свои расходы на неделю.

Старик, конечно, не Гобсек,
И как о том не догадаться?
Не может этот человек
Себе позволить просчитаться.

Тут каждый гривенник учтен,
Цена краюшки и подошвы.
Тут выгодным считают сон
И не выбрасывают крошки.

И все-таки на склоне дней,
В тиши, где все его забыли,
Он выше денежных страстей,
Они его не погубили.

●

Приноровлюсь, примерю
Странные лоскуты,
Полуиронии перья,
Полупечали черты.

Жизнь без любви — уродство,
Но я не одна — одна.
Ладно, все сложное просто,
Во всем виновата война.

●

Стою на платформе пустынной,
В вагон захожу, как во сне,
И людям становится стыдно
За то, что невесело мне.

Я вижу: как исповедь друга,
Внимательно рвется ко мне,
Сквозь смех и невольность испуга,
Сквозь иней в промерзшем окне.

Мелькнет ли догадка в усталых,
Блеснувших волненьем глазах,
Припомнит ли кто о провалах,
Уронах, удачах, грехах...

Мне верится: вот пониманье,
Вот отклик на злую беду,
И я, не боясь подаянья,
Отзывчивость эту беру.

●

Две женщины во мне живут.
Одну изнеженный уют
Всегда манил ванильной лаской,
Другая от уюта гасла.

Одна любила кружева
Простого счастья и родства,
При свете его млея,
Смеясь и хорошея.

Одна твердила: дом, семья...
И были ей нужны, как боги,
Монбланы белого белья
И гость веселый на пороге.

Другая нервною рукой
Вертела кухонные чашки
И издевалась над собой
За этих помыслов пустячность.

Одна, волнуясь, создавала,
Другая дерзко разрушала,
Не веря склонности своей
К неволе сладостных цепей.

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Одна рука авоську держит,
Другая тянет ремешок.
На женщине бедна одежда,
А пес пузат, как кошелек.

Идут. Их связь нерасторжима.
Кому полезен кто — вопрос.
Нужна ль хозяйке лапа Джима
Иль требует вниманья пес?

В авоське мясо — для собаки
И лук зеленый — для хозяйки.
Должно быть, все-таки нужней
Привязанность собачья ей.

Но что ж такое с ней случилось?
Кто мог обидеть так, предать?
Одно в живых осталось — милость
К зверью, чье дело — обожать.

Одна уверенность — в инстинкте,
С его готовностью служить.
Собака не допустит свинства
И не сумеет изменить.

●

Страх разрушенья — слабость
глупых,—
Быть может, самый страшный
страх.
А мир не ведает уступок
И признает один размах.

Смывает время в нетерпенье
Штрихи связующих мостков,
Предоставляя населенью
Новейший тип своих основ.

Не зная устали и лени,
Крушит бульдозер старый хлам:
Крылечки, печки, куст сирени,
Где птицы пели по утрам.

На благо это разрушенье.
Но не забуду я вовек,
Как плакал, стоя в отдаленье,
Какой-то старый человек,
Пока победно дым чадил
Над домом, где он жизнь прожил.

ГРАММОФОНЧИКИ

Простой цветок, вьюнок,
Что жмется
К заборам загородных дач...
С утра закроется, сожмется —
Не видно ничего, хоть плачь.
Но стоит солнцу теплым тоном
Сказать растению: «Пора!»
И раскрывает он бутоны,
Как маленькие рупора.

Виденья прошлого истончены,
Но детство связано с травой.
Их называли граммофончики
За сходство с выгнутой трубой.
Сегодня эта нежность рухнула,
И в памяти раскрылись дни,
Когда повсюду жерла рупоров
Кричали голосом войны.

ПАМЯТЬ

Как мы рассеянно живем,
Как непосредственно страдаем
И в муке той не замечаем,
Что лучших дней не бережем.

Казалось бы, в кольце обид
К чему затягивать прощанье?
Но память не случайно мстит
За каждый промах невниманья.

За то, что слезы — мимо глаз
И мимо — волны Енисея,
За то, что тот «последний раз»
Мне сердце не рассек сильнее.

Прошло. Ушло... Но вдруг
нахлынет,
И все вверх дном перевернет,
И с прежних чувств суровость
снимет,
И веру прежнюю вернет.

И чем мы большее значенье
Придать событию хотим,
Тем чаще, нам на удивленье,
Оно уносится, как дым.

И чем беспечнее, как сможется,
Скользим мы по явленьям дней,
Тем в нашей памяти уложатся
Они со временем прочней.

УСАДЬБА «МУРАНОВО»

Колючей шерсткою прилип
Мороз на воротник.
В аллее почерневших лип
Застыл тоскливый крик.

Вороньих гнезд сучкастый хруст
Пронзает вышину.
Безлюдный парк заброшен, пуст,
Но держит тишину.

Руками сморщенных дерёв,
Размахом крепких крыл
Да жестью ржавых желобков
У края ветхих крыш.

И чудится, что, как и встарь,
Дрожит печальный свет
И сквозь сугробы шлет январь
Далекий скрип карет.

А там, внутри,— холодный склеп
Росинки хрусталя,
Томится пыль библиотек,
Гордятся вензеля.

В углу, где взоры восхищал
Пленительный портрет,
На шелке выцветшем — овал,
Картины старой след.

И вещи вещею душой
Твердят на все лады,
Что жив еще гнезда покой,
Летит каминный дым.

И я не знаю, что сказать
И как им угодить.
Иль время ими измерять,
Иль прошлое будить?

А может быть, без лишних фраз
Поверить их судьбе?
Они неслышно учат нас
Быть верными себе.

О СЧАСТЬЕ

Мечтают о счастье и годы,
Томясь, изнуряют себя.
А надо-то счастья немного,
Чтоб стала счастливой судьба.
Всего-то пустяк — дней восемь,
А может, один только день.
У счастья прекрасное свойство:
Отбрасывать длинную тень.

КАПЛЯ ЖИЗНИ

Н. БЫКОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Известен наскальный рисунок — красное сердце. Ему, говорят, много тысяч лет... Очевидно, можно сказать, что люди в общем-то всегда знали об источнике жизни, заключенном в их бренном теле. И это не нуждается в каких-то доказательствах.

...В тихом переулке недалеко от Петровского парка в Москве находится Центральный ордена Ленина институт гематологии и переливания крови. Здесь комплекс сложнейших лабораторий, клиническое отделение и станция переливания крови. Здесь всегда очередь тех, кто пришел отдать свою кровь ради спасения больного. Да, очередь...

Нет слова сильнее этого — «кровь». Оно способно вызвать самые противоположные чувства — от мистического ужаса до пронзительной надежды на чудо. Таким оно пришло к нам из глубочайших глубин прошлого, когда человек осознал себя **живым**! Наверняка это открытие было связано с открытием крови и вечного ее течения в живом. Мы и сейчас относимся к ней как к символу жизни. Как к самой жизни. Так оно и есть на самом деле. Кровь как средство исцеления — это, пожалуй, самые волнующие страницы истории медицины. Гематология, современная служба крови, успехи реанимации — все это в фундаменте сегодняшнего храма науки, возведенного гуманистами, умами пытливыми и бесстрашными.

А вот сообщение из мира нелюдей: торговля человеческой кровью превратилась в бизнес. Безработица, голод вынуждают бедняков, например, Бразилии «перекачивать» свою кровь на европейский рынок. Не кощунство ли подобная взаимосвязь: жизнь, помощь, кровь, деньги, рынок...

Олег Константинович Гаврилов, директор Центрального ордена Ленина института гематологии и переливания крови, так сказал о людях, дарующих собственную кровь во имя жизни больных:

— Одно из замечательных проявлений человеческой сущности! Простое, нагляднейшее проявление братства. Краеугольный камень морального кодекса строителя коммунизма: человек человеку — друг, товарищ и брат! Кровь течет от сердца к сердцу. По капле. Страшно представить теперь, что вдруг прервется живой поток донорской крови. Ведь это воистину река жизни!

За годы битвы с фашизмом пять миллионов моих соотечественников, не колеблясь, отдали свою кровь раненым — всем, кто в ней нуждался. Доноры истощенного, блокированного Ленинграда — их подвиг ждет своего поэта. Первый директор того же Института гематологии и переливания крови ученый А. А. Богданов погиб как герой. Он сознательно вел самонаблюдение после очередного — двенадцатого за два года — переливания крови самому себе. И погиб. Погиб бескорыстный, человечный человек. Это ему, Богданову,— как вспоминала С. В. Медведева-Петросян, жена легендарного Камо,— отвечал Владимир Ильич Ленин на счастливую мысль поскорее создать небывалый институт: очень, очень важно, следует незамедлительно подумать, где взять средства, как все это поставить на крепкую основу... Шел 1920 год.

Сейчас в институте свыше трехсот квалифицированных специалистов. Это медики, биологи, химики, техники — более сорока докторов наук и профессоров, более ста кандидатов наук. Свыше восьми тысяч больных ежегодно получают помощь и консультацию сотрудников института.

«Нужна кровь!» — такой возглас услышал однажды ученый совет института. И сорок человек встали, как один. Прервав заседание, все пошли на станцию переливания... Бывает и такое. Как на фронте. Потому что и в мирные дни через любую операционную проходит фронт борьбы за жизнь.

Советские ученые были первыми, когда последовательно и успешно разрешали проблемы переливания крови, ее консервации, транспортировки, а также при изучении ее ферментов, при изготовлении препаратов из плазмы крови. А реанимация — да это же будничное воскресение из мертвых!.. Сейчас в стране семь миллионов доноров. Эти люди несколько раз в год добровольно отдают кровь на благо здоровья незнакомых. Отдают вроде бы немного. Но это так много! Капля жизни. Капля братства. Капля, роднящая людей.

●

Действительный член АМН СССР профессор Н. А. Федоров, руководитель патофизиологической лаборатории.

«Скорая» мчится на помощь днем и ночью.

Святая святых — банк крови.

На развороте вкладки:

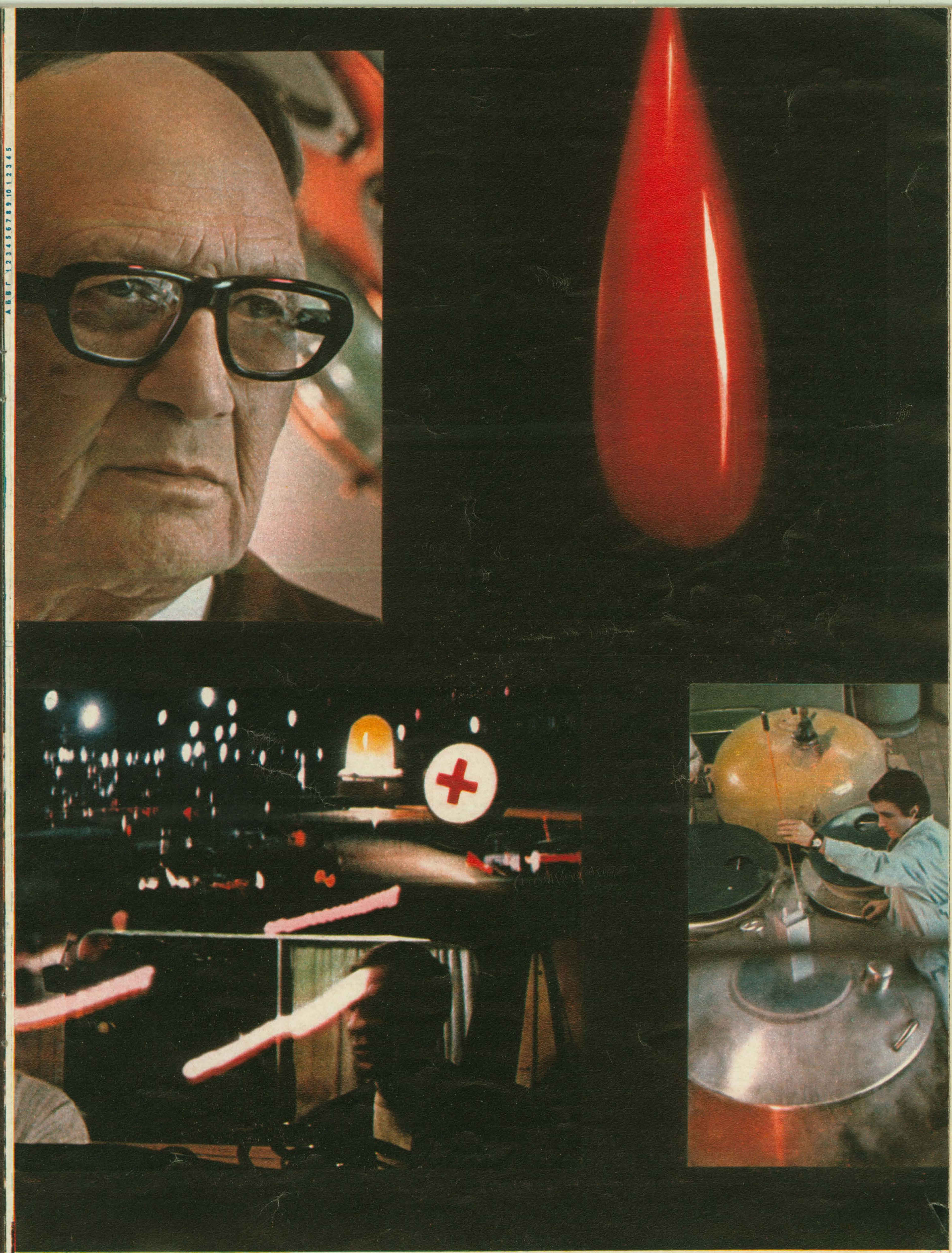
Внимание — определяется группа донорской крови!

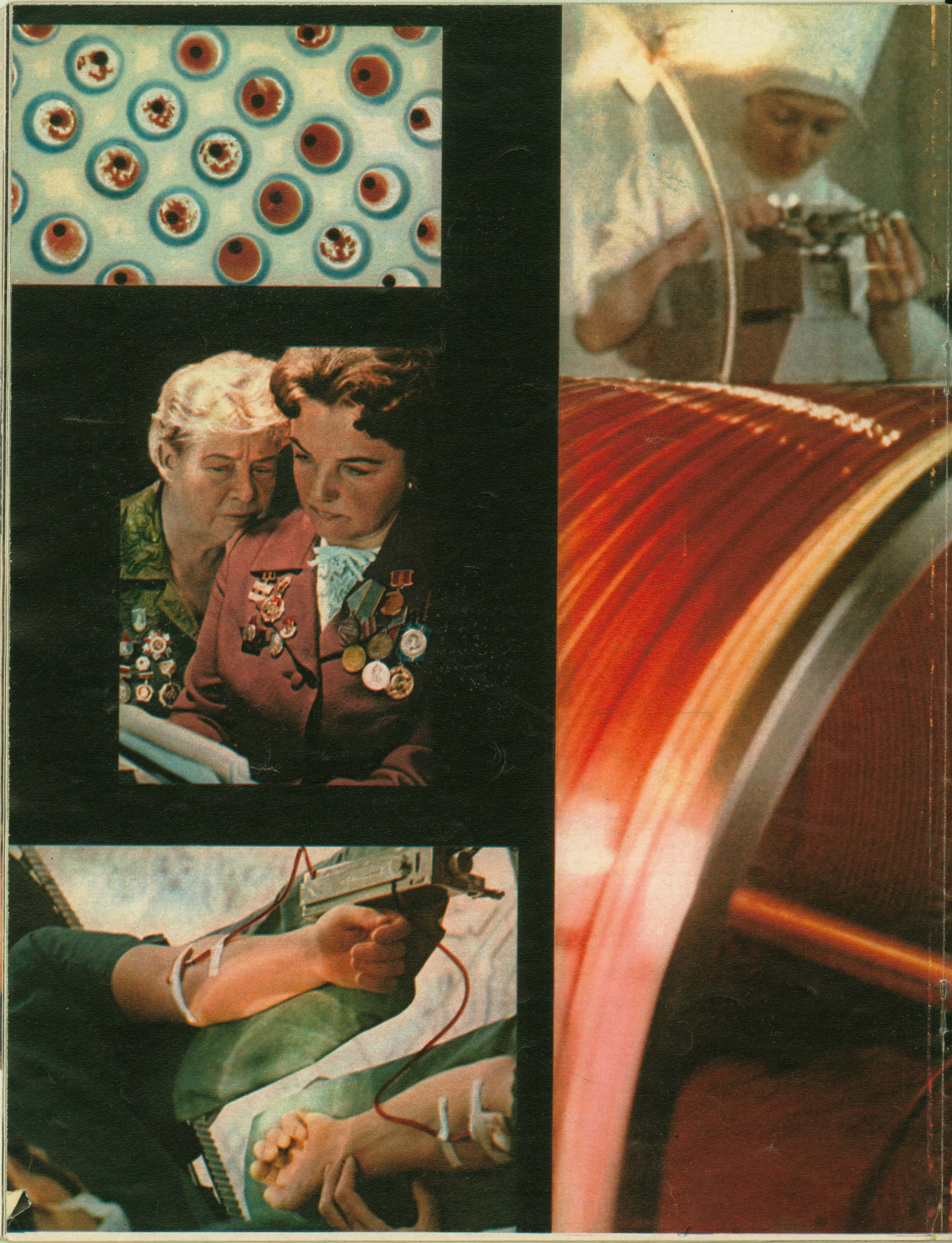
Их сдружило милосердие. Более тридцати лет назад сестра из медсанбата Евдокия Ивановна Алешина-Морозова (справа) отдала свою кровь санинструктору истребительного батальона А. С. Гвитьевой.

От человека — к человеку...

Аппарат «искусственная почка» заряжен донорской кровью.

Перед операцией...

ДО ВСТРЕЧИ, АЛЕКС!

Главные действующие лица этой волнующей истории — кавалер «Офицерского креста», «Рыцарского креста» и «Креста чести с бантом» француженка лейтенант Сюзанна Палисс и москвич Борис Николаевич Стариков, кавалер ордена Отечественной войны, он же Алекс. Это его псевдоним в пору, когда вместе с Сюзанной, отважной разведчицей, он сражался с гитлеровцами на французской земле, в отряде Сопротивления. О трогательной их встрече (судьбе угодно было тридцать лет спустя скрестить их пути в Москве) было рассказано в «Огоньке» № 5 за нынешний год — «До встречи, Алекс!». Очерк этот завершался такими строками: «...Она не прощается с Алексом. Она вновь, как и тридцать лет назад, говорит: «До встречи, Алекс!» Но теперь Сюзанна уже точно знает, где, когда они встретятся: «Летом семьдесят пятого, в Сочи... Я обязательно буду там. И ты тоже. Договорились!»

Но она ошиблась, ошиблась в сроках.

...Недавно в редакцию позвонил Алекс и передал привет от Сюзанны:

— Она получила пятый номер «Огонька», очень тронута оказанным ей вниманием.

— А где вы встретились с ней? Когда?

— В Париже, в дни празднования 30-летия Победы.

В те дни во Франции по приглашению крупнейшей организации ветеранов войны АРАК находилась делегация советских ветеранов войны — Герой Советского Союза генерал В. Г. Позняк и участники Сопротивления О. Н. Озеров и Б. Н. Стариков. Их сердечно принимали боевые друзья и соратники. В скорбном молчании, плечом к плечу, они стояли у входа в мавзолей мемориала, где установлены 16 символических гробов с останками погибших и замученных гитлеровцами: останки сыновей и дочерей шестнадцати стран, участвовавших в битве с немецкими фашистами.

Советских гостей чествовали во Дворце ЮНЕСКО и торжественно, под звуки партизанского марша и «Марсельезы», вручили им награды — республиканский орден «За гражданские и военные заслуги».

Им надолго запомнится бурный митинг в Орлеане, городе Жанны д'Арк, пламенная речь президента АРАКа коммуниста Андре Турне. «Почему мы должны забыть о нашей Победе над нацизмом? Отказ от прошлого равносилен отказу от будущего. Мы не принимаем решение президента отказаться от празднования Победы. Нельзя поощрять реваншизм. Последнее слово за историей, за народом!»

— А потом, — рассказывает нам Алекс, — пошли незабываемые для меня встречи. С Сюзанной в Париже («Вот видишь, Алекс, мы с тобой не в Сочи, а в Париже вновь увиделись»); со старыми друзьями-шахтерами в Лотарингии, на шахте Валеруа («Ты помнишь, Алекс, как мы вместе спину гнули?»); с мадам Лягард, скрывавшей меня в первый день моего побега из фашистского лагеря в Валеруа. И вместе с французскими товарищами я снова, как много лет назад, недвижимо стоял на опушке леса у памятника советским солдатам, у памятника, воздвигнутого на средства, собранные шахтерами, у памятника, на мраморном цоколе которого высечено: «Благодарная Лотарингия советским солдатам, погибшим в 1944—1945 гг.». Здесь состоялась большая манифестация наших друзей, и на могилы солдат ложились венки и алые розы. На ветру развевались два знамени — советское и французское. А вечером меня повел к себе в гости Бруно Бых, один из инициаторов создания этого памятника. Бруно Бых с гордостью показывал мне бережно сохраняемую им дома советскую литературу на французском языке.

И снова волнующие встречи в Париже. С участниками Сопротивления, с активистами общества «Франция — СССР»...

— Алекс, это ты... Сколько лет, сколько зим!

Алекс — в объятиях супругов Гонан. Они приехали из города Эпиналь, чтобы повидать друга, поприветствовать его. Жорж Гонан — бывший боец отряда маки, а жена его, Полет, — одна из руководительниц общества «Франция — СССР» в Эпинале. Они не раз бывали в Москве, на Байкале, Кавказе. И, конечно же, в гостях у Алекса...

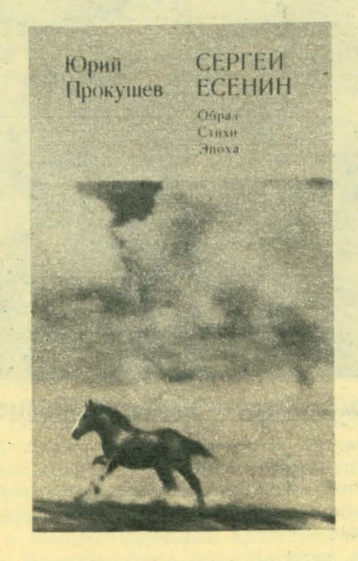
Париж. Май 1945 года. Супруги Гонан и Б. Н. Стариков (справа).

...Канун отъезда. Последняя встреча с Сюзанной — она самый близкий Алексу человек во Франции.

— Когда же мы снова увидимся, Сюзанна?

— Скоро... Обязательно скоро... До встречи, Алекс!

Л. ЛЕРОВ

ЛЮБОВЬ И ПОНИМАНИЕ

«Драматизм поэзии Есенина,— пишет Юрий Прокушев,— порожден прежде всего теми историческими объективными условиями, в которых поэт жил и создавал свои произведения. Противоречия во взглядах и творчестве Есенина являлись глубоким и серьезным отражением в его душе действительных явлений жизни. Не надо сглаживать противоречия Есенина, не надо выпрямлять его жизненный путь. Этого нельзя делать даже при самых благих намерениях. Отнять у Есенина его противоречия, драматизм, умолчать о некоторых произведениях, а другие, наоборот, выпятить — это значит обокрасть и поэта, и самих себя».

Приведенные строки не обещание, не декларация, а завершение исполненной работы, итог, опирающийся на анализ стиха и на осмысление многочисленных, тщательно подобранных документов.

Красноречивы и сообщения, сделанные в устных беседах родными, друзьями поэта, и выдержки из неопубликованных воспоминаний, и официальные документы, и эпистолярные извлечения. Переходя от страницы к странице, интересно следить и за сносками, подчас развернутыми, обильными; они позволяют судить о напряженности и объеме труда, что предшествовал появлению этой книги, насыщенной точными данными, сопоставлениями, выводами. Они сложились воедино, в целостное повествование, и читатель получает ясное, отчетливое представление о жизненном и творческом пути Есенина.

«Все было не так просто...» Эти слова, будто ненароком сказанные по поводу зарубежных встреч Есенина, можно воспринять как своеобразный девиз, избранный критиком в качестве руководства к действию и последовательно им осуществляемый.

Он дает себя знать в основных, ключевых разделах книги. В убедительном подборе доказательств, свидетельствующих о связях Есенина в 1913—1914 годах с революционными рабочими. В разборе отношений, существовавших меж Есениным и имажинизмом. В характеристике тех настроений, что нашли выражение в «Сорокоусте», особенно в знаменитой сцене — «красногривый жеребенок», тщетно состязающийся со «стальною конницей». В рассказе о пребывании поэта в Баку, о добром воздействии, оказанном на него общением с партийными работниками, с людьми труда, с городом, имеющим славные революционные традиции...

Так этап за этапом воссоздается летопись жизни и стиха Есенина. Некоторые страницы ее, к примеру, о дружбе поэта с грузинскими собратьями, еще должны быть написаны. Предстоит пополнить немногими недостающими звеньями четко обозначенный образ, дорисовать отдельные черты уже сложившегося динамического характера. Во всех борениях и трудах поэта, сквозь все его творения, подчас весьма разнородные, проходит господствующее властное стремление — жаркая и нежная любовь к России, преданность ее советскому, социалистическому настоящему и грядущему, живое ощущение величия ее истории, красоты ее природы. Эта мощная сила и ведет Есенина от первых успехов в лирике к «Песни о Евпатии Коловрате», от «Товарища» к «Инонии», от «Сорокоуста» к «Пугачеву», от поэм «Русь советская» и «Русь уходящая» к «Балладе о двадцати шести», от «Песни о великом походе» к «Анне Снегиной» и «Персидским мотивам»...

Нелегко давалось поэту завоевание гармонического, целостного жизневосприятия и жизневыражения! Надобно помнить, что напряженный и сам по себе процесс созревания души, закалки таланта осложнялся сторонними обстоятельствами, и прежде всего бытовым неустройством, житейским неблагополучием. Оно-то и сыграло роковую роль, привело к гибели поэта, оборотив во зло непременные свойства его профессии — чуткость, остроту переживаний, повышенную чувствительность.

О сложном переплетении взаимоотрицающих начал Ю. Прокушев, как и должно, говорит прямо, без умолчаний, не сглаживая столь резко сказывавшихся в судьбе, в стихе Есенина противоречий, подчеркивая их объективное, общественное значение. Именно такая определенность позиции критика и может принести добрые плоды. Тщательный подбор фактов, внимательная и мотивированная оценка отдельных произведений, разумеется, необходимы, без них нечего и браться за работу. Но все же для успешного завершения ее требуется умение включать неповторимое своеобразие пути исследуемого поэта в общее движение литературы.

При всем различии художественных индивидуальностей, мировоззрений «Блок, Бедный, Маяковский, Есенин были едины в главном — в неподдельной тревоге за судьбы восставшей России. Каждый из них «в годы революции был всецело на стороне Октября», каждый сказал свое вдохновенное слово о тех незабываемых днях».

Верное, обоснованное умозаключение! Вдохновенные слова певцов социалистической революции наша критика помогает воспринять во всем их образном, идейном богатстве.

И. ГРИНБЕРГ

Юрий Прокушев. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., «Московский рабочий», 1975, 328 стр.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В № 7 «Огонька» за 1975 год была опубликована критическая корреспонденция В. Морозовой «Домоправительница». В материале речь шла о неполадках в Киевском Доме культуры им. Фрунзе.

Редакция получила письмо за подписью председателя Дорпрофсожа Юго-Западной железной дороги В. Е. Дзюбенко. В нем сообщается, что статья В. Морозовой обсуждена на президиуме Дорпрофсожа. В решении этого совещания отмечено, что факты, изложенные в статье, подтвердились.

За нетактичность и грубость к работникам директору Дома культуры имени Фрунзе тов. Араниной В. Г. объявлен выговор с предупреждением.

Кандидат медицинских наук В. М. Русаков возле реактора для получения протеина.

Электронный микроскоп открывает «космос» капли крови.

Женя Комелькова — Елена Образцова.

«ЗОРИ» СНОВА

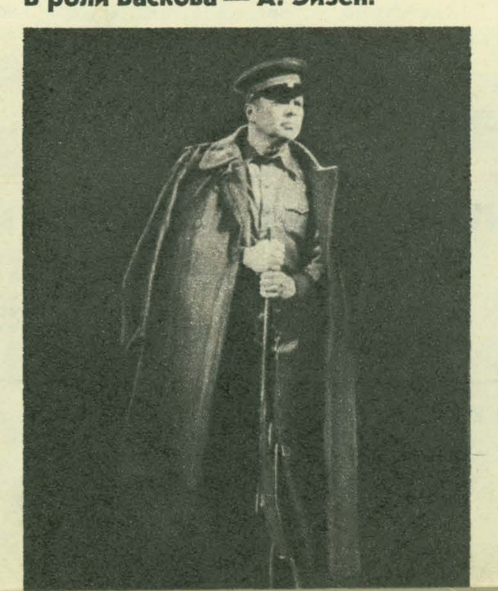
О. САХАРОВА

Фото Евг. УМНОВА

Старшина Васков — А. Ведерников.

В роли Васкова — А. Эйзен.

Перед последним боем.

В мир сегодняшнего дня входят пятеро в солдатской форме: немолодой уже сержант и четверо девчат. И разбит покой. Сурово и требовательно звучит монолог: «Нас не надо жалеть!..» Прозвучит он и в финале оперы К. Молчанова «Зори здесь тихие», поставленной недавно коллективом Большого театра СССР.

Опера «Зори здесь тихие» — о трагедии войны, о гибели юных, о красоте жизни. О неизбежности подвига, о памяти.

Премьера подтвердила счастливое слияние музыкальной идеи композитора К. Молчанова и сценического ее воплощения заслуженным деятелем искусств РСФСР режиссером С. Штейном. В том же идейном ключе решен спектакль дирижером А. Лазаревым и художником В. Левенталем.

Сложное напластование различных по жанру музыкальных кусков, неожиданных режиссерских приемов создает единую и стройную композицию. У каждого образа есть своя предыстория, свой короткий по времени, но долгий по сути жизненный путь к подвигу. Есть дорога в бессмертие.

Из общей массы веселых, озорных девчонок-зенитчиц одна за другой выделяются героини оперы. Рита Осянина, строгая, серьезная, рвущаяся хоть на минутку к маленькому сынишке — он живет в городке неподалеку. Смелая кокетливая красавица Женя Комелькова; в беззаботном вихре довоенного вальса видится ей любимый; к нему обращает она свою песню «Жди меня», но уже нет в ней ни кокетства, ни беззаботности, лишь стойкая вера, желание мстить за счастье, отнятое врагом. Маленькая, хрупкая Соня Гурвич никогда не расстается с заветным томиком блоковских стихов; милая, застенчивая Лиза Бричкина раскрывает душу лишь наедине с родным ей лесом, раздольная напевность ее вокализа — одно из лучших мест оперы, где Молчанов дает волю своему незаурядному дару мелодиста.

А рядом с поэтичными девичьими образами — старшина Васков, такой «заземленный», немолодой «служака». Но именно динамика его характера становится в опере стержнем единой сквозной темы спектакля — темы подвига. Девчонки будто незримо опираются на его стойкость, черпая в нем силу родной земли. Но и они помогают ему обрести себя: найти доброту и ласку, благородство и юмор. Народные артисты РСФСР А. Эйзен и А. Ведерников в роли Васкова создают характер русский, современный, глубоко народный.

В ходе работы над спектаклем режиссер С. Штейн говорил: «Детальная достоверность и правда переживаний — главные критерии для актерской работы».

Спектакль при этом отнюдь не обытовлен: талантливые мастера, создатели «Зорь», поднимают жизненную достоверность на уровень высочайшего художественного обобщения. Поэтому финальные слова Васкова «В небе зори будут снова!» звучат как пророчество.

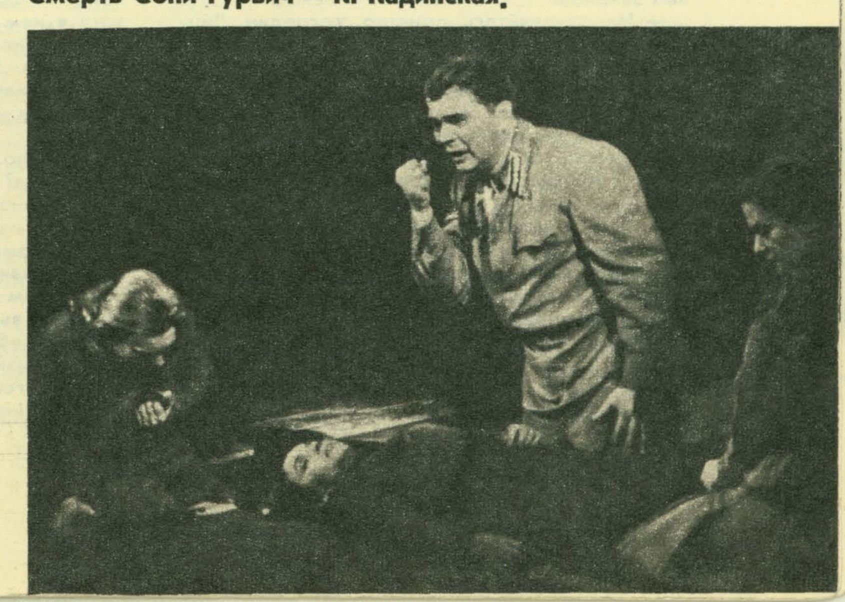
«Нас не надо жалеть!»

Н. Лебедева — Лиза Бричкина.

Смерть Сони Гурвич — К. Кадинская.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

БЕРЕГ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Но как вы лично относитесь к той мысли, высказанной классиком: никто не знает всей правды? Вы ее не разделяете?

— Нет, я разделяю ее. Это вам кажется странным?

— Вы? Разделяете данную мысль? Вы можете пояснить немного подробнее?

— Если вы так удивились, то я попытаюсь... Я не раз думал об этом, господин Дицман. Мы знаем ряд истин, но это лишь слагаемые одной и главной. Мы не знаем конечную сумму истин. В противном случае: если бы мы все знали о человеке, не было бы никакого смысла писать книги, заниматься наукой и вести дискуссии, как мы ведем с вами. Человек — такая же тайна, как мироздание. А это было известно и две тысячи лет назад. Об этом думали и до нас. Я уверен, что если бы люди завтра открыли все законы мира, а значит, и человеческой души, то движение истории прекратилось бы. Нечего было бы познавать. Все найдено, раскрыто, все понято — проблемы жизни человечества исчерпаны до дна. Все веры, все философии, все искусство сразу бы умерли за своей ненужностью. Человечество закончило бы свой запрограммированный путь познания. И началось бы нечто абсолютно новое, с нуля. К нашей жизни это не имело бы никакого отношения. В кибернетическую машину Земли вселенная вложила бы новые параметры. Вот почему мы не знаем всей правды. Вас удовлетворил мой ответ?

— Господин Никитин! Вы говорили сейчас не как писатель, а как философ, я приятно удивлен, но я хочу только уточнить вашу мысль. Самой природой запрограммировано движение человечества к главной истине? По оживлению в зале я чувствую, что вы не менее меня заинтриговали аудиторию... Что же такое тогда человек? Орудие познания? Или случайность? Шестеренка в механизме мировых законов?

— Не удивляйтесь приятно, господин Дицман. Я не претендую на лавры философа, я не так уж самоуверен. Просто после сорока лет начинаешь задумываться над некоторыми вещами, которые в тридцать лет казались простыми, как апельсин. Человек на земле не случайность. Это, как известно, частица природы, познающая самое себя. Прекрасная формула, правда?

— Чья-то цитата? Гегель? Карл Маркс?

— Нет, Фридрих Энгельс. Частица — человек, познающая целое — природу, то есть познание, последовательно ведущее к дверям тайн и законов на пути к главной истине, которая ограничивает бесконечность и постепенно открывает замочки на дверях в длиннейшем коридоре. Поэтому лично я убежден, что открытие огня, силы пара, электричества, атомной энергии — это не случайное познание, а по методу последовательных приближений подсказанное природой в определенный отрезок времени. Это вехи, отмечающие пройденный человеческий путь. Как и наша дискуссия, впрочем. Десять лет назад мы не могли бы так разговаривать, господин Дицман. Это тоже веха.

— Капитализм, по вашей теории, тоже роковое познание? Или, как вы сказали, приоткрывшаяся дверца?

— Да. С привкусом горечи.

— А социализм?

— Познание с ожиданием радости. Освобождение из плена страха. Познание истинной свободы.

— Ожидание радости? Предположим так. Но в вашей теории, господин Никитин, есть некий фатализм, а фатализм ничего общего не имеет с марксизмом. Вы ведь марксист, и вы верите в пролетарскую революцию и в диктатуру пролетариата. Разве это не является для вас главной истиной?

— Никакого фатализма. Я уточняю, господин Дицман. Социализм — это постижение наивысшей свободы человеком.

— Но свобода одного всегда ограничена свободой другого. Наивысшей свободы быть не может. Не так ли?

— Так. Это нравственное ограничение, которое рождает уважение человека к человеку.

— Я очень хотел бы услышать ваш ответ на предыдущий вопрос относительно главной истины. Где она, в политике или вне политики?

— Уважаемый господин Дицман! Вы с непонятной настойчивостью задаете моему коллеге один и тот же вопрос, никак уж не касающийся литературы. Создается впечатление, что вы хотите не прояснить суть дела в нашем споре, а поймать оппонента на неточном слове, и это, с позволения сказать, вызывает мою недоуменную реплику!

— Как вы ошибаетесь, господин Самсонов, я не имею отношения к прессе Шпрингера!.. Господа, благодарю вас за аплодисменты, они, надо полагать, в большей степени относятся к заявлению господина Самсонова, который в чем-то не доверяет мне!

— Полагаю, что аплодисменты адресованы именно вашему остроумию, господин председатель, а я не хочу выхватывать из ваших рук заслуженную в поте лица славу! Но я повторяю: мы уводим дискуссию в сторону!..

— Итак, господин Никитин, ваш серьезный коллега своей репликой снимает мой трудный вопрос?

— Зачем же?.. Вы спросили не самое трудное. Наоборот, ваш вопрос чрезвычайно прост, хотя в нем и есть определенный оттенок, что и подметил мой коллега. Впрочем, это не меняет сути. Я верю в революцию и диктатуру пролетариата, потому что новая общественная формация — познание человечеством самого себя.

— Но по вашей теории это все же не главная истина?

— Главная истина впереди.

— Коммунизм?

— И коммунизм. Но и за этой высокой формой познания путь к истине не обрывается.

— Таким образом, как я понимаю, господин Никитин, вы хотите сказать, что смысл жизни в том, чтобы всю жизнь искать и познавать смысл жизни? Скажите, если мой вопрос, по реплике господина Самсонова, не прозвучит провокационно, в чем смысл вашей жизни, лично вашей жизни? Вы ведь сказали, что никто не знает всей правды.

— Кажется, в ковбойских фильмах, чтобы попасть в цель, надо в течение трех секунд выхватить кольт и выстрелить. Вы выхватили кольт и выстрелили в меня первым, господин Дицман. Чтобы сделать ответный выстрел, потребовалось бы много времени.

— Загадочно... Опять я задал провокационный вопрос?

— Да что вы! Ни в коей мере. Просто ответ на ваш вопрос потребовал бы гораздо больше трех секунд. Для этого нужно было бы пересказать содержание всех моих книг. Так вот, смысл моей жизни — в этом.

— Я читал два ваших романа, господин Никитин, и смотрел два ваших фильма. Они недавно шли в Западной Германии. В них много трагического, грустного...

— Добавлю: и радостного, если быть точным.

— И тем не менее вы больше пессимист, чем оптимист. В ваших книгах нет умиления.

— Вы чересчур категоричны насчет пессимизма. Вы неправы, я оптимист. Мне все время кажется, что ключ от истины лежит в ящике моего письменного стола. Писание романа — это терпение и мучительный путь к цели. И все тогда наполнено смыслом. До следующей книги.

— Нонсенс, господин Никитин. Нонсенс! С одной стороны, вы утверждаете, что не знаете всей правды. С другой стороны, ваша литература призвана учить людей, вдохновлять их — в этом задача метода социалистического реализма. Таким образом, ваши романы — это прорыв из оков социалистического реализма. Не так ли? Недаром часть официальной советской критики ругала вас!..

— Бывало и это, господин Дицман, однако я не польщен вашим экспрессивным заявлением. Так как вы заговорили о методе, то отвечу следующее: я безраздельно поклоняюсь одному богу — реализму. То есть я за смысловое искусство. Что значит писать по методу? Как это писать по методу? Неужели вы считаете, что перед тем, как сесть за письменный стол, писатель говорит себе: я напишу этот роман таким-то методом. По-видимому, в первую очередь он думает, что сказать и как сказать. И труд, труд, труд. Если это не так, то поясните, каким образом вы представляете работу писателя иначе? Приказы по телефону из Кремля? Или хмурый милиционер за плечом, читающий и корректирующий каждую строку? Любопытно, как вы это представляете?

— Я знаю: ваша литература должна воспевать советского человека и советское общество. У вас постоянно говорят об этом.

— Петь, воспевать — эти термины относятся к вокальному искусству, и тут я совершенно не компетентен. Что касается грубой прозы, то она исследует и познает характер отдельного человека и характер народа в целом. А всякое исследование — серьезный процесс, и он ничего не имеет общего с бодрой музыкой, которую передают в минуты физзарядки по утрам.

— И вы можете критиковать свое правительство? Например, высокого министра?

— Это дело фельетонистов.

— Благодарю вас, господин Никитин, за ответ. И последний вопрос, хотя я утомил вас. Вопрос к вам чисто личный. Испытываете ли вы прежнюю ненависть к немцам как к нации, которая воевала против России? Надеюсь, вы не находите в таком вопросе провокационного смысла?

— Нет, не нахожу. Я не испытываю ненави-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20, 22—25.

сти к немецкой нации, как вы сказали, потому что всякий национализм — последнее прибежище подлеца. Народ никогда не виноват. Но наши взаимоотношения не раз замутнялись кровью. И я все время помню, что в последней четырехлетней войне Россия потеряла двадцать миллионов, а Германия — восемь миллионов человек. Это страшные, невиданные в истории потери.

— В шестом веке, господин Никитин, от легочной чумы погибло сто миллионов человек.

— В вашей фразе есть оттенок успокоительного сравнения. Однако те люди шестого века погибли не оттого, что стреляли друг в друга.

— Иные западные теоретики войны, в общем, умные люди, утверждают, что пролитая кровь — это смазочный материал истории, что это закономерность и необходимость, так как вся история — кровь. Утверждают, что последняя война смазала шестеренки ржавеющей германской машины.

— В данном случае вы имеете в виду неореваншистов?

— Не только.

— Так или иначе, спросите этих «в общем умных людей»: хотят ли они сами быть смазочным материалом истории?

— Ха-ха! Благодарю вас!.. Итак, дамы и господа, разрешите от всех вас пожать руку господину Никитину за искренние и нестереотипные ответы, которые — что я отмечаю с удовольствием — ломают решетку неприязни и отчужденности между интеллигентами наших стран. Я отмечаю приятную атмосферу дискуссии и благодарю вас, господин Никитин, хотя во многом я не согласен с вами. Но ваша мысль о том, что вы не знаете всей правды,— прекрасная мысль. Вы не знаете всей правды о капитализме, мы не знаем всей правды о вашем коммунизме! Не так ли?

— Как раз в заключение, господин Дицман, вы упростили мою мысль.

— О, нет, нет, я все отлично понимаю, господин Никитин, все нюансы, и чистосердечно благодарю вас. И вас, господа, за долгое и терпеливое внимание! До свидания, господа!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мелькая остроносыми ботинками, господин Дицман, в распахнутом плаще, веселый, возбужденный, последним сбежал по лестнице дискуссионного клуба, быстро оторвался от группы людей, задержавших его у выхода, легкой, танцующей походкой довольного собой человека подошел к Никитину, тесно окруженному подле машины молодыми людьми, по всей видимости, жаждущими получить автограф русского писателя. Ему с разных сторон совали отпечатанные программки дискуссии, протягивали через головы купленные на этом вечере его книги, тыкали в руки какие-то листочки бумаги, а он машинально, вроде бы бессознательно, вскользь отвечал на вопросы, чиркал свою фамилию, несколько раздерганный перебивающими друг друга голосами, и вместе с тем готовый рассмеяться, видел, как Лота Титтель, изогнув тонкий стан под прозрачным плащиком, по-крестьянски уперев кулачок в бок, кричала на растерянного бородатого журналиста, державшего блокнотик перед грудью:

— Ваша «Бильд» — дерьмо! И ваши вопросы — дерьмо! И ваш Шпрингер — дерьмо! Вы всегда пишете то, что взбредет в вашу свинячью голову! Ваша газета написала обо мне, что я сплю голая среди кошек! Откуда вы это взяли? Я ненавижу кошек! Вы слышали ответы господина Никитина — и пишите то, что слышали! Пусть знают присутствующие здесь господа, что ваша газета не годится даже на пипифакс! Вот что я вам скажу!

— Прелестная госпожа Лота устроила скандал журналистам! — воскликнул Дицман.— Отличный заголовок в завтрашних газетах!

Пожилые немцы, столпившиеся вокруг своих машин, с почтительной серьезностью, с любопытством оборачивались к знаменитой Лоте Титтель, которая под молниями блицев, воинственно подбоченясь, грубовато отчитывала замолкшего журналиста; и здесь же, в толпе, добродушно почесывал лысину, посмеивался рассыпчатым смешком господин Вебер, поглядывая на жену маленькими влюбленными глазками, а госпожа Герберт, уже торопливо открыв ключиком дверцу «мерседеса», почти нежно улыбнулась Никитину: «Господа, вам пора отпустить русского писателя»,— и ласково повела его, потянула к машине со словами:

— Пока Лота воюет с бульварной прессой, нам надо сесть. Где ваш друг? Господин Самсонов!— окликнула она, все так же улыбаясь.— Вы поедете в моей машине или с господином Вебером?

— Я прошу извинения,— отозвался господин Вебер и, наклоняя гладкую лысину, приложился к кисти госпожи Герберт, затем потискал руку Никитина.— Мне нужно прийти в себя от вашей большой говорильни. Вы обрушили на меня кучу умных слов, я должен переварить и отказываюсь от ужина. Иначе заработаю диспепсию. Но Лота — я уверен!— поедет с вами. Не в ее натуре быстро успокоиться, нет, нет! Господин Самсонов, господин Дицман, я с вами тоже прощаюсь...

Наконец, когда после некоторой суеты расселись в машине, а Лота Титтель, озаряемая на тротуаре вспышками фотоаппаратов, победно закончила, вероятно, не первую битву с представителем прессы и гибкой змейкой, шелестя кожурой плаща, обдав запахом духов, втиснулась между толстым Самсоновым и Никитиным на заднее сиденье, господин Дицман захлопнул за ней дверцу, не без притворной любезности помахал журналистам, проворно сел на переднее сиденье возле госпожи Герберт и засмеялся облегченно.

— Господа, мы вырвались из плена Шпрингера благодаря самоотверженности нашей прелестной Лоты и теперь будем наслаждаться завоеванной свободой! Я думаю, что нам сто́ит с поднебесных высот спуститься на землю и взглянуть на истину с материальной стороны. Нам следует восстановить затрату мозговой энергии. Во-первых, в каком ресторане вы хотите поужинать?

— Знаток всех ресторанов Гамбурга — господин Дицман,— ответила весело госпожа Герберт, натягивая перчатки.— Наши гости не могут знать всей правды о ресторанах, которые известны вам. Вы командуйте, я буду вести машину, у вас нет возражений?

— Сидеть в тихом семейном буржуазном ресторане и видеть сонные довольные рожи — брр!— как это уныло! Я хочу в шумные места. Чтоб было, что посмотреть,— вмешалась капризно Лота Титтель.— Иначе после дискуссии у нас лопнут головы, как бомбы! Поехали, господа! Мне хочется выпить, и как следует, вот что я вам скажу!

Госпожа Герберт начала осторожно выводить машину со стоянки в сторону сверкающей огнями центральной улицы за темным, без фонарей, парком.

— Стриптиз?— полувопросительно обернулся Дицман, живо блеснув узкими наркотическими глазами.— Но там нечего есть. Вино, оранжад, кока-кола, минеральная вода — и по горло женских поз. Этим сыт не будешь.

— В районе Сан-Паули — ресторан «Валенсия», это что-то забавное, и там хорошо кормят,— сказала Лота Титтель.— В полуподвальчике...

— Жрецы среднего пола? А, это представляет некоторый интерес.— Господин Дицман взглянул на часы.— У них уже начался сбор, но...

— Нет, нет, это, пожалуй, слишком...— запротестовала госпожа Герберт,— только не это. Что-нибудь другое. Господин Никитин и господин Самсонов, что хотели бы вы?

— Несмотря ни на что, они обязаны посетить особые места Гамбурга. Такого они никогда не увидят в скромной, как монастырь, России!— виолончельным голосом проговорила Лота Титтель и, вся шелестящая плащиком, съежилась, смеясь, нестеснительно просунула ладошки под локти Никитина и Самсонова, прижалась к ним.— Вы не протестуете, господа русские писатели? Насколько я знаю, у вас нет ни стриптиза, ни кабачков этих самых жрецов, ни порнофильмов, не правда ли?

— Вы правы, госпожа Титтель. Нет ни того, ни другого, ни третьего,— ответил Никитин шутливо.— В этом нам вас не догнать. Ресторан выбирайте вы. Я готов на любой. Как ты, Платон?

Самсонов, замкнуто глядя сквозь стекло на огни вечерних витрин, не проронивший ни слова после дискуссии, хмыкнул и заговорил тоном мрачноватой вежливости:

— А что-нибудь попроще, понормальнее у вас есть? Ну, скажем, обычный ресторан, где обедают и ужинают, ну, к примеру, простые немцы... обыкновенные немцы? Хотел бы поглядеть на них, господа интеллектуалы, может, так хоть познаем полностью правду. Я — за такой ресторан, если хотите знать мое мнение.

— О! О! О!— трижды воскликнул Дицман, мгновенно оживляясь, и поднял обе руки.— Я сдаюсь! Начинается социалистический реализм? Рабочий класс, прибавочная стоимость, производительные силы и производственные отношения! Отвечаю на ваш мрачный политический и, так сказать, провокационный вопрос, господин Самсонов. В Западной Германии не хватает рабочей силы, и здесь нет безработицы, поэтому нищие не роются в мусорных ящиках в поисках еды. Контрастов, как говорят и пишут у вас, вы не увидите. А вам они очень интересны? Они вас вдохновляют?

Самсонов фыркнул губами.

— Стало быть, у вас рай земной?

— Германия — и маленький ад и маленький рай, а вашим любимым простым немцам, получающим хорошие марки, господин Самсонов, по вечерам нет ни до чего дела, кроме жратвы и телевизора!— решительно вступила в разговор Лота Титтель.— Сидят себе у телевизоров и глазами жуют мещанские программы, которыми их угощает мой толстяк, умеющий делать деньги не хуже какого-нибудь янки!

Она упругой своей фигуркой заворочалась между Никитиным и Самсоновым, подперла кулачком подбородок, подалась вперед и вмиг изобразила накрашенным, удлиненным лицом дремотно-отупелое выражение по-бычьи жующего человека, сказала сонно:

— Вот что такое сейчас дурацкий телевизор для немца. Когда жуешь ртом и глазами, думать невозможно. Красиво, господин Никитин?

— Прекрасно изобразили,— ответил Никитин.— И хорошо сказали. Значит, жевательная резинка для глаз? Так надо понимать?

— Хорошего тут мало,— твердо, по-русски проговорил Самсонов, словно бы между прочим отвечая и Никитину, затем, выжав насильственную улыбку, спросил Лоту Титтель:— Вы понимаете всю пагубность одурачивания телевизором и не хотите внушить своему мужу, чтобы он изменил программу, сделал ее насыщенной смыслом?

— Я не хочу, чтобы мой муж разорился,— сказала со смехом Лота Титтель.— Нравится вам или не нравится, а в нашем обществе командуют деньги.

— Тогда простите меня, госпожа Титтель, ваша уважаемая западная интеллигенция разъедена конформизмом. Слова, все слова. Одни слова. Конформизм, прикрытый словами. И сотрясение воздуха!

— Платон, дорогой, не забывай, что ты гость, и воздержись поносить хозяев,— тоже как бы между прочим сказал по-русски Никитин, покоробленный насмешливой категоричностью Самсонова, которая время от времени мешала и сердила его на дискуссии, как и это вот невоздержанное заключение о конформизме, будто познанном им раз и навсегда. И, силясь сознательно вытравить, перебороть неутихающее раздражение против Самсонова, он подумал: «После вчерашнего разговора мы еще помним колкости, сказанные друг другу, и оба, конечно, не правы».

— Вы — очень серьезный и, должно быть, очень счастливый человек, господин Самсонов,— сказал Дицман выразительно, но ирония в его голосе кольнула Никитина: похоже было — сообразительный Дицман уяснил смысл русской фразы и объединялся с ним.

— Иногда убежденность,— проговорил Никитин,— мы воспринимаем как прямолинейность. И это часто говорит в пользу того, кто убежден, и о слабости того, кто в «да» всегда видит обратное «нет».

— Господа, прекращаем спор, будем считать, что мы нашли, потеряли и вновь нашли истину!— примирительно воскликнул Дицман.— А истина наша такова: интеллигенция всех стран, объединяйтесь!

— Я согласна с господином Никитиным. Западной интеллигенции не хватает твердой точки зрения,— сказала мягко госпожа Герберт и рукой в перчатке легонько поправила панорамное зеркальце у переднего стекла, радужно облитого подвижным неоном реклам.

«Да, вот она сидит, мы едем в одной машине в какой-то ресторан,— это Эмма, это

она... госпожа Герберт. И был когда-то Кёнигсдорф, и был май, и солнце, и мы были молоды, и ничто нас не сдерживало, даже война. И неужели тогда, в молодости, можно было вообразить, что мы встретимся в Гамбурге другими людьми... совсем другими, прожившими целую жизнь? Все это непостижимо, но это так...»

И он время от времени замечал, что она краем глаза взглядывала в панорамное зеркальце, то и дело вспыхивающее под близким светом фар задних машин, но эти белые вспышки мешали Никитину встретить ее взгляд, и он видел, как пробегали по ее щеке, по волосам, по уголку поднятого на секунду глаза блики уличных огней, видел обтянутые черной кожей ее руки на руле — и где-то в глубине сознания мучительно томила мысль о чем-то только что понятом и оборванном, неспокойном и незавершенном, что случилось с ним в далеком мире очень давно или в молодом полузабытом сне войны. В то же время шестым чувством Никитин угадывал, что она ни на минуту не забывала тот разговор в первый вечер, как не забывал его и он, и, вспоминая о ее виноватой сдержанности тогда, ласковой мягкости взгляда, с улыбкой обращенного ему в глаза, он сейчас испытывал болезненно разжимающееся тоскливое и горькое любопытство: в том разговоре не хватило смелости спросить, замужем ли она, счастлива ли, есть ли у нее дети.

«Это немыслимо,— подумал Никитин,— она сидит здесь, в машине, и я рядом с ней, а все прежнее осталось только в памяти».

— Господа, если сегодня я ваш гид, то наш план таков...— раздался впереди живой голос Дицмана.— Идея созрела в процессе движения. Мы идем в музыкальный ночной кабачок «Веселая сова». Но подъезда туда нет. Поэтому машину оставим на стоянке и дойдем пешком. По дороге я заведу мужчин в одну знаменитую улочку, где много весьма любопытного и пикантного, что есть только в Гамбурге. Приличным дамам вход туда, к сожалению, запрещен. Вот вам, господа, пример ограничения свободы! Через десять минут мы встретимся у «Веселой совы». Итак! Очаровательные дамы, у вас нет возражений?

— Какое неравноправие!— Лота Титтель сделала капризную гримасу и откинулась на сиденье.— Не похитят ли нас по дороге к кабачку иностранные моряки? И встретимся ли мы после этой улицы через десять минут? Это очень опасное для мужчин место.

— Мы будем ждать вас,— сказала госпожа Герберт и, поворачивая машину из хлынувшего навстречу сумасшедшего неистовства, хаоса огней к стоянке, опять мельком посмотрела в зеркальце,— и тут Никитину почему-то померещилось, что он ощутил, как сблизилось и разъединилось бесконечным пространством время, отдалив на целую жизнь (его и ее) лучшие годы молодости.

«Мог ли я, молодой, наивный, решительный, подумать в те невероятные дни после Берлина, что через много лет, через бездну двух с половиной десятилетий она, та милая Эмма, робко вошедшая в мансарду с подносиком, будет сидеть за рулем машины, говорить вот эти слова, искать моего взгляда в зеркальце, а я буду искать в себе то, что беспощадно стиралось временем?»

Позади главная улица Сан-Паули пылала огнями баров, ночных клубов, огромными вывесками кинотеатров, с буйным безумием веселья бежали в беззвездном небе над крышами огненные конвейеры, вращались раскаленные туманности, горизонтально и вкось скакали над металлическими заторами машин, пульсировали пунктиры реклам, смешанные извержения неона обнаженным светом изливались на тротуары, везде кишевшие черными толпами, а за углом центральной улицы, куда от стоянки повел их Дицман, было захолустно, полутемно, гулко звучали шаги прохожих, тусклловато горели редкие фонари. Потом кинулась в глаза отдельная очень яркая лампочка сбоку железных ворот, в проем которых входили мужчины, возникая из темноты, и здесь, возле ворот, Дицман с загадочным лукавством понюхал незажженную сигарету, объяснил, снизив голос:

— За воротами — улица женщин, их квартиры. Одна особенность этого места: женщина не имеет права первая пригласить вас к себе, как обычная проститутка, право выбора только за мужчиной. Вы увидите — они сидят, как в витрине. Церемония следующая: если вам понравится девочка, вы должны постучать в окно и договориться о цене и о всем другом...

— Пожалуй, вы думаете, господин Дицман...— заговорил Самсонов, вынул носовой платок и так трубно высморкался, что запрыгали очки, побагровел лоб.— Пожалуй, вы думаете, что для нас какой-либо особый интерес представляет гамбургская проститутка?— договорил он сердито, обтирая крупный свой нос.— Для какой цели еще это?

— Что? Я крайне удивлен! Не воспитывались же вы в Ватикане!— вскричал Дицман и засмеялся.— Вы же мужчина! К тому же реалист. Вы не хотите познать капиталистический мир вблизи?

— Женщинам и юношам до восемнадцати лет вход воспрещен,— вслух прочитал Никитин объявление, подсвеченное сверху лампочкой, и добавил:— Заинтриговали, господин Дицман. Это любопытно. Я не возражаю. Даже наоборот — очень хочу посмотреть на капиталистический мир вблизи.

Он сказал это Дицману почти легкомысленно, при этом даже подмигнул Самсонову, но тот, замученно глянув на него (как прошлой ночью в гостинице), молча завел руки за спину, оттопырив живот под широким плащом, лицо брезгливо вздулось, стало нелепым, смешным от этой брезгливости, и Дицман вздернул плечи, сверкнув хорошими зубами.

— Вы чем-то встревожены, господин Самсонов? Страдает ваша нравственность?

— Должен вам сказать, что я не испытываю большого восторга, господин Дицман!

— Платоша, перестань,— сказал по-русски Никитин,— умоляю тебя, не надувайся. В самом деле, что ты хочешь доказать?

— Об этом я тебе расскажу в гостинице, если ты способен еще что-нибудь воспринимать. Если еще способен...

— Способен, способен... Пошли.

Эти железные ворота с незаметным входом сбоку заграждали узкую улицу, довольно сумрачно освещенную неяркими фонарями, но, против ожидания, многолюдную, заполненную мужчинами, их негромкими голосами, смехом, шарканьем подошв,— группами и в одиночку неторопливо шли они по тротуарам двумя встречными потоками, поминутно останавливались, как перед витринами магазинов, заглядывали в притемненные окна. А всюду на первом этаже были раздернуты занавески, и была оголенно видна внутренность маленьких комнат, обставленных недорогой мебелью; свечи горели на комодах, опрятно белеющих кружевными салфеточками, цветные подушки прибранно лежали под валиками диванов, дешевые репродукции, скорбные деревянные распятия темнели на голых стенах, и в первый момент представилось — манекены женщин были расставлены за окнами в разнообразных позициях. Без выражения лиц женщины смотрели на улицу, сквозь текущую мимо толпу мужчин, иные сидели, приняв позу безжизненной монашеской скромности, невинно сложив ладони меж обтянутых телесными чулками колен, обнаженных мини-юбкой, иные полулежали в креслах, независимо закинув ногу на ногу и чуть покачивая поблескивающим сапожком. Они шевелились, эти манекены, поводили густо подкрашенными глазами, закуривали, подносили с ленивой небрежностью сигареты к чернеющему рту, выпускали из кругло собранных губ дым к самому стеклу, задумчиво поправляли, доставая зеркальце, дешевые клипсы на мочках ушей, глянцевитым ноготком мизинца проводили по стрелочкам бровей. И особенно заметна была одна, белокуренькая, с бледным, худым лицом подростка: она, вся стройно напрягаясь в кресле против окна, грызла яблоко, по-школьному опустив ресницы, стеснительно жевала, нежная и гибкая, как у балерины, шея ее была непорочно юна, маленькие округлости неразвитой груди едва выступали под белой нейлоновой кофточкой. Она вдруг замерла, перестала грызть яблоко, как бы испуганная, застигнутая врасплох, когда высокий мужчина, грузный, одетый в серое клетчатое пальто, придвинулся с тротуара, постучал пальцем по стеклу. Проститутка детской рукой приоткрыла половинку окна, и он серьезно, деловито заговорил с ней. Она неслышно ответила, ясно глядя в его желтое, морщинистое лицо, улыбаясь застенчивой улыбкой девочки из интеллигентной семьи, но мужчина отрицательно мотнул головой, громко сказал: «Nein!» — и, неудовлетворенный ответом, отошел к другому окну. Он, видимо, выбирал предмет любви, соответствующий своей цене и своему вкусу, требовал от нее согласиться на что-то, и по несогласному короткому «nein» Никитин понял, что она не уступила ему, а он не уступил ей.

«Кто этот расчетливый немец?— подумал зачем-то Никитин.— Что он требовал от нее? Женат ли он? Холост? И часто ли он ходит сюда?»

Седоватый немец исчез в толпе, а мужчины все шли мимо окон, не видя, не замечая друг друга, казалось, в молчаливом отталкивающем разъединении самцов при поиске доступных каждому самок, преувеличенно рассеянно скользили взглядом по фигурам женщин за стеклами, и Никитину, как в первый день на Реепербане, стало как-то неудобно и трудно смотреть на эти похожие и непохожие женские лица в витринах, на их манекенные позы, на их черно накрашенные губы, на розовые ноготки холеных пальцев, зажимающих сигареты, на очень плоские или пышные бедра, на эти сильные ноги, крепко обхваченные модными сапожками по икрам, выставленные напоказ толпам мужчин на тротуарах. Однако в позах женщин чувствовалась словно бы одна и та же ложная игра, принятая всеми, попытка прикрыть грубую откровенность профессии. Нет, они не предлагали себя, не зазывали назойливо в свои комнаты, они внешне бесстрастным равнодушием отвечали на изучающее внимание проходивших мужчин, выражая недоступную спокойную холодность, в которой не было и намека на то, что здесь можно купить и бесстыдный опыт, и голос, распаляющий страсть, и заученное умение натренированного и приготовленного тела, изображающего механизм любви соответственно наклонностям, привычкам и желанию купившего его после другого или до другого.

— Господин Никитин, прошу вас сюда, обратите внимание...

И Никитин, отчетливо услышав рядом беглый стук по стеклу, увидел в двух шагах впереди Дицмана: тот остановился подле окна и, жадно нюхая незажженную сигарету, смотрел на смуглую, выделяющуюся маленькой черной, гладко причесанной головой проститутку, похожую на молоденькую испанку, одиноко и скромно сидевшую под распятием в кресле близ сиреневого торшера. На ее утонченном оливковом лице темнели угольные брови, темнели синими тенями на щеках неестественно длинные ресницы, два пальца молитвенно застыли у золотистого крестика на груди. Дицман громче постучал ногтем. И испанка, вроде просыпаясь постепенно, подняла глаза, лихорадочно блестящие неприступным монашеским фанатизмом, а он, быстрым взглядом ее оценивая, жестом показал, чтобы она повернулась в профиль. Она покорно подчинилась, слегка выпрямила шею и испытывающе глянула на него своим южным прожигающим взором, растягивая ярко-малиновые губы улыбкой. Дицман подумал, притворно-разочарованно покачал головой, и проститутка стоически поджала рот, медленно смежила наклеенные ресницы.

— Какая прелестная девочка!— зашептал Дицман.— Как она артистически играет целомудрие! Рафаэлевская Мадонна! Вы когда-нибудь видели такую красивую католичку?

— Признаться, господин Дицман, мне что-то стало не очень по себе в этом универсальном женском магазине,— сказал Никитин.— Все ясно. Наверное, не стоит больше задерживаться. Пора уже уходить. Тем более нас ждут.

— Разумеется, разумеется. Сейчас мы выйдем отсюда в следующие ворота... Но где наш серьезный господин Самсонов? Его еще не соблазнили гамбургские гетеры? Ах, вот он где, теперь я вижу его! Что его заинтересовало? Кажется, неразлучные подружки? А, это представляет незначительный интерес!

Самсонов в надвинутом на лоб берете, каменно заложив руки за спину, стоял на другой стороне улочки позади группы каких-то христоподобно длинноволосых людей неопрятного вида; трое из них были облачены в лохматые до щиколоток шубы; все они взбудораженно теснились на тротуаре, нетрезво хохоча, понукающе советовали что-то на английском языке двум проституткам, видным в окне, — беленькой, с кукольным личиком, и

черноволосой, с сильным торсом борца, которые сидели, обнявшись, щека к щеке, невозмутимые, исполненные равнодушия, глядя куда-то поверх толпы юнцов, возбужденно кричавших им: «Фрау лесбос, браво, лесбос!..»

— Платон!— позвал Никитин и, увидев его набрякшее багровое лицо, сказал:— Мы уходим! Пошли.

— Должен вам сказать,— ядовито заговорил Самсонов, разрезав массивным утюгом своего плотного живота текущий мимо окон поток мужчин и подходя к Дицману,— что у вас действительно успешно совершена сексуальная революция. Но не хватает одного — сексуальной контрреволюции. Почему? Да потому, что мы дискутируем с вами о смысле жизни, о прогрессе, о человеческой личности,— да это же болтовня по сравнению с этим, так сказать, революционным переворотом!

Дицман тонко улыбнулся, раскланиваясь.

— Должен вам сказать, господин Самсонов, что некоторые немцы, поклонники нацизма, заявляют следующее: будь Гитлер, он пообрезал бы всем длинноволосым космы, запретил бы читать Кафку, подавил бы сексуальную революцию, уничтожил бы эти сексцентры и установил бы добропорядочную нравственность в покорной стране. Вы, таким образом, хотите объединиться с реваншистами? Во взрыве секса никто пока не знает всей правды. Пока — нет.

— Не объединяйте, прошу вас, меня с реваншистами!— проговорил Самсонов, выкатывая белки за стеклами очков.— А что касается «всей правды», о которой говорил господин Никитин, то не знаю, как чувствует себя мой коллега, но еще минута — и меня затошнит от этого мерзостного рынка похоти.

— Я завидую вашей похвальной чистоте, господин Самсонов!— засмеялся Дицман.— Вы либо толстовец, либо святой, но злой святой!

«Зачем он то и дело показывает зубы?— подумал Никитин и нахмурился.— Он как будто хочет поссориться не с Дицманом, а со мной и как будто хочет самоутвердиться в чем-то, доказать что-то мне. Глупо, вдвойне глупо и совсем уж некстати!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В этом кабачке, до отказа переполненном, шумном и дымном, по-видимому, хорошо знали Дицмана — приятный, скромного вида мальчик-официант провел их к зарезервированному столику в углу, уже приветливо накрытому чистейшей скатертью, салфетками, расставил бокалы и рюмки, принял заказ и, обрадованный, заскользил прочь, в обход толчеи танцующих молодых людей в розовых слоях сигаретного дыма. Вокруг горели на столиках свечи, покачиваясь от хаотичного топота, бешеного круговорота пар посреди залика, от оглушительно звенящих ритмов джаза, от смеха, говора, и было душно, жарко, подвальный воздух был сперт, нагрет дыханием, движением тел, потных лиц, мельканием длинных волос, взмахами рук, хлопаньем ладош, вилянием бедер, взлетом ног под куполами коротких юбочек.

«Кажется, мы здесь не очень отдохнем, в этой «Веселой сове»,— подумал Никитин, все же любопытно оглядывая кирпичные стены кабачка, сплошь изрисованные мелом, исчирканные надписями, завешанные разнообразными старинными часами без циферблатов и стрелок, старомодными женскими зонтиками и мужскими шляпами, поломанными остовами велосипедов, торчащих спицами колес, исковерканными автомобильными рулями меж стертых кругов резиновых покрышек; потом различил поблизости от стола, в нише, запыленную донельзя, изуродованную пишущую машинку, заставленную по краям пустыми бутылками, справа — потускневший, весь в паутине портрет Бетховена над тоже обезображенными, вывороченными клавишами пианино — и не без удивления перед собранной тут коллекцией хлама спросил Дицмана:

— Что же здесь — стиль или какие-то причуды? Могу догадаться, но все-таки?

— На это может ответить только сам хозяин кабачка,— ответил Дицман превесело и скосился на Самсонова.— А как вы находите это место после той улицы, которая вам так не понравилась?

— Разве не понравилось? Господина Самсонова не смогли соблазнить прелестные гамбургские девочки?— воскликнула Лота Титтель,

и брови ее взметнулись в игре осудительного удивления.— Никак не расшевелили красотки? В таком случае на вас надо было натравить змееобразную женщину вамп с острым бюстом и испепеляющим взором — ф-ф-ф! Смотрите на меня!..

И она точно начала заколдовывать его, помертвела зрачками, вытянула острые коготки с выражением преувеличенной страсти, изображая хищное положение кошки, нацеленной броситься из засады, но Самсонов, не поддерживая этой ее игры и особенно сейчас телесно прочный за столом, насмешливо-невозмутимый, обвел очками сгущенную толпу танцующих, ответил:

— Напрасный труд. Никогда в жизни я не покупал любовь женщины. Упаси бог испытать подобное унижение.

Лота Титтель сплела тонкие пальцы у подбородка, зашептала полусерьезно:

— Бог мой, вы сама невинность, господин Самсонов. Вы будете жить две жизни. Вы вознесетесь в небо, у вас вырастут белые лебединые крылья. При виде вас мне хочется молиться: о боже, спаси мою грешную душу, прости мне все грехи, все пороки всех мужчин, все вина, все сигареты. Вот какое влияние русского востока вы оказываете. Брошу петь, курить, пить, уеду к вам в Россию, уйду в какой-нибудь бедный сибирский монастырь!

— Благодарю вас,— снисходительно сказал Самсонов.— Примут ли? Не дорого ли придется заплатить за индульгенцию?

Госпожа Герберт, все время молчавшая, прикуривая от пламени свечи сигарету, внимательно, лучась глазами, посмотрела на Никитина — он одновременно потянулся сигаретой к огню — и тотчас улыбнулась ему смущенной и радостной улыбкой. Он, мимолетно ощутив этот вопросительный взгляд, тоже улыбнулся ей невольно. В глазах ее ясно отразились огоньки свечей, и почему-то они показались теперь не синими, а прозрачно-черными, переливающимися тревожно-ласковым влажным блеском,— и Никитин, внезапно задохнувшись от толчка в сердце, подумал, что она в этот миг подумала о том, о чем должен был бы помнить и он, что и дискуссия, и нескончаемые разговоры, и поездка в машине, когда она искала его лицо в зеркальце,— весь сегодняшний вечер, наверное, ничего не значил для нее, прошел в затянувшемся полусне, в ожидании чего-то, может быть, вот этой своей и его улыбки, будто ждала последней секунды, как тогда ночью в мансарде, где горела свеча на столе, светлела майская ночь за окном, а она, обреченная, смаргивая и задерживая слезы, выводила на листе бумаги русские буквы, зная, что это — последнее...

«Странно,— подумал Никитин с туманом в голове,— она сейчас взглянула на меня так, будто откуда-то издали напомнила вот одним этим взглядом, что мы прощались тогда и оба не надеялись ни на что, но вот все же случилось необъяснимое, непонятное... Нет, оказывается, я ничего не забыл. Или мне кажется, что я ничего не забыл, и я только внушаю себе, что помню ее лицо, брови, губы в ту ночь... Нет, я помню, как дрожали ее губы, как они были мягки, солоноваты, смочены слезами... как она не хотела уходить... как она готова была упасть на пол вместе со мной... как пахли ее волосы сладковатым туалетным мылом... Так что же это? Эмма — и госпожа Герберт? Госпожа Герберт — и Эмма? Осталось ли в ней что-нибудь от того, прошлого? И остался ли во мне тот давний и небезгрешно решительный лейтенант Никитин? Да, немыслимо, немыслимо все!..»

«Эмма... неужели вы помните?» — хотел сказать Никитин негромко, но голос его смяло, стиснуло колючими нажимами спазмы, и он, со смехом откашлявшись, проговорил тоном светской воспитанности:

— Фрау Герберт, простите, я несколько охрип, виновата дискуссия, поэтому мне надо бы помолчать... Простите...— Он продолжал, подбирая фразу, которая прозвучала бы, должна бы прозвучать вполне последовательно, вполне естественно в данной обстановке.— Вы довольны дискуссией?

— Очень,— ответила она, глаза ее засветились пристальнее, ярче, засияли безобманной тихой молодой мягкостью, и он опять подумал, что она ждала иного вопроса и поняла его короткую заминку после того, как оба они, на минуту освобожденные из чего-то и соединенные чем-то, улыбнулись друг другу, прикуривая от свечи одновременно.

«Вы, вероятно, хотели со мной поговорить,— сказали ее глаза.— Но почему вас что-то сдерживает? Разве так важно то, что вас сдерживает? Вы должны поверить мне — я с вами не фальшивлю, я не обманываю. Я помню, как все было. И я не жалею о том, что было. Вы понимаете меня?»

«Да, я хотел бы поговорить,— ответил он, глазами осторожно прикасаясь к теплому и лучистому свету в ее зрачках.— Я тоже помню, хоть это немыслимо, и кажется, что все было в другой жизни. Милый мой солдат Ушатиков стоял за дверью, а мы в последний раз при огоньке свечи писали на листке русские и немецкие слова, в которых были отчаяние, страх и такая юная неожиданная влюбленность, какая могла быть лишь тогда. Что же между нами тогда произошло? Солнечное весеннее утро, запах яблонь, стук в дверь, подносик с чашечкой кофе, заспанное, с виноватой улыбкой лицо, халатик, вспухлые, искусанные губы, влажные волосы... Ты помнишь, как в то первое утро пришла ко мне в мансарду?..»

«Да, я помню, помню,— согласно говорили ее глаза.— И мне хорошо смотреть на вас и на свечи и вспоминать то, что можете вспоминать и вы...»

— Господин Никитин, прошу попробовать отличное баденское вино! Оно чем-то напоминает русское шампанское. На ваш-ше здоровье!..

— Спасибо, господин Дицман. Но точнее по-русски будет так: ваше здоровье!

С преодолением он заставил себя переключиться на обычный лад, стряхнуть эту пелену, грустную и сладкую дрему, это наваждение тайного придумывания того, чего могло не быть за выражением пристально синеющих глаз госпожи Герберт. Он огляделся. По-прежнему, не умолкая, неистово отбивал апокалипсические ритмы джаз, колебались жаркими венчиками свечи на столах, в розоватой мути сигаретного дыма перемещались, пульсировали фигуры танцующих; приятно-вежливый мальчик-официант бесшумно возникал, наклоняясь из полумрака, и, обмотав бутылку крахмальной салфеткой, аккуратно разливал в бокалы красное густое вино; Самсонов, со скрещенными на груди руками, чрезмерно серьезно смотрел в сторону соседнего столика, где бородатый парень в курточке (цветной шарф обмотан вокруг шеи, прямые волосы спадают на плечи) бесцеремонно целовал в край рта худенькую, обмякшую до сонной истомы девицу, сидевшую сбоку молодого негра в грязносером свитере, который не обращал на них внимания, ел жирные макароны, ловко орудуя вилкой, и между глотками пива этой же вилкой под звуки джаза выбивал по краю стола синкопы; Лота Титтель раздумчиво покусывала жемчужными зубками длинный янтарный мундштук, гибкими пальцами поглаживала стекло бокала, по-видимому, согревая вино, ее густо-черные веерообразные ресницы равномерно взмахивали то на Дицмана, то на Самсонова (это красивое, пугающее резковатой мимикой и яркой косметикой лицо, мнилось, неспособно было ни при каких обстоятельствах смутиться); и Дицман, высоко подняв бокал, говорил с живостью:

— Здесь, в кабачке «Веселая сова», не произносят политических тостов, он вне времени, здесь надо пить, есть, веселиться, танцевать и не думать о серьезных вещах. Пьем, ваш-ше здоровье!

— А я вот что вам скажу без политики,— вставила Лота Титтель.— Интеллигенция всех стран, объединяйтесь! И никакого больше выхода нет, вот что верно, так верно!

— Интеллигенция — это не класс, госпожа Титтель,— заметил тоном насмешки Самсонов.— На какой позиции объединяться? На основе ревизионизма? Конформизма? На чем?

Она возразила:

— Наплевать! Я — за интеллектуалов, даже за сумасшедших, они дают идеи, вот и все. И Христос был интеллектуалом, вот что я вам скажу!

— Ваше здоровье, госпожа Герберт,— сказал Никитин и, вдруг неудержимо подчиняясь начатому внутреннему разговору с ней, добавил без слов, одной лишь улыбкой в глазах: «Давайте сейчас выпьем за то, что мы встретились,— хоть почему-то от этого и грустно, но все равно за это».

— Ваше здоровье, господин Никитин,— сказала она тихим голосом, и мягко искрящаяся длительная ответная улыбка, понятая им ясно, прошла в глубине ее глаз, тоже договорила без слов: «Давайте за то, что мы с вами помним, то было нашей молодостью. Я не хочу отказываться от того, что было».

— Появился мой отец, господин Дицман. Вы спрашивали о нем,— проговорил мальчик-официант, поставил бутылку на стол, и что-то нарушилось в его приятном лице, оно стало строже, бледнее.— Отец подойдет к вам...

— О, хозяин ресторана — веселый Алекс,— сказал Дицман Никитину.— Феномен Алекс, вы его сейчас увидите!

В это же время из красной полутьмы зала, из-за толпы танцующих вынесся маленький, толстый, круглый человек с подносом на руке, вытянутой над совершенно лысой головой; стремительные его глазки излучали молнии счастья, доброты, жизнерадостности, подбадривали, подмаргивали кому-то справа и слева, посверкивали в пространстве веселой отчаянной; на нем был прекрасный черный костюм, черная бабочка, снежной белизны нейлоновая сорочка; он крикнул что-то тонким хриплым голосом под гром джаза, какую-то, видимо, остроту музыкантам на эстраде,— вокруг за столиками пьяно засмеялись; затем порывистым разбегом легко вскочил на стул и, виртуозно крутя над головой поднос, уставленный бутылкой и рюмками, горловым натужным голосом запел, передразнивая певца, неистово завилял бедрами, изображая и пародируя телодвижения твиста, сейчас же вызвав во всем зальчике рев восторга, после чего кулаком ударил себя в грудь, вроде забивая внутрь голос, закашлялся, спрыгнул со стула и с энергией человека, спешащего за отошедшим поездом, подбежал к столику Дицмана, умиленно и счастливо крича:

— Господин Дицман! Госпожа Титтель! Я вас от всего сердца приветствую в своей уютной, злачной и отвратительной дыре! Добрый вечер, господа, добрый вечер! Побывав в моем кабаке, вы все крикнете потом: «Да здравствует «Веселая сова»! Госпожа Титтель, наша прекрасная Титтель, я вас, как всегда, с вашего позволения расцелую...

— Целуй, Алекс.

Она подставила губы, и господин Алекс поцеловал ее как-то по-клоунски смачно, звонко, таращась радостным изумлением, смеясь, моргая, кивая, и забегал, засуетился подле столика, начал мгновенно артистически протирать и расставлять рюмки. При этом он, не замолкая, говорил о погоде, о последней пластинке Лоты Титтель, о ее несравненном таланте, о бесподобных качествах чистой русской водки, принесенной им из холодильника специально для уважаемых русских гостей, потом сообщил даже, что со времен войны знает русский язык, с ужасающими гримасами красношекого восторженного лица немедленно и безобразно доказал это, исковеркав несколько фраз: «Давай, давай... как дела, сажа бела, на чужой рот не разевай каравай». Но когда он на секунду замолкал, весь добродушный, эдакий неунывающий дядюшка,— нечто незащищенное проступало в нем, и вид его напоминал чем-то смешного, уставшего мальчика, возбужденного всем этим шумом, музыкой, танцами, смехом, говором, неестественным ресторанным весельем, которое он обязан был ежеминутно поддерживать здесь. И покуда господин Алекс священнодейственно разливал из ледяной бутылки в мизерные рюмки водку женщинам, говорил, делал различные жесты изумления, ужаса, восторга, Никитин не без интереса смотрел на него, думая: «Вот таким оживленным он бывает каждый вечер? Откуда эта невероятная энергия? Жесты, улыбки, ужимки... Сколько ему лет? Под пятьдесят?»

— Господин русский писатель, я вижу по вашим глазам: вы обещаете задать мне какой-то вопрос? Простите, но задам вопрос я, как хозяин этого кабачка. Вам приходилось в Гамбурге бывать в таких заведениях, где руками человека уничтожена цивилизация?

Господин Алекс, расплываясь радушным умилением, наполнил мастерским движением его рюмку, и маленькие, поощряющие к общению и шутке глаза этого живого толстяка доброжелательно заглянули в лицо Никитина, как несколько секунд назад заглядывали в лицо Дицмана и госпожи Титтель.

В. Боровиковский. АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗИМЫ В ВИДЕ СТАРИКА, ГРЕЮЩЕГО РУКИ У ОГНЯ. Около 1806.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Боровиковский. ЛИЗЫНЬКА И ДАШИНЬКА. 1794. Государственная Третьяковская галерея.

Никитин только засмеялся в ответ.

— Нет, в таком кабачке вы не бывали,— продолжал господин Алекс, уже забежав за спину Самсонова и наполняя его рюмку.— Здесь уничтожено время, здесь ничто не должно напоминать вам о том, что там, наверху, есть ужасная действительность.— Он пальцем показал вверх.— Здесь островок, отъединенный от безумного мира, здесь нет вонючей политики, мерзкой зависти, гнусного национализма! Здесь никто не распнет Христа, потому что вместо ржавых гвоздей я могу предложить только музыку, смех и вино! Вместо злобы я предлагаю улыбки. Когда людям много улыбаются, они становятся добрыми. Если бы люди старели только от смеха и улыбок, это было бы всеобщим счастьем! Не так ли? Сова — мудрость. Веселая сова — это веселая мудрость! Поэтому ко мне заходят и люди искусства! Но русские у меня впервые, и я от чистого сердца рад предоставить им свой кабачок! Веселитесь у меня! Радуйтесь! Смейтесь!..

— Может быть, я ошибаюсь, но вы... или бывший журналист, или бывший актер, господин Алекс,— сказал Никитин.— Я недалек от истины?

Господин Алекс закатил глаза, выражая испуг человека, потрясенного нежданным недоразумением.

— Нет, нет и нет! Я лишь клоун в своем ресторанчике. Я всю жизнь клоун. Журналист не любит людей и лжет, простите, господин Дицман, я имею в виду мрачных разбойников пера. А я клоун... Да, люби людей. Всех. И счастливых и несчастных. И даже врагов. Всех люби. Сейчас не война...

— Евангелие от Матфея,— сказал Никитин.

— Я не читал Евангелие, прости меня бог, господин писатель!

— И даже врагов? — спросил Самсонов, сопнув носом, и заерзал, поправил очки.

— Всех! Иначе люди превратятся в машины, пожирающие друг друга. Кто будет тогда рожать детей? Кто будет продолжать человеческий род?

— Хм, весьма любопытно,— сказал Самсонов.

— Я клоун, да,— задребезжал квохтающим, хриплым смешком господин Алекс и топнул короткими ножками, выставил локти фертом, сделал комичные, неуклюжие па, вызвав смех за соседними столиками.— Вот видите? Я хочу, чтобы у людей было настроение. Я не хочу грабить, лгать. Сейчас нет нацизма и нет войны. Я каждый вечер клоун здесь. Каждую ночь. Все смеются, и мне хорошо, как хорошо клоуну, у которого чиста совесть... Я стираю, я полощу свою совесть в смехе. Мне не нужно современного стирального порошка «ОМО»! Русские господа уже знакомы с моим прекрасным сыном?

И тут молчаливый, услужливый мальчик-официант, неслышно раскладывавший закуски на столе, поднял тщательно причесанную голову, и Никитину стало видно при свете свечей: капли пота бисеринками покрывали его ровно-белый лоб. Он сказал сдержанным голосом уважения и боли:

— Нет, папа, ты не клоун...

Господин Алекс всплеснул маленькими руками.

— Вы слышали, что говорит мой единственный, мой любимый сын? Он не хочет, чтобы я был клоуном. А я каждый вечер клоун, каждую ночь. А мой сын, студент, будущий адвокат, хороший сын, не хочет. В первый раз, когда мой сын пришел сюда помогать мне, он был потрясен, он чуть не плакал. У меня тоже разрывалось сердце. Он отвел меня за бар, погладил по щеке. «Папа,— говорит,— не хочу, чтобы ты клоуном был. Ты ведь не клоун». А я сам чуть не плачу от жалости к нему и говорю: «Все клоуны, все, кто у меня в ресторане, прекрасные люди, а жизнь — клоунада. Но мне здесь хорошо... Я клоун, как и все!..»

— Папа, я прошу тебя...— шепотом прервал сын господина Алекса и тотчас, на ходу составляя на поднос пустые кружки, отошел к соседнему столику, где рядом с целующейся парой молодой красивый негр доедал макароны и, жуя, вилкой выстукивал синкопы; негр знаком позвал его.

— Он прекрасный сын, единственный мой сын!— вскричал господин Алекс, сияя младенческими пухлыми щеками.— Но ему только двадцать лет, и он не знает, что был Маутхаузен, Бухенвальд и Освенцим, как знаю я. Почему я говорю об этом? В Америке живет мой друг, богатый человек, глава поп-арта. Я ездил к нему в прошлом году. Он пригласил меня в гости. Он живет в Нью-Йорке, большой роскошный дом, а везде окна сделаны, как решетки в концлагере, полосатые костюмы, вместо постелей — нары. Он не может забыть. Он сидел в концлагере вместе со мной... А мы ничего не можем забыть. И все забыли. Все! Поэтому лучше быть клоуном, мы разные клоуны, но мы клоуны. Я не признаю, нет, не признаю никаких национальностей, нет ни немцев, ни евреев, ни русских, ни американцев — все братья! Все равны, я всех люблю! Я всех жалею в этом страшном мире, где политика заставляет людей убивать друг друга! Господин русский, вы хорошо знаете этот вкус, попробуйте, и вы еще раз придете в мой кабачок выпить настоящей водки! У меня нет обмана.

И господин Алекс, семеня, бегая вокруг стола, поднес налитую рюмку водки прямо к губам Никитина, и тот непроизвольно взял из его энергичной руки рюмку, попробовал, озадаченный и смущенный излишним вниманием, сказал:

— У вас полагается дегустировать, или в «Веселой сове» особое уважение к русской водке?

— Неподдельная чистая русская водка!— тонко вскричал господин Алекс, воздев к потолку глаза с видом счастливого ужаса.— Здесь нет воды! Это «Столичная»! Вы вспомнили Россию? Я знаю, как тосковали по России русские в концлагере. Я рад, что в моем кабачке вы вспомните родину! И вспомните такую хорошую русскую песню... «Кат-тюшу» — про хорошую девочку Катюш-шу, которая любила яблоки и груши. Господа, приятного аппетита, я вас всех целую, я вас всех люблю! Вы приятные мои гости, а я ваш клоун. Я вас люблю!..

Господин Алекс поцеловал кончики своих пальцев, потряс ими в воздухе, как бы распространив этот поцелуй, эту любовь на всех и, напевая, виляя толстым задом под такты джаза, помчался куда-то в глубину зала, встречаемый смехом, приветственными возгласами за столиками.

— Очень любопытно,— сказал Никитин.

— После войны,— заметил Дицман, нюхая сигарету расширенными ноздрями,— он был так напуган, выйдя из концлагеря, что сделал пластическую операцию носа. Вы видели, какой у него правильный арийский нос? Сделал операцию, купил кабачок и стал клоуном. Он хочет, чтобы его любили все! Забавно, не правда ли? Прелестная Лота, напрасно мы сидим, я приглашаю вас танцевать.

— А возможно, чтобы и мы пошли танцевать?— улыбаясь, сказала госпожа Герберт.— Это не слишком для нашего возраста? Играют что-то медленное, но не знаю, что...

— А, все равно! Главное — принять решение,— ответил Никитин, и его будто подхватила горячая зыбь бездумного озорства, непонятного насмешливого мальчишеского вызова самому себе.— Правда, госпожа Герберт, я не занимался этим тысячу лет. Иду на явный риск. На мировой срам. На мировой позор. Но почему бы нет? Ты не возражаешь, Платон, пострадать несколько минут в одиночестве?

Самсонов отхлебнул вино из бокала, пробормотал пасмурной ернической скороговоркой:

— Надеюсь увидеть твист, шейк и танец живота — все вместе. Валяйте на здоровье, господа, веселитесь, а я понаблюдаю.

После взрывов и грома синкопов все сразу стало тихим, старомодным, даже сонным, озаренным мерцанием свечей,— в красноватом полусумраке усталые пары передвигались, плыли среди замедленного течения музыки, иные, обнявшись, дремотно ходили по кругу, иные в изнеможении чуть раскачивались на одном месте, потные, лохматоволосые парни, расхристывая курточки на «молниях», поворачиваясь возле своих столиков, то и дело хватали с них коричневые бутылки кока-колы, пили большими глотками, вытирали рты, передавали бутылки друг другу, но продолжали топтаться, утомленно подрагивать телом, как будто не могли остановить заведенно однообразную вибрацию ног.

Войдя в лениво-кругообразное течение толпы, Никитин внутренне изумился своей необдуманной дерзкой смелости — пойти танцевать с госпожой Герберт, в немыслимом ночном кабачке где-то в Гамбурге, и, подтверждая это наивное безумство, сказал ей:

— Хоть убейте, не знаю, что за танец, но вы уж подчиняйтесь мне, чтобы избежать конфуза. Я постараюсь вспомнить, как это делалось тысячу лет назад.

Она ответила ему согласной улыбкой, легонько погладив его по плечу, и он, ощутив ее осторожное прикосновение и ее спину в разрешенном и дозволенном объятии, запах сладковато-горьких духов, опять ясно представил то утро и прохладную влажность вымытых туалетным мылом волос, когда она с покорным отчаянием обняла его в первый раз: «Ах, герр лейтенант!..»

— Госпожа Герберт, я заметил, что вы молчали и о чем-то думали...— сказал Никитин, стараясь не видеть чистую седину в ее волосах, а силясь сравнить, сопоставить случайное, когда-то бывшее в их молодости благостное утро и вот этот прозрачно-синий, устремленный в его зрачки взгляд, в котором ему хотелось увидеть и ее и себя из неправдоподобно другой, чудилось, приснившейся жизни, где была райская тишина без войны, теплая трава, счастье светоносного весеннего воздуха.— Госпожа Герберт,— повторил Никитин шепотом, заглядывая в переливающиеся блеском влаги ее глаза,— я помню... я многое помню, госпожа Герберт...— Он помолчал, перевел дыхание.— ...Даже то, как вы учили меня произносить по-немецки «Шметтерлинг». Было солнце, раннее утро, в окно влетела бабочка. Помните? Потом эта фраза: «Лерне дойч, лерне дойч...»

— Lerne Deutsch?..— шепотом выговорила госпожа Герберт.— Вы помните? О господи!..

Ее пальцы повлажнели в его пальцах, ослабленные колени стукнулись о его колени, и это проявление какого-то невнятного страха и нескрытой радости пронзило Никитина зябким дуновением: неужели она не забыла, до сих пор помнила слова, которые они говорили тогда друг другу? Он сказал быстро:

— А вы помните, как я учил вас нескольким русским фразам?

Она засмеялась, приготовленно округлила губы и, разделяя слоги, выговорила по-русски:

— До с-ви-дань-я... н-не забы-вай мень-я...— И, сделав паузу, пожимая его руку влажными пальцами, прибавила:— Я лыюблю т-тебь-я... Так? Так?

Никитин не ожидал, что она могла вспомнить эти слова, выученные ею двадцать шесть лет назад, произнесенные им в майскую ночь с редкими крупными звездами над покойно спящим городком, когда вздрагивало от их дыхания пламя свечи, а они поочередно писали на листе бумаги русские и немецкие фразы, веря и не веря, что должны надолго расстаться. Нет, он знал и чувствовал, что завтра многое непоправимо изменится в его жизни и больше они не увидятся,— а она, цепляясь за слабенькую надежду, за невозможность, запомнила сказанные им русские фразы? Но, неизвестно почему, сейчас, все-таки пытаясь уйти от серьезного разговора, он пошутил:

— Когда в университете я изучал немецкий язык и, конечно, заваливался не раз, то вспоминал вашу фразу: «Лерне дойч, лерне дойч». Оказали на меня влияние, вот видите, как...

— Вы хорошо говорите по-немецки,— сказала она и, явно колеблясь, спросила неуверенно:— Ваша жена... она кто по профессии?

— Она врач. А... ваш муж?

— Он умер в пятьдесят четвертом году. Мы прожили вместе четыре года.

— У вас есть дети?

— Одна дочь. Но она не живет в Гамбурге. Вышла замуж и уехала с мужем в Канаду.

— А ваш брат? Я смутно помню вашего брата. Кажется, его звали Курт? Где он?

— В Дюссельдорфе. Он известный адвокат. Имеет свою контору. Много дел, много работы. Перед вашим приездом я звонила ему, он очень хотел приехать в Гамбург, но не смог.

— Скажите, я хотел вчера подробно спросить, каким образом именно вы пригласили меня на дискуссию? Как вы узнали? Неужели по фотографии?

— Я увидела вашу фотографию на книгах, которые издавались на Западе. Ваши романы проходили через мои магазины. Только после этого я их прочитала.

— И меня можно было узнать на фотографиях?

— Да. Я узнала.

— У вас лучше память, чем у меня. Слишком многое наслоилось в моей памяти после войны. Слишком много было всего. В общем, бо́льшая половина жизни прошла, хотя об этом нет времени подумать, к сожалению.

— Я сильно изменилась, господин Никитин? Вы меня не узнали... Я совсем другая? Не та Эмма, правда?

— И я не тот лейтенант Никитин, которому было море по колено.

— Нет, для женщины срок в двадцать шесть лет — целая жизнь. Вот это и есть правда, о которой вы говорили.

— Этот срок чувствую и я. Иногда по утрам, во время бритья, смотришь на себя в зеркало и с наивной самозащитой думаешь: виски седые, но еще до пятидесяти чуть-чуть не дошло. А в сущности-то главные годы — там, за зеркалом... Истина довольно банальная, хоть некоторые, дожив до шестидесяти, часто оспаривают ее. Но до шестидесяти дожить надо...

— Вы говорите «главные годы»? А я думаю, я уверена... Вы должны быть счастливым человеком, у вас... семья, работа, вы известны... Разве у вас не все хорошо?

— Более благополучного человека, чем я, нет.

— Вы сказали в шутку или серьезно?

— Я хотел вас спросить... Скажите, вы все понимали, что происходило тогда в вашем доме среди русских?

— Я боялась за Курта, за себя. Я знала, что вы меня спасли.

— Вас спас, если говорить о прошлом, не я, а лейтенант Княжко, помните того лейтенанта, который хорошо говорил по-немецки?

— А я знала, что вы меня спасли. Тот лейтенант был строг и очень серьезен, признаться, я боялась его, а вы...

— Таких, как лейтенант Княжко, я больше не встречал в жизни, мне его не хватает до сих пор. Но такие погибали, как правило. Это уж какая-то страшная была закономерность.

— А вы, слава богу, остались в живых.

— Мне повезло... Когда нет таких, как лейтенант Княжко, то нет и настоящих друзей, и вообще многое в мире тускнеет. Я его настолько не могу забыть до сих пор, что он мне снится. А утром чувствую такую горечь, что места себе не нахожу. Как после смерти своего сына. Простите. Мы говорили о Княжко, и я, кажется...

— У вас... умер сын? Когда?

— Четыре года назад. Тогда я едва не потерял и жену, единственного друга: у нее началась нервная болезнь. Подождите, мы говорили о Княжко, о том лейтенанте, моем военном друге. Вы его, конечно, помните...

— О, я не буду ничего спрашивать. Я понимаю, как ваша жена... и вы... Я понимаю, почему у вас бывают грустные глаза, да, заметила, извините. Я не подумала, когда сказала, что вы должны быть счастливым человеком. Извините, пожалуйста, меня. Может быть, нам пора сесть, выпить вина? Мы долго танцуем. Я уже хочу выпить и очень хочу курить. Да, да, здесь душно... но мне как-то немного холодно...

— Вы нездоровы, госпожа Герберт? У вас действительно ледяные руки. Вы, вероятно, плохо себя чувствуете?

— Нет, нет, это тоже нервное. У женщин бывает такое нервное. Я просто, как вы сказали, вспомнила свои лучшие годы. Но их нельзя назвать годами. Это были дни... Какой-то детский мираж, какой-то сон... Господин Никитин, вы слушаете музыку? По-моему, сейчас танцуют твист или шейк. Мы мешаем молодым... Давайте лучше сядем, выпьем вина и покурим.

— А руки у вас не согрелись — ледяные...

— Выпьем вина — и все пройдет. Я немного устала.

— Тогда давайте сядем.

— Простите, господин Никитин, ваш коллега господин Самсонов, несомненно, решительный человек, знает, что мы с вами были когда-то знакомы?

— Это не имеет значения. А что?

— И вы не хотели, чтобы он подробно знал?

— Я об этом не успел подумать.

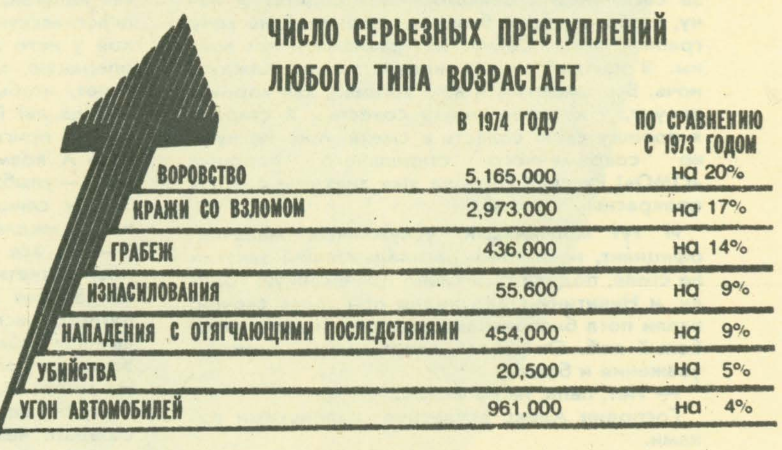
— Благодарю вас. Пойдемте к столику.

Продолжение следует.

досье «огонька»: преступность в сша

«НРАВСТВЕННОСТЬ СТАЛА АНАХРОНИЗМОМ»

ЧИСЛО СЕРЬЕЗНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛЮБОГО ТИПА ВОЗРАСТАЕТ

	В 1974 ГОДУ	ПО СРАВНЕНИЮ С 1973 ГОДОМ
ВОРОВСТВО	5,165,000	на 20%
КРАЖИ СО ВЗЛОМОМ	2,973,000	на 17%
ГРАБЕЖ	436,000	на 14%
ИЗНАСИЛОВАНИЯ	55,600	на 9%
НАПАДЕНИЯ С ОТЯГЧАЮЩИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ	454,000	на 9%
УБИЙСТВА	20,500	на 5%
УГОН АВТОМОБИЛЕЙ	961,000	на 4%

Диаграммы—из журнала «Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт». (По данным Федерального Бюро Расследований.)

ЧЕМ ЖЕ ЭТО ВЫЗВАНО!

Последние официальные данные заставляют сделать вывод: уровень преступности в Соединенных Штатах поднимается с небывалой скоростью. Цифры, собранные по всей стране, свидетельствуют о том, что Америка не знала подобного размаха преступности в городах по меньшей мере последние 45 лет. В отчете ФБР от 31 марта этого года указывается: число серьезных преступлений (убийства, изнасилования, грабежи, вооруженные нападения, кражи со взломом, воровство и похищения автомобилей) возросло за год (1973—1974) на 17 процентов.

С тех пор, как ФБР начало публиковать такие данные (с 1930 года), подобного пока еще не наблюдалось. Добавим к этому:

В городах с населением более 25 тысяч человек уровень преступности возрос на 15 процентов. И эта цифра рекордная!

В пригородных зонах рост преступности составил 20 процентов. В сельской местности — 21 процент.

На 11 процентов возросло количество садистских преступлений. Та же цифра характеризует преступления против собственности. Число мелких краж увеличилось на 20, а краж со взломом — на 17 процентов.

Среди официальных лиц, связанных с ФБР, наблюдаются пессимизм и растерянность, а между тем все говорит о том, что рост преступности будет продолжаться и в 1975 году.

Власти указывают на взаимосвязь этого явления с ухудшением экономического положения населения.

Преступления совершаются сейчас там, где раньше это невозможно было себе представить,— ареной насилия стали даже церкви. Особое беспокойство продолжает внушать рост преступности в школах.

Чем же все это вызвано?

В поисках ответа на этот вопрос редакция журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» обратилась к целому ряду официальных и других заинтересованных лиц в различных штатах Америки.

«Преступникам удается увильнуть от тюрьмы,— заявляет полицейский комиссар из Филадельфии Джозеф О'Нейл.— Даже если их вина доказана судом, подсудимых отпускают на поруки. А между тем именно рецидивисты совершают большинство преступлений».

Начальник полиции в Бирмингеме, штат Алабама, Джеймс Парсонс считает, что нужно производить больше арестов. «Тюрьмы,— утверждает он,— должны сказать свое слово!» Кстати, именно выпущенные на поруки преступники были участниками половины ограблений в Лос-Анджелесе.

Мэр города Нью-Йорка Э. Бим объясняет резкое увеличение числа преступлений ухудшением экономического положения населения. «Состояние национальной экономики,— заявил он,— является главным фактором, объясняющим рост преступности не только в городе Нью-Йорке, но и по всей стране. Инфляция и спад обуславливают рост стоимости жизни и противоречие между занятостью и производством. Безработица, рост цен, непомерные налоги,— продолжает мэр Нью-Йорка,— сказываются в первую очередь на тех слоях населения, которые наиболее тяжко страдают от состояния национальной экономики. Зачастую они вынуждены преступать закон только в поисках средств к существованию».

Многие официальные лица указывают на то, что большинство наиболее опасных преступлений совершается подростками. «В Чикаго,— рассказывает заместитель начальника полиции этого города Джон Киллаки,— огромное количество правонарушителей — это молодежь от 15 до 20 лет, другая крупная группа — десяти — пятнадцатилетние подростки». Причина этого, по мнению Киллаки, в непрерывной пропаганде насилия в телевизионных передачах и кинофильмах. «Нравственность стала анахронизмом», — констатирует чикагский полицейский.

Та легкость, с которой любой преступник в США может обзавестись самым современным огнестрельным оружием, приводит в замешательство суд и полицию. «Необходимы действенные контрмеры»,— указывает Киллаки.

УЗАКОНЕНИЕ ОТРАВЫ

Долгая, ожесточенная война с марихуаной вступила в новую фазу. Все идет к тому, что потребление наркотиков, еще вчера считавшееся серьезным преступлением, вскоре не будет уголовно наказуемо вообще.

В свое время опасность распространения марихуаны, одного из сильнейших наркотиков, признавалась повсеместно, и каждый штат квалифицировал потребление марихуаны как серьезное преступление. В начале шестидесятых годов развернулась кампания за снижение меры наказания, и к прошлому году наркоманы и их покровители добились своего: поправки к законам об ответственности за потребление марихуаны были приняты во всех штатах. Сейчас те же, кто добивался этих поправок, ведут борьбу за дальнейшую «декриминализацию», проще говоря, за исключение наркомании из списка преступлений раз и навсегда. Кстати, в штате Орегон эта «декриминализация» уже проведена в жизнь. Пока, правда, нет речи о полной легализации наркотиков — просто, если соответствующий закон будет принят в федеральном масштабе, за потребление марихуаны станут наказывать не строже, чем за нарушение правил уличного движения.

Из американского журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт»

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

НЕУСТРАНИМАЯ ПРОБЛЕМА

Материалы американской печати, с которыми знакомит читателей «Огонек», затрагивают некоторые аспекты одной из острейших социальных проблем современных Соединенных Штатов.

Сам по себе рост преступности давно стал в США повседневным явлением. Известно, что с 1960 по 1973 год число серьезных преступлений, ежегодно регистрируемых ФБР, увеличилось на 158 процентов, достигнув в 1973 году цифры 8,6 миллиона. Данные за 1974 год привлекали к себе внимание американской печати в первую очередь потому, что произошел невиданный даже для американцев скачок в росте преступности.

Особую тревогу у американской общественности вызывает резкий рост числа преступлений, совершаемых молодежью. Ныне почти половина серьезных преступлений, регистрируемых ФБР, приходится на долю правонарушителей в возрасте до 18 лет. Это явление опасно не только само по себе, но и потому, что большинство сегодняшних подростков-правонарушителей завтра окажутся взрослыми убийцами, грабителями, участниками гангстерских банд.

Для объяснения причин роста преступности американскими криминологами предложено несколько десятков различных теорий. Среди них и расистские концепции особой «предрасположенности» к преступлениям негров, пуэрториканцев и представителей других национальных меньшинств и теории, объясняющие преступность нервными болезнями или даже... расстройствами деятельности эндокринных желез у отдельных правонарушителей. Наиболее же серьезные исследователи подчеркивают связь роста преступности с такими экономическими факторами, как безработица, инфляция. Ряд причин, называемых американскими криминологами, в том числе указанных в публикуемых материалах, действительно, влияет на рост преступности в США. Однако буржуазные исследователи, подчеркивая значение отдельных факторов, не могут вскрыть подлинных, коренных причин преступности, которая порождается всем строем капиталистических общественных отношений. Именно на этой почве проявляется отрицательное влияние взаимодействия таких разнородных явлений, как кризисные тенденции в американской экономике, бесконтрольная торговля оружием, пропаганда насилия на экранах кино и телевидения и на страницах бульварных изданий. Не вызывает сомнений, что росту преступности в США способствовала и американская авантюра в Индокитае, где сотням тысяч молодых американцев прививался дух милитаризма и грубой силы, «дозволенности» убийств, ограблений, стяжательства и насилий, где многие американские военнослужащие пристрастились к наркотикам, и в частности к курению марихуаны.

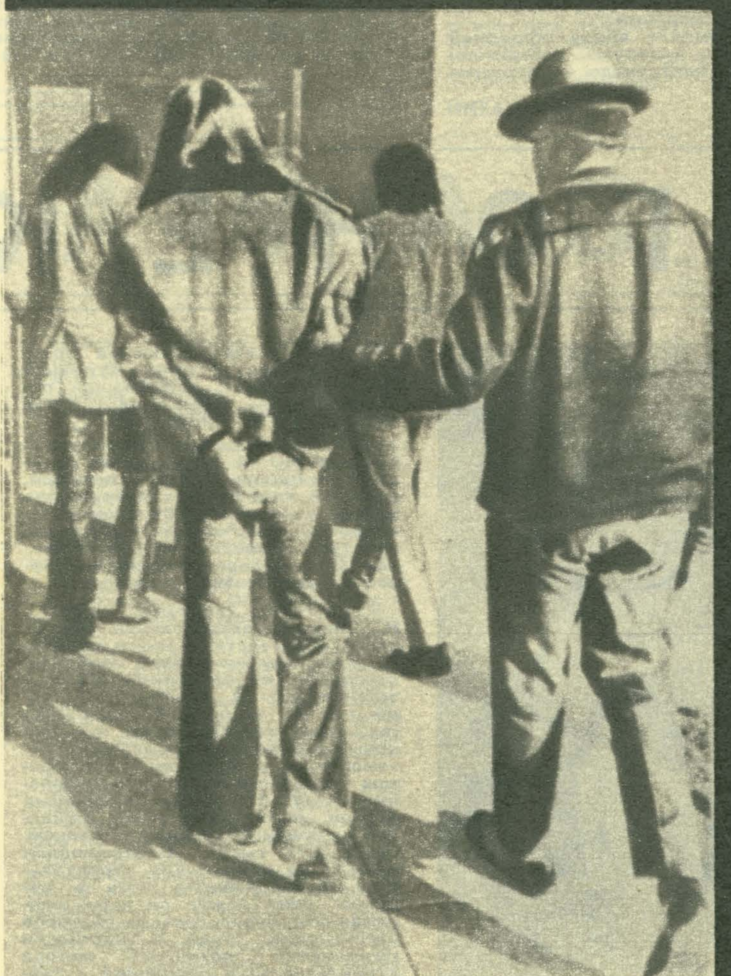
Распространение наркомании в США объясняется, в сущности, теми же причинами, что и рост преступности. Следует лишь подчеркнуть, что торговля наркотиками — самый доходный бизнес, организаторы которого получают баснословные прибыли, в сотни раз превышающие расходы на транспортировку, подкуп полицейских чиновников и т. п. Будучи не в состоянии остановить рост наркомании, органы борьбы с преступностью в США подчас видят выход в том, чтобы ослабить наказание за потребление марихуаны с тем, чтобы предотвратить распространение более сильных наркотиков — кокаина и героина. Однако, как справедливо считают многие американские юристы, подобные меры могут привести лишь к еще большему обострению проблемы наркомании в стране.

Сами американские криминологи делают весьма пессимистические выводы относительно возможности остановить волну преступности. С таким заключением нельзя не согласиться.

Ф. РЕШЕТНИКОВ,
доктор юридических наук, профессор

Среди 13 миллионов постоянных потребителей марихуаны в США — больше половины молодежи.

Фото «Уайд Уорлд».

Улицы американских городов все больше напоминают джунгли. Только за год число серьезных преступлений возросло на 17 процентов.

Фото ЮПИ.

В тюрьму возвращается преступник, отпущенный после суда на поруки. Как свидетельствуют официальные данные, в подавляющем большинстве преступлений повинны именно рецидивисты.

Текст и фото «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт».

ШАГ СПАРТАКИАДЫ

Второй месяц шагает VI Спартакиада народов СССР по стране. После ее пролога, состоявшегося задолго до начала остальных финальных соревнований, в марте на ташкентском ринге, уже семь городов предоставили свои стадионы и спортивные залы сильнейшим спортсменам страны. В Москве встретились ватерполисты и пловцы, в Ашхабаде — стрелки из лука, в Душанбе — прыгуны в воду, в Ереване — современные пятиборцы, в Таллине — легкоатлеты, во Фрунзе — стрелки-стендовики, а в Минске — фехтовальщики.

И это только начало соревнований поистине сверхолимпийского масштаба. К тому дню, когда выйдет в свет этот репортаж, в Риге завершат борьбу баскетболистки, в Баку — волейболистки, в Москве — гребцы на байдарках и каноэ, в Киеве — игроки в ручной мяч, в Таллине — яхтсмены. И только тогда можно будет считать, что Спартакиада достигла своего апогея. И лишь после семнадцати новых стартов спортивный марш миллионов завершится.

Но все это еще впереди, а пока мы можем окинуть взглядом лишь один отрезок спартакиадного пути.

Провели свой турнир в Москве ватерполисты шестнадцати лучших команд страны, и только последний, десятый день турнира определил победителей. Ими стали ватерполисты Москвы.

В те дни, когда ватерпольный мяч взлетал над водой столичного бассейна, над ашхабадским стрельбищем взлетели стрелы. Четыре дня соревновались стрелки из лука, и в этой трудной борьбе золотые медали чемпионов Спартакиады завоевали львовская спортсменка Валентина Ковпан и стрелок из Душанбе Александр Панжин. А через две недели местом выступления других участников Спартакиады — прыгунов в воду — стала столица Таджикистана Душанбе.

Этот прекрасный спорт чем-то близок гимнастике. Он получил за последние годы широкое развитие в нашей стране. Советские прыгуны добились больших успехов и на чемпионатах мира и на Олимпийских играх. В Душанбе на трамплине лучше всех выступил московский спортсмен Вячеслав Страхов, а на вышке золотая медаль была вручена восемнадцатилетнему ереванцу Давиду Амбарцумяну, незадолго до Спартакиады победившему на крупном международном турнире в Париже самого олимпийского чемпиона Дибиаси. У женщин и на вышке и на трамплине золотые медали завоевала шестнадцатилетняя школьница из Пензы Ирина Калинина. И это не случайно. Как раз за те годы, которые отделяют нас от V Спартакиады, Борис Павлович Клинченко создал в Пензе специализированную школу, и теперь этот город стал одним из признанных центров подготовки высококлассных прыгунов в воду.

Победа Давида Амбарцумяна тесно связана с большой и славной историей ереванских прыгунов, ведь на V Спартакиаде золотую медаль завоевал другой воспитанник ереванской школы — С. Кочарян. Но столица Армении славится не только прыгунами в воду, но и современными пятиборцами. Здесь вырос, стал сильнейшим пятиборцем мира Игорь Новиков, а затем он создал свою школу. В Ереване не раз проводились крупнейшие соревнования, и вот теперь именно там были разыграны призовые медали VI Спартакиады народов СССР. Соревнования пятиборцев прошли в исключительно острой борьбе. Все решилось на пятый, последний день: В. Шмелев, чемпион V Спартакиады, прекрасно прошел дистанцию кросса и стал чемпионом и нынешней, VI Спартакиады.

В Москве было разыграно первенство среди сильнейших пловцов. Шесть дней продолжались заплывы на самых различных дистанциях четырьмя различными стилями. Тут, чтобы подвести итоги, нужен особый репортаж, а пока лишь следует отметить, что всего трем известным пловцам страны — В. Буре, Н. Панкину и А. Самсонову — удалось сохранить звание чемпионов, все остальные золотые медали достались молодым пловцам.

Встреча многоборцев-легкоатлетов в Таллине завершилась победой нашего прославленного ветерана, чемпиона Олимпийских игр Николая Авилова и чемпионки Европы Надежды Ткаченко.

Фехтовальный марафон, проведенный в Минске, принес общекомандную победу спортсменам Российской Федерации.

После девяти видов обширной программы лидируют победители прошлой Спартакиады — спортсмены РСФСР.

Я. КАТИН

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ

В канун Дня Победы на 91-м километре Киевского шоссе состоялось торжественное открытие мемориала москвичам-ополченцам, погибшим в боях с фашистскими захватчиками на подступах к столице.

...Огненный 1941 год. Враг рвется к Москве. На боевых рубежах у Добрина, Денисова и других деревень Боровского района, Калужской области, ожесточенно дерутся в составе 33-й армии 110-я и 113-я дивизии народного ополчения Куйбышевского и Фрунзенского районов столицы. В этих дивизиях более тысячи работников Наркомстроя СССР и Управления строительства Дворца Советов. В тяжелых боях ополченцы отбросили врага от Москвы.

Минули годы... В память о погибших героях коллективы трестов и управлений Министерства монтажных и специальных строительных работ СССР решили на свои средства и собственными силами воздвигнуть памятник-мемориал. Работники этого министерства архитектор Е. И. Хасин, конструкторы В. В. Седов и В. Ф. Вендерман на общественных началах разработали проект памятника.

И вот за Наро-Фоминском, на стыке Московской и Калужской областей, где в 1941 году стояли на-

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

На этот раз в конференц-зале редакции «Огонька» собрались специалисты пищевой индустрии: министр В. П. Леин, начальник технического управления Г. М. Евстигнеев, кандидат технических наук В. А. Патт, Герой Социалистического Труда Г. С. Страмнов, заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института консервной и овощесушильной промышленности М. Л. Фрумкин, директор фабрики «Новая заря» А. В. Грибина, сотрудники министерства и промышленных предприятий Г. Г. Григорян, И. И. Арефьев, Л. С. Ковалева, И. В. Каурцева, Л. Ф. Тараторина, В. И. Ратников, И. М. Шмачкова, Т. Ф. Лобанкова, Е. В. Кабанова, А. В. Тепляков.

...Дня не проходит, чтобы каждый из нас не принял участие в оценке работы этой отрасли промышленности. Когда, отведав конфету, говорим «Вкусно!», мы ставим оценку деятельности пищевиков. Когда перед рыбалкой или турпоходом покупаем пакеты с

Выступает министр пищевой промышленности СССР В. П. Леин.

«ОГОНЕК» Н

Приз у победителей. В центре — Раис Салахов.

Полгода назад, принимая хрустальную вазу, — приз «Огонька» лучшей бригаде, работающей позлобински, — Александр Зотов сказал: «Не отдадим!»

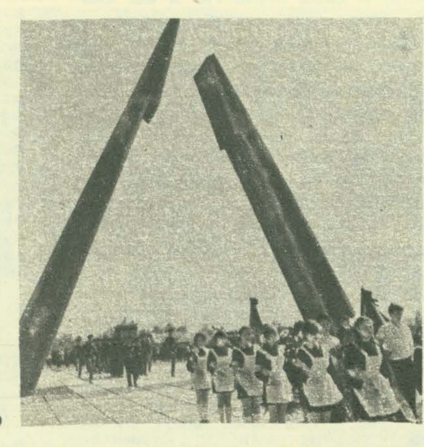
Пришлось отдать! Не потому, что бригада Зотова стала хуже работать, — просто выросли, окрепли, достигли еще лучших результатов другие коллективы. Об этом и говорилось на вечере во Дворце культуры «Энергетик», посвященном итогам соревнования за первое полугодие 1975 года.

Секретарь горкома партии И. Донская предоставила первое слово председателю жюри конкурса, главному инженеру производственного объединения «Камгэсэнергострой» В. Альфишу. Он сообщил, что за пять месяцев 1975 года строители выполнили все плановые задания на сооружении автомобильного комплекса, под монтаж технологического оборудования вместо 289 тысяч квадратных метров производственных площадей, предусмотренных планом, сдано 327 тысяч. Перевыполнен план и по жилищному строительству. Немаловажную роль в решении этих задач сыграло максимальное использование резервов организации труда, в частности применение поточного метода строительства и внедрение в первичных звеньях стройки — бригадах и потоках — подрядной формы хозяйственного расчета. Если в прошлом году, когда был объявлен конкурс «Огонька», только 33 бригады работали по-злобински, то теперь — свыше 50 бригад и 14 потоков, занятых на самых разных объектах промышленного и гражданского строительства.

— В том-то и особенность подряда,— подчеркнул В. Альфиш,— что, родившись на строительстве жилых домов, он перешагнул границы, на которые был рассчитан. На подряд переходят бригады шоферов автотранспорта и выдвигают свои встречные планы, «Гидростроя» и таких молодых, недавно созданных строительных организаций, как «Сельстрой» и «Отделстрой». Наконец, бригадный метод хозяйственного расчета перекинулся на более совершенную организацию труда — потоки на промышленном строительстве. Это позволило достичь высокой производительности труда и намного снизить планово-расчетную стоимость работ. Но особенно широкое распространение новая форма хозрасчета получила на домостроительном комбинате. Здесь из девяти потоков, занятых на возведении зданий из крупных панелей, восемь работают на подряде. И не случайно, подводя итоги второго тура конкурса на приз «Огонька», жюри единогласно присудило первую премию потоку этого комбината, возглавляемому депутатом Верховного Совета СССР Раисом

смерть москвичи-ополченцы, вырос новый памятник-мемориал. Взметнулись ввысь, скорбно склонившись друг к другу, два пилона в окружении чугунных венков и горельефов, напоминающих о суровых буднях войны. Над могилой павших героев возвышается куб из черного гранита.

В. ТОРОХОВ

Торжественное открытие памятника-мемориала московским ополченцам.

Фото В. Малькова

«экспресс»-обедами и ужинами, когда несем из булочной каравай хлеба — мы снова встречаемся с продукцией Министерства пищевой промышленности страны. На его заводах и фабриках, в пекарнях и кондитерских цехах трудятся многие десятки тысяч специалистов, чтобы и космонавт в полете и геолог в тайге имели не только сытную, но и вкусную, удобную в такой дороге еду.

Пищевая промышленность, она для всех. Может, поэтому и получился таким интересным разговор, состоявшийся в редакционном клубе деловых встреч. Вольдемар Петрович Лейн, Геннадий Михайлович Евстигнеев, Виталий Александрович Патт, Геннадий Сергеевич Страмнов и другие наши гости рассказали о развитии отрасли в целом и о том, как ведется работа над дальнейшим повышением качества продукции и эффективности труда, о том, какие новые изделия появятся в ближайшее время и что делается для того, чтобы бережно сохранить лучшие из рецептов, созданных прежде...

Участники встречи в «Огоньке».

«БУРЛАКИ» В ТОКИО

С 27 мая по 15 июня в Токио была открыта выставка русской и советской живописи. Ее подготовила галерея «Гекксосо». Это одна из самых крупных экспозиций такого рода, которые когда-либо организовывались в Японии.

Японский зритель познакомился с такими шедеврами, как «Бурлаки на Волге» Ильи Репина, «Бурное море» Ивана Айвазовского, и другими. Многие посетители внимательно рассматривали картину выдающегося пейзажиста Ивана Шишкина «Рожь». Тихий простор русских полей как бы раздвинул стены выставочного зала...

Наряду с картинами русского классического изобразительного искусства XIX века на выставке был представлен ряд полотен советских художников: Дейнеки, Герасимова, Пластова, Пименова, Неменского и других.

Об успехе выставки свидетельствует уже тот факт, что за 18 дней работы ее посетило более 150 тысяч человек. В организации экспозиции большая заслуга принадлежит галерее «Геккосо» и ее коллективу, возглавляемому президентом Иоко Накамурой. Знаток и любитель живописи, она широко известна не только в Японии, но и в Советском Союзе как один из активных популяризаторов советского искусства.

Беседуя с Иоко Накамурой, я спросил, какую цель преследовали организаторы выставки.

«Прежде всего,— сказала она,— нам хотелось познакомить широкие слои японской общественности с выдающимися достижениями русской и советской живописи. Кроме того, мы ставили себе целью показать наличие глубокой связи и преемственности между реализмом Репина, Шишкина, Айвазовского и творчеством советских художников — представителей социалистического реализма. Выставка должна помочь японцам лучше узнать вашу страну, ее людей, ее природу».

Нынешняя выставка для «Геккосо» юбилейная — пятидесятая. За пять лет существования галереи в Японии было показано более шести тысяч полотен советских художников. Около трех миллионов человек познакомились с советской живописью, и для многих тысяч японцев это было настоящим открытием искусства народов Советского Союза.

В. ТАРАНЕНКО

Токио. (По телефону)

* * *

В редакцию журнала «Огонек» пришла телеграмма из Токио. В ней говорится: «Выставка шедевров русской и советской живописи прошла с большим успехом. За 18 дней выставку посетило более 150 тысяч человек. Выставка произвела огромное впечатление на зрителей и оставила глубокий след в сердцах японского народа. Она явилась новым шагом по пути более глубокого познания японским народом Советского Союза и реалистической живописи, хорошим вкладом в углубление дружеских и добрососедских отношений между народами Японии и СССР. С уважением президент галереи «Геккосо» Иоко Накамура, вице-президент Момодзо Хасимото, вице-президент Иссеи Фудзивара».

В одном из залов выставки.

Фото автора

Президент галереи «Геккосо» Иоко Накамура перед картиной А. Дейнеки «Мать».

А КАМАЗЕ

Салаховым. В потоке целый комплекс звеньев, участвующих в сооружении громадного жилого дома на 887 квартир. Здесь трудятся монтажники и сварщики, штукатуры и кровельщики, плотники и специалисты по герметизации. Свой пятилетний план большой коллектив выполнил ко дню рождения Ленина, год назад, 21 апреля 1974 года. А вот показатели этого года: при задании смонтировать каждому строителю в среднем в день 0,8 кубического метра сборного железобетона фактически монтируется кубометр с четвертью. Сэкономлено четыре с половиной тысячи рублей, сокращено время строительства.

Вторая премия журнала «Огонек» присуждается бригаде плотников-бетонщиков «Гидростроя», возглавляемой Валентином Тихоновым. Эта бригада одна из первых в строительно-монтажном управлении № 31 восприняла злобинский метод. Она на 21 день сократила сроки бетонирования блоков в здании Камской ГЭС и достигла большой экономии средств.

Заместитель председателя жюри, главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов поздравил новых лауреатов конкурса и вручил переходящий приз Раису Салахову, а Валентину Тихонову — вымпел «Огонька». Раис Салахов, профгрупорг Анатолий Бердников и групкомсорг Татьяна Серегина премированы бесплатной поездкой в Москву, они будут гостями журнала.

Выступившие Раис Салахов и Валентин Тихонов поблагодарили за оценку их труда, труда их товарищей.

Во встрече со строителями приняли участие члены редколлегии журнала: ответственный секретарь редакции Ю. Сбитнев, главный художник И. Долгополов, редактор международного отдела В. Кудрявцев; кандидат исторических наук М. Панкратова, специальный корреспондент Г. Куликовская, фотокорреспондент Л. Шерстенников и литературный секретарь Л. Станкевич. Поэт Евгений Антошкин прочитал главу из поэмы о КамАЗе. В заключение выступил секретарь парткома производственного объединения «Камгэсэнергострой» Б. Болдырев. Во встрече принял участие первый секретарь горкома партии депутат Верховного Совета РСФСР Р. Беляев.

На другой день в Малом зале Дворца состоялась конференция читателей «Огонька». Выступившие на ней воспитатели молодежных общежитий Нина Иконникова и Вера Бухаева, бригадир монтажников «Металлургстроя» Николай Шемякин и учительница Анна Угольникова, работница Челнинского монтажного управления Валентина Сапожникова и наладчик Михаил Иватаров высказали ряд пожеланий и предложений в адрес журнала.

На читательской конференции. **Фото Л. Шерстенникова**

КОМАНДА Э

Лев ФИЛАТОВ

Этой весной мы отведали первоклассного футбола. И не какие-то иноземные команды нам его предложили, а наша. Признаться, я сразу, без обращения к газетным подшивкам, не решусь сказать, когда такое было в последний раз.

В общих чертах восстановим события. Прошлой осенью казалось, что мы у разбитого корыта. Сборная необъяснимо, в шоковом состоянии проиграла в Дублине команде Ирландии 0:3. В европейской классификации ей отвели — шутка сказать — 23-е место, и никому это не показалось преуменьшением. Лучший наш клуб, чемпион страны, киевское «Динамо», пусть и недурно провел осеннюю часть розыгрыша Кубка кубков, обыграв по два раза болгарский клуб ЦСКА «Семптеврийско знаме» и западногерманский «Эйнтрахт», тем не менее оставался спорной величиной, иные его матчи в чемпионате страны были невыразительными и, хотя все признавали, что чемпион он по праву, но в абсолютной ценности его игры многие сомневались. А о призерах «Спартаке» и «Черноморце» даже и не спорили, было ясно, что эти команды просто чуть удачнее, ловчее других прошли дистанцию, но классом игры не выделяются хотя бы потому, что не имеют достаточного числа сильных игроков. Продолжали «плавать» команды, на которые в прежние годы мы привыкли твердо надеяться — московское и тбилисское «Динамо», «Торпедо» и ЦСКА, пошли под уклон коротко блеснувшие «Заря» и «Арарат». Совершенно не ясно было, с какой стороны ждать просветления.

Решение о том, что дела сборной полностью переданы киевскому «Динамо», выглядело как срочная экстраординарная мера, как последний и единственный шанс. Фактически это было решение о роспуске сборной в обычном ее виде. Но, видимо, ничего иного придумать было невозможно, игры чемпионата Европы предстояло проводить в апреле и мае, а в это время, как известно, клубные команды у нас раскачиваются, тогда как киевские динамовцы обязаны были усиленно готовиться к весне, к продолжению игр на Кубок кубков, и совместительство напрашивалось.

И вот в марте — мае киевские динамовцы провели пять матчей в розыгрыше Кубка кубков, в том числе с «Эйндховеном» из Голландии, страны, которая год назад превратилась в законодателя футбольных мод. И еще два матча в форме сборной с командами Турции и Ирландии. И полный успех: Кубок кубков, изготовленный из легкого, слепящего глаза солнечного металла, был привезен в Киев, а сборная после двух побед стала верным кандидатом на выход в четвертьфинал чемпионата Европы.

Что же произошло? Каким образом кризисная ситуация обернулась мажорным аккордом?

По косточкам принято разбирать поражения, а победам полагается просто радоваться. Но мы погрешим против истины, если сделаем вид, что отныне «все хорошо». В данном случае есть опасность за радостью, за поздравлениями, за комплиментами иностранных обозревателей прозевать истинный смысл события применительно ко всему нашему футболу.

Вообще говоря, все те победы, которые одержали киевские динамовцы, они могли добыть, играя и на уровне прошлого сезона — твердо, стойко, практично, по плану, с вкраплениями летучих импровизаций. Представить это можно. Мы и в этом случае воздали бы им должное. Но случилось другое: киевское «Динамо» раскрылось, расцвело. Это и стало событием, даже в большей мере, чем сами победы. Они не были «выцарапаны», «вырваны», они были преподнесены, подарены нам, зрителям, с непринужденностью, легкостью, изяществом, что во все времена отличает высокое футбольное умение.

Кажется, совсем недавно, в 1966—1968 годах, киевское «Динамо» господствовало у нас, и его брали за образец. После матча с ирландцами в мавританском дворике киевского Центрального стадиона я встретил Йожефа Сабо, игрока, который воплощал в себе достоинства той отличной чемпионской команды.

— Как они в сравнении с вами? — задаю я напрашивающийся вопрос.

Нет, Сабо не намерен был пускаться в сравнения («с одной стороны, с другой стороны»), его взволновало зрелище, он разгорячен им.

— Какой может быть разговор! У них же совсем другая скорость, мы на такой не работали! Прекрасная команда!

Никита Симонян, в бытность тренером «Спартака» и «Арарата», вечно противоборствовал киевскому «Динамо» и не разделял многие его игровые концепции, о чем заявлял открыто. На днях он сказал мне:

— Хороша команда! И все потому, что она иг-ра-ет! — Симонян так по слогам и произнес это слово.

Борьба и игра. Это то, из чего сплетена неразрывная нить футбола. Борьбы, суровой, страстной, неистовой, порой с перехлестами, мы видим достаточно на футбольных полях. Игра стройная, тонко прочерченная, тонко задуманная встречается не так уж часто, и она-то, делая невидимой простую мускульную работу, приподнимает футбол, преображает азартное, захватывающее зрелище в зрелище, еще исполненное и красоты и смысла.

У киевского «Динамо» прежних сезонов (команда на виду уже много лет) агрессивности, самолюбия, последовательности всегда было хоть отбавляй. Была, конечно, и своя игра. Но я бы сказал, что внимательный зритель, однажды уловив рисунок этой игры, потом постоянно замечал бы повторения. Киевское «Динамо» этой весны, будучи нисколько не менее агрессивным, чем его предтеча, словно напоказ, щеголяя и хвастаясь, рассыпает, как коробейник ситец и парчу, футбольные экспромты один затейливее другого. И тем самым не просто убеждает нас в своей правоте, но еще и покоряет.

Говоря же языком футбольной прозы, отметим, что команда уловила и усвоила чередование скоростей, мягко, без скрипа их переключает, переходя вдруг от лукавой перепасовки к спринтерским комбинациям. Блохин, Онищенко и Колотов знают, как делаться неуловимыми для защитников противника на достаточные для удара по воротам мгновения. Веремеев, Мунтян и Буряк каждый на свой манер стремятся сделать не что-либо иное, а голевую передачу, она для них и цель и удовольствие. Защитники Трошкин, Матвиенко, Фоменко, Решко только и ждут момента, чтобы затеять рейд с мячом или рывок вперед в надежде на верную передачу. Распределение обязанностей в команде не чугунное, раз и навсегда, а меняющееся, текучее, в зависимости от ситуаций.

Можно при желании найти в игре динамовцев черты, роднящие их со сборными ФРГ и Голландии, какими те запомнились прошлым летом в дни чемпионата мира. Это в порядке вещей, футбол на земле подчиняется общим законам. Но хитрость как раз в том и заключается, что законами надо пользоваться так, как удобно данной команде. Это, на мой взгляд, удалось тренерам В. Лобановскому и О. Базилевичу в полной мере. Будучи командой, как полагается в наше время, динамичной, скоростной, с автоматически налаженной взаимозаменяемостью игроков, киевское «Динамо» позволяет проявить свою индивидуальность каждому. Получили простор Колотов, Блохин, Веремеев, Онищенко, как на дрожжах поднялись Трошкин, Буряк, Фоменко, Коньков. Скажем, в сравнении с «Эйндховеном», нынешним чемпионом Голландии, которому прекрасно известны все наисовременнейшие веяния, игра «Динамо» выглядела оригинальнее, она реже повторялась. Внешне создается впечатление, что динамовцы ведут себя на поле привольно, как им вздумается, но это та свобода, право на которую дает квалификация.

В некоторых матчах нашего чемпионата они себя сдерживают, давая понять своим поведением, что считают неразумным играть всякий раз что есть силы. Можно как угодно относиться к такой турнирной стратегии, но нельзя не различить в ней умение властвовать собой, то чередование скорости, которое, вероятно, так же допустимо при прохождении длинной дистанции чемпионата, как и в ходе одного матча.

На протяжении ряда сезонов у нас вошло в привычку поругивать свой футбол, и сейчас, когда как с неба свалился этот Кубок кубков, невольно побаиваешься похвальных слов: как бы не пересластить. Тем более, что сезон в разгаре и наша лучшая команда держит бесконечные экзамены на всех стадионах, пропускает голы, теряет очки, ее игроков наказывают судьи, а строгие критики спуску ей не дают. Поэтому не станем заранее ставить к ее ногам призы всех наших турниров, пусть рассудит осень. Минувшая весна и без того служит достаточным поводом для размышлений.

Нам очень не хватало этого Кубка кубков, как веского аргумента в затянувшемся споре о возможностях нашего футбола. Теперь есть право смело утверждать: «Можем!» Но одновременно рельефно обозначились условия подобного достижения. Наша обязанность их не прозевать. Было бы грубой ошибкой объяснить случившееся одним каким-либо частным обстоятельством и на том успокоиться.

Прежде всего отдадим себе отчет в том, что киевское «Динамо» достаточно давно, с 1960 года, вышло у нас на первые роли, потеснив московские клубы. Вышло оно не наскоком, не рывком, не благодаря счастливому расположению звезд над Киевом, а в результате повышенного внимания к команде, создания ей необходимых условий теми организациями, в чьей это компетенции. Под вниманием следует подразумевать подбор кадров — тренеров, врачей, администраторов, массажистов, обеспечение тренировочных и бытовых нужд команды, умелое стимулирование добросовестной игры, создание атмосферы ответственности футболистов за клубный флаг. Другими словами, лишний раз нам доказано, что большие достижения в футболе — это большая организационная работа.

Судьба команды целиком и полностью зависит от подбора игроков. Никакие щедроты, никакие манипуляции тренера-чародея не выручат, если нет пятнадцати-шестнадцати обученных, одаренных футболистов. Легко сказать: пятнадцать-шестнадцать хороших игроков, а на их поиски, на то, чтобы их свести вместе, иногда уходят годы. Это в самом деле кульминация футбольной жизни, когда команда обретает состав, в котором все один к одному и ни о ком больше и мечтать не надо. Самые знаменитые удачливые клубы годами бывают «не в составе». Когда же вечно искомое совпадение состоится, тогда и вспыхивает пламя игры, видное издалека. Подбор игроков, естественно, зависит от уровня тренерской требовательности, от развитости вкуса, от традиций команды, от ее стиля.

Киевское «Динамо» последовательно, с большим разбором подбирает себе игроков. Такая практика давала себя знать и в прошлые годы, помогла и ныне. Как во времена чемпионского трехлетия, так и сейчас команда укомплектована надежно, опирается на нескольких выдающихся игроков.

И тут возникает старый, так и не решенный у нас до сих пор окончательно вопрос — о переходах. На мой взгляд, мы блуждаем

Москва, июнь 1975 года. Товарищеская встреча сборных команд Италии и СССР.

Фото А. БОЧИНИНА

ТОЙ ВЕСНЫ

в трех соснах. Да, водятся среди футболистов пьяницы, лодыри, рвачи, которые не прочь безбедно скоротать молодые годы, кочуя из команды в команду, так как долго их нигде не терпят, а спрос на «имена» у неразборчивых селекционеров существует. Нет и тени сомнения в том, что, отделяя эту накипь от футбола, мы делаем доброе дело. В этих случаях беспощадность оказывает целительное действие. Однако, желая навести железный порядок, у нас одновременно притормаживают совершенно необходимое выдвижение молодых игроков в лучшие клубы. Неспроста бесконечно редактируется инструкция о переходах, а ясности в ее параграфах нет. Убежден, что ясность прежде всего следует внести в отношение к переходам. Сейчас само это слово имеет криминальный оттенок, общее внимание привлекается к похождениям ловчил и «торгашей». Но с какой же стати под скандальную рубрику подводить вообще любой переход игрока?! А именно этого хотят добиться руководители иных команд младших лиг. И получается, что парень, способный забивать голы в ворота сборных Англии и Бразилии, ничем себя не проявляет в своей команде, и талант его гибнет. А футбольный век ведь короток.

Наша высшая лига остро нуждается в молодых силах. Высшая лига, главное предназначение которой защищать престиж советского футбола на международной арене! Предпринимаются шаги по созданию школ, где будут серьезно учить футболу, но, разумеется, несколько лет эти школы никого не выпустят. Есть немало примеров того, как хорошо проявляют себя выходцы из младших лиг. И, вероятно, надо поощрять их выдвижение, быть может, даже назначать им срок для проверки сил в высшей лиге, делать своеобразные условные переходы. Да и надо, наконец, спокойнее относиться к тем переходам внутри высшей лиги, которые продиктованы спортивной целесообразностью. Нечего закрывать глаза на то, что в киевском «Динамо» играют приглашенные из команд высшей лиги Фоменко, Решко, Буряк, Коньков, Кузнецов — и это способствовало созданию того ансамбля, который принес радость всем нашим болельщикам.

В футболе сколько угодно предрассудков, косности, всякого рода «тумана». Можно то и дело услышать, как иной «специалист» доказывает, что такая-то команда извечно хорошо начинает, другая — «осенняя», а третья сильна в дождик, что у футбола свои законы, ибо мяч круглый, что весеннюю недостаточность нам ни за что не преодолеть, она у нас в крови, что научные рекомендации — от лукавого и без них тридцать лет назад неплохо играли и т. д.

Футбол наш наткнулся на дефицит молодых, образованных тренеров, тех, кто готов опираться не на интуицию, не на таинственную непознаваемость футбола, а на точные знания, на выводы спортивной науки, на смелое мышление, на установление во всем порядка. Успех киевского «Динамо», возглавляемого В. Лобановским и О. Базилевичем, как раз и подтвердил, что на сцену выходят тренеры новой формации. Оба они состоят в деловом контакте с учеными, совместно с ними разрабатывают модели тренировочных занятий, смело пошли на раннюю, в марте, готовность команды к ответственным матчам и добились ее, следят за иностранной футбольной периодикой, наладили разведку противника, обзаводятся новейшим оборудованием, необходимым спортсменам высокого класса.

В прошлом году, хотя команда взяла оба главных приза, Лобановский и Базилевич уклонялись от обстоятельных разговоров с журналистами, от предложений написать итоговую статью, даже просто от интервью. Признаться, тогда я подозревал их в капризности. Сейчас я понимаю, что они ждали от команды той игры, которая прорезалась нынешней весной. Все-таки призы не всё решают в футбольном деле, права всегда бывает только игра, она позволяет тренерам испытать чувство исполненного долга.

Любители футбола уже начали то и дело задавать друг другу вопрос: «Что ж, так и будут теперь ехать на одной команде!» Для такого вопроса есть несколько поводов. Прежде всего просто тревожно за команду, на плечи которой взвален груз всех, какие только существуют, ответственных турниров. Но это чувства. Существуют и доводы рассудка. Сборная команда, так сказать, по идее, способна избежать кризисов и спадов, так как в ее распоряжении все наличные силы. Клубы же, как правило, переживают спады, достаточно вспомнить, как на наших глазах ушли в тень итальянский «Интер», шотландский «Селтик», голландский «Аякс». Сборная может попытаться за ориентировку на один клуб, вместе с ним оказавшись в полосе безвременья (именно так получилось с олимпийской сборной, созданной на базе «Спартака»).

Думаю, что возвращение к «нормальной» сборной произойдет, но лучше, чтобы оно было не вынужденным, а спланированным. Но какой клуб наряду с киевским «Динамо» способен сегодня предоставить сборной группу хорошо подготовленных игроков?

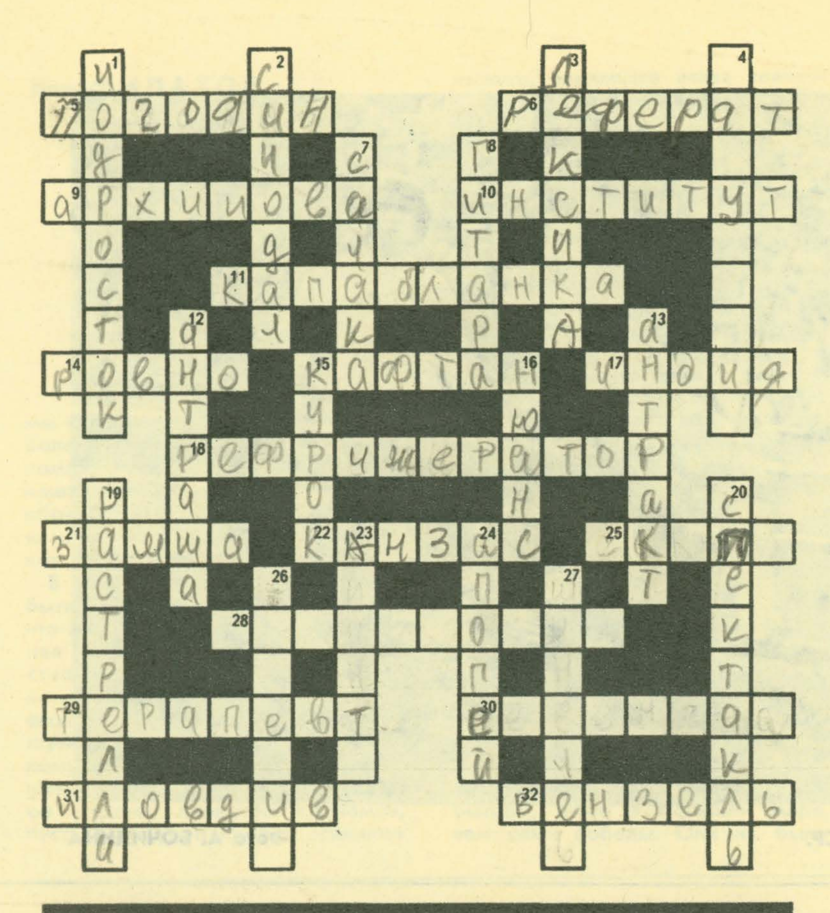
Короче говоря, экстренно необходима вторая команда, способная по всем показателям соперничать с киевским «Динамо». Это, конечно, сообщило бы дополнительный интерес чемпионату, прибавило бы зрителей на трибунах. Но, что более важно, это придало бы прочность нашему футболу, которому ведь на роду написано быть в числе первых на мировой арене, несмотря на всевозможные отступления, замедления и трудности.

Я говорю о второй команде не потому, что двух будет достаточно, нет, чем больше, тем лучше, это ясно. Но так уж ведется (и это еще один из предрассудков), что руководители многих других команд считают киевских динамовцев привилегированными, состоящими на особом положении и как бы не считают себя обязанными за ними тянуться. Подъем второй команды (не на сезон-другой, а на ряд лет) поставил бы под сомнение эту опасную апатию.

Когда заходит разговор об отставании остальных от лидера, любопытствующие и укоризненные взоры сразу обращаются в сторону московских клубов. И тут возникает перед нами еще один предрассудок в виде преувеличенного представления московских клубов о себе как о ведущих.

Вольное употребление слов — вещь далеко не нейтральная. Мне думается, что числить сегодня московские клубы среди ведущих не только не точно, но и оборачивается чем-то вроде медвежьей услуги для них. Приятно греться в лучах старых свершений: «десятикратные», «девятикратные», «больше всех забили с 1936 года» и т. д. Но футбол это вечная молодость, от него требуются все новые и новые доказательства силы и класса, и никому не дано прятаться за «суммарные итоги». Право наследования не распространяется на чемпионские медали. Лучше помнить, что самые у нас титулованные команды — московские «Динамо» и «Спартак» сдали позиции: динамовцы не были чемпионами уже 11 лет, а спартаковцы за это время победили всего однажды.

Отставание это измеряется не в очках и местах, а в серьезности ведения футбольного дела. Всех разделов этого дела. Вот поэтому весенний аккорд киевского «Динамо» должен быть воспринят нашим футбольным миром как пример и как вызов.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русский советский писатель. 6. Краткое изложение научной работы. 9. Солистка Большого театра, народная артистка СССР. 10. Высшее учебное заведение. 11. Известный шахматист. 14. Областной центр на Украине. 15. Старинная мужская одежда. 17. Государство в Азии. 18. Транспортное средство с холодильными установками. 21. Кожа, выделанная из оленьих или лосиных шкур. 22. Река в США. 25. Хищная птица. 28. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 29. Врач. 30. Перерыв, промежуток, пауза. 31. Город в Болгарии. 32. Инициалы, связанные в общий рисунок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Роман Ф. М. Достоевского. 2. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 3. Словарный состав языка или диалекта. 4. Вечнозеленый кустарник. 7. Морская рыба. 8. Щипковый инструмент. 12. Прыжок в балете. 13. Перерыв между отделениями концерта. 15. Часть ударного механизма в огнестрельном оружии. 16. Оттенок звучания. 19. Архитектор, построивший Зимний дворец в Петербурге. 20. Театральное представление. 23. Голландский мыслитель. 24. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 26. Химический элемент. 27. Повесть Н. В. Гоголя.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Мексика. 8. Динамик. 10. Вторник. 11. Юнган. 13. Сайра. 14. Взвод. 16. Барокко. 17. Иркутск. 19. Сторона. 21. «Шутники». 23. Лиана. 24. Друть. 26. Рояль. 28. Глюкоза. 30. Вокализ. 31. Антоним.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лусака. 2. Иматра. 3. Шеренга. 4. Шкив. 5. Цинк. 6. Кипарис. 9. «Провинциалка». 12. Никополь. 13. Секретер. 14. Вокзал. 15. Дикуша. 16. Бокс. 18. Кюри. 20. «Теремок». 22. Калория. 25. Тамара. 27. Основа. 28. Григ. 29. Айни.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Герой Социалистического Труда И. И. Стрельченко (см. в номере очерк «Горизонты»).

Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Башкирия. На реке Белой.

Фото Л. Шерстенникова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

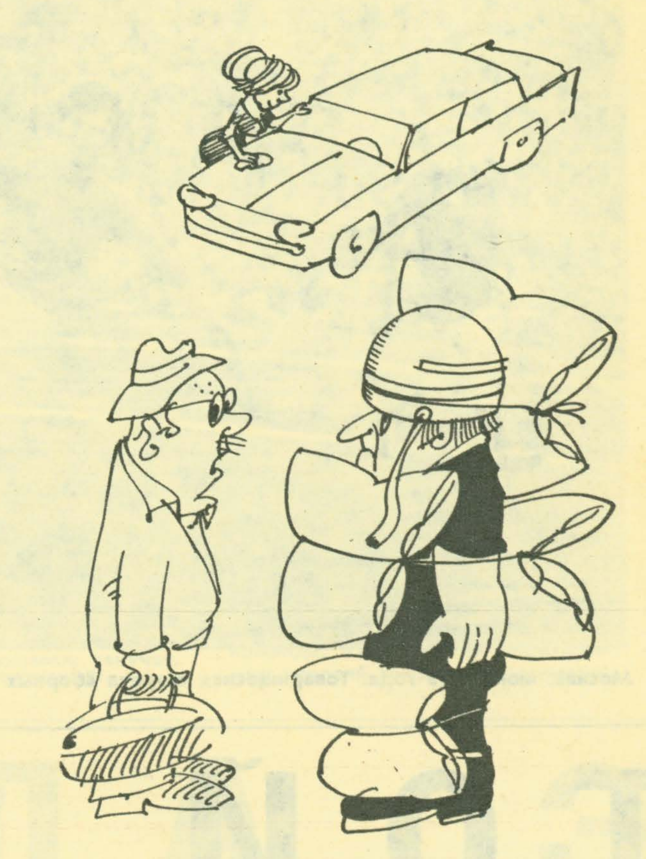
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

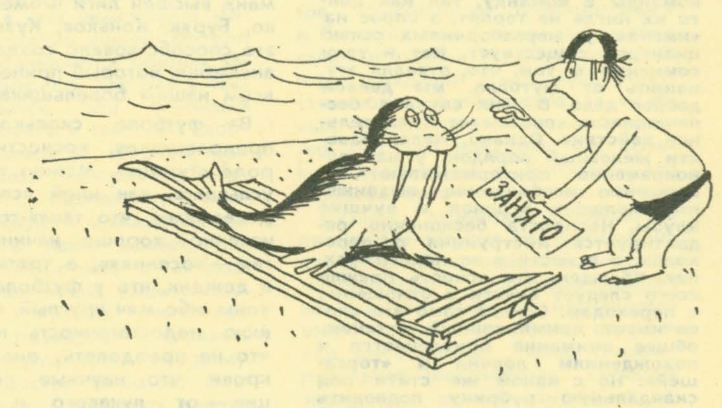
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/VI—75 г. А 4211. Подп. к печ. 24/VI—75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1496. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 682.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

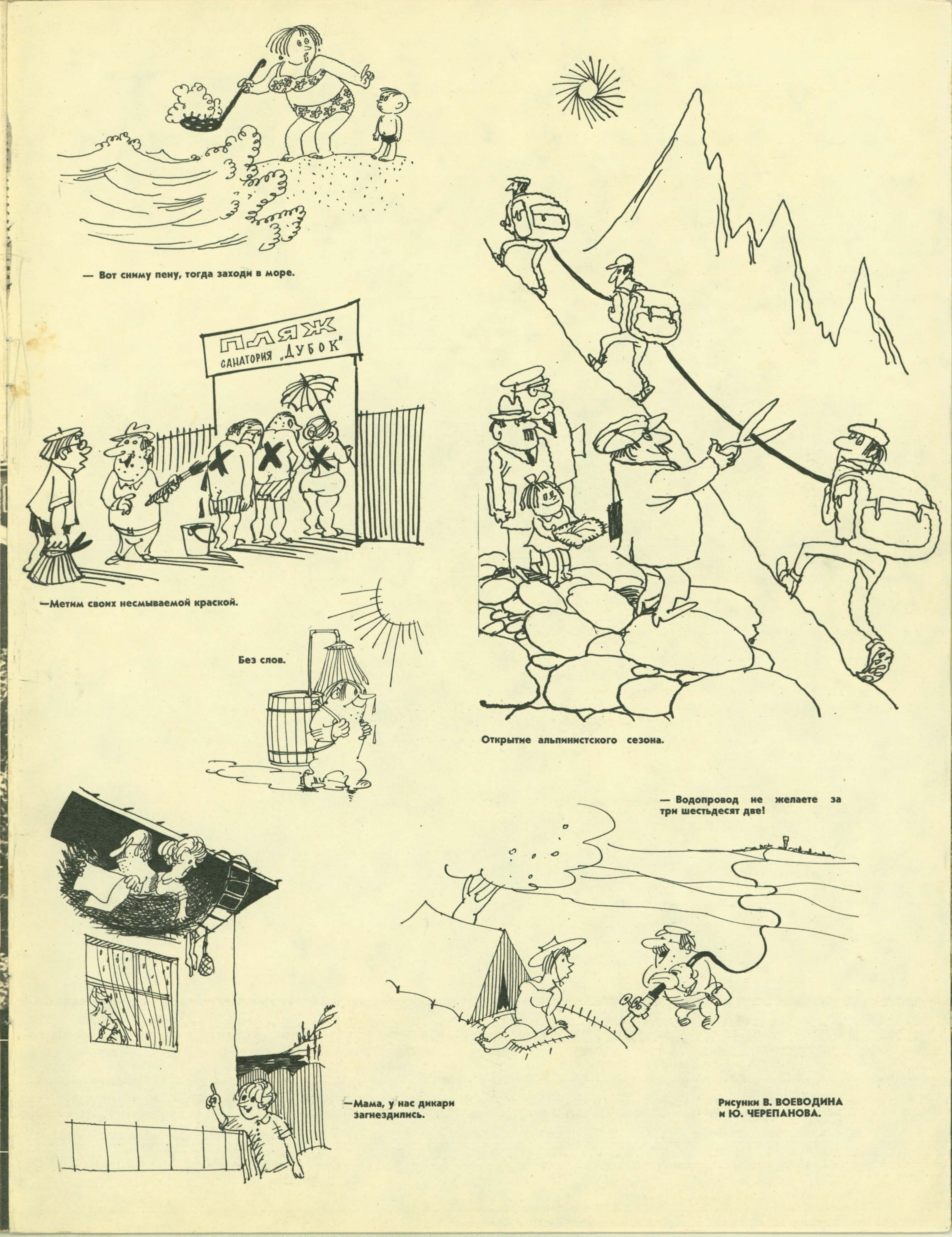

— В отпуск едем, жена получила водительские права.

— Ты что, читать не умеешь!

— Вот сниму пену, тогда заходи в море.

—Метим своих несмываемой краской.

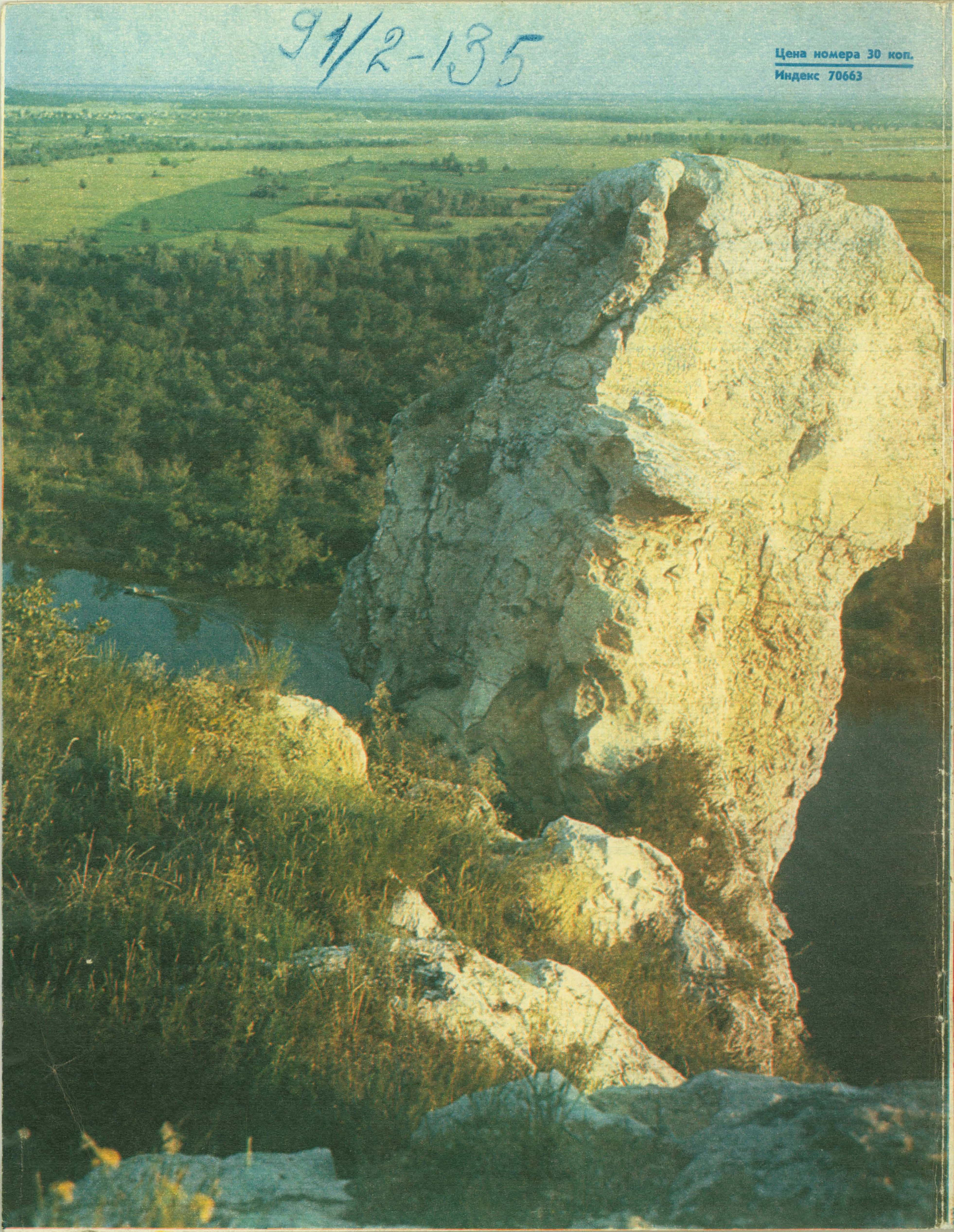
Без слов.

Открытие альпинистского сезона.

— Водопровод не желаете за три шестьдесят две!

—Мама, у нас дикари загнездились.

Рисунки В. ВОЕВОДИНА и Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663